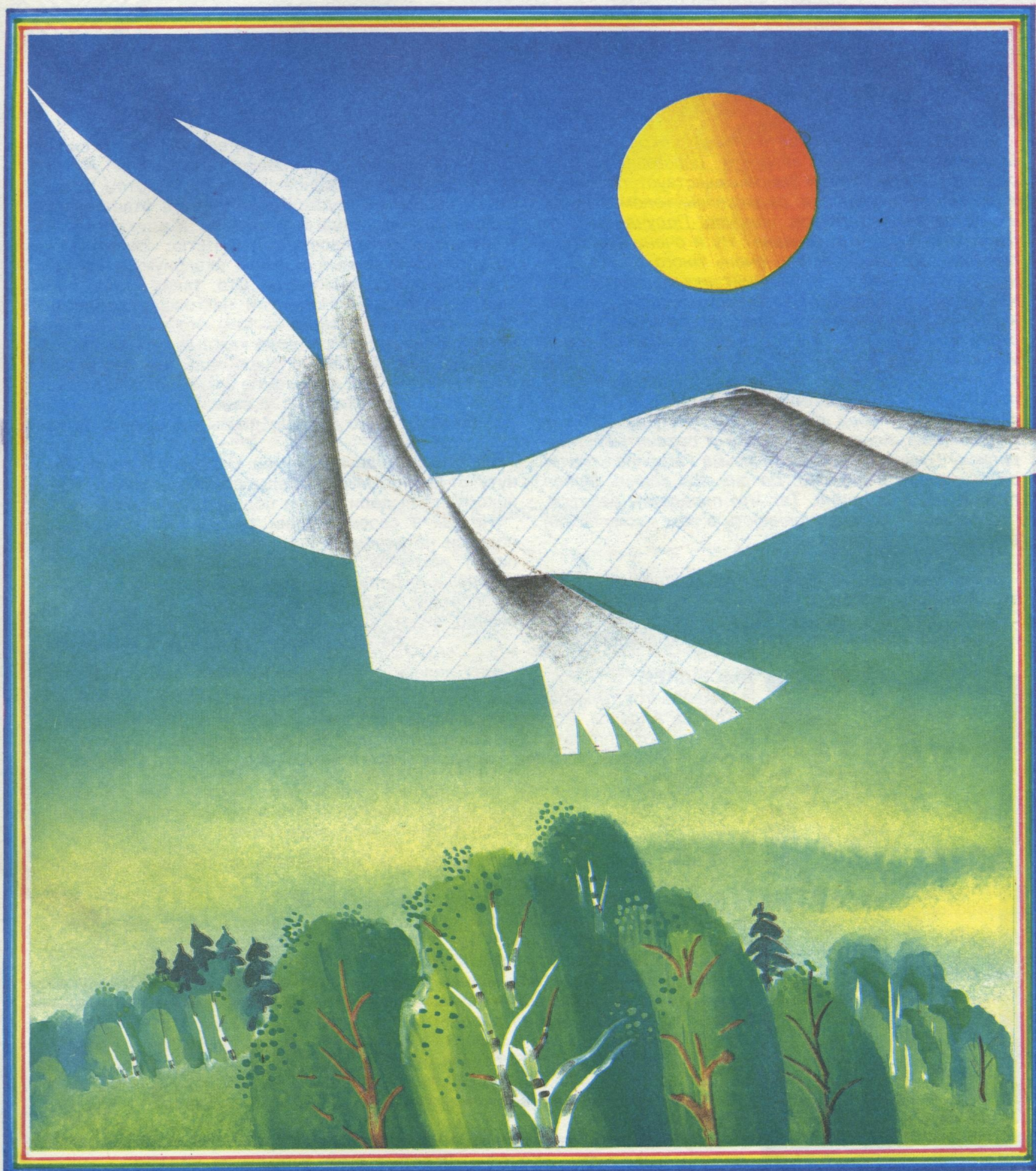
ПИОНЕР

6
1988

ISSN 0130—8009

Узел связи

КОМУ, КУДА... ЗАЧЕМ?

...Получают ли письма инопланетяне? Представим себе: где-то далеко в горах сидит кто-то из землян и терпеливо посылает далеко-далеко, в межзвездную черноту закодированные сигналы: «Мы есть... Мы есть...». Интересно, как они выглядят, эти «письма»? А что, если позвонить в Институт космических исследований? Представьте себе, нам любезно согласился ответить зав. отделом института **Юрий Иванович Зайцев:**

*— **НА** ваш вопрос ответить пока не могу, хотя... С космонавтами мы запросто переговариваемся с Земли, да и на самой Земле существует так много возможностей общаться: радиосвязь, телемосты, да и наш обычный телефон, наконец! Получается, что простое письмо уже излишне? Ну и очень жаль! Вы говорите, что в редакцию очень много пишут. Так что, радуйтесь, ничто не заменит письмо. Значит, оно не уходит из жизни. Переговариваются в океане корабли, летчики в небе, выходят на связь радиостанции, расположенные в разных уголках планеты. И очень часто в конце связи: «Старик, напиши мне письмо»... Далось же это письмо! Может, письмо порой — это даже больше, чем встреча с глазу на глаз? Может, перед листом бумаги человек бывает откровеннее, искреннее... Часто я перечитываю переписку Пушкина, Чехова... Письма Гагарина к матери, Королева к родным. До сих пор храню первое письмо сына из армии. Так что передайте ребятам, что письмо — большая ценность в наш космический век! Будем его уважать.*

А мы уважаем. И, оказывается, правильно делаем. Хотелось, чтобы и ты, читатель, уважал нас. Обидно получать письмо, написанное от скуки. Не пишешь же ты своим родственникам: «Бабушка, вчера мне нечего было делать, я вспомнил, что скоро у тебя день рождения и решил поздравить». А чего стоит письмо, написанное только чтоб потом похвастать: написал в редакцию — получил ответ!

Приходят и письма без подписи. Жалуется некто «неизвестный» на своего соседа Петю: «Белую мышку упрятал в тесный круглый аквариум, а ей там слишком светло и скучно!». Ого, таких «тайн» нам еще не поверяли! Но вот и настоящая подлость: одна «подружка» пишет о том, что в семье у ее одноклассницы Наташи дома каждый день драки, «а сама Наташа постоянно бьет младшую сестренку, а мальчишки с ней дружить не хотят, потому что она длинная». Насплетничала, а свою фамилию указать «позабыла». А что было, если бы мы решили выяснить, кто прав?

Но бывают и другие случаи. Написано письмо в минуту отчаяния. Мы бы рады помочь, и секрета бы никому не выдали, но ни подписи, ни адреса нет.

Но мы в своем мнении тверды — письмам без подписи не верим. А кому верим? Всем! Всем, кто пишет искренне, честно. Рассказывает только об интересном. Делится с нами по душам. Просит совета, помощи... Одним словом, тому, кто, садясь за письмо, знает, кому он пишет, куда и зачем.

По «Узлу связи» дежурила С. Мишустина.

НЕ

ВЫСЫЛАЕМ:
— Аквалангов, бумерангов, клеток для хомячков, фотографий Дитера Болена и Томаса Андерса, Робина Гуда и всех его друзей, НЛО и их чертежей, книг, игрушек, фотоаппаратов, динозавров, слонов, музыкальных инструментов, аквариумных рыбок, клюшек, частушек и всего остального, чего нет и не бывает в редакциях.

ОТВЕЧАЕМ:
— Ябедам, хвастунам, грубиянам.

ВОЗРАЖАЕМ, ЕСЛИ:
— Ответы на конкурсы, кроссворды будете присылать на почтовых открытках с пометкой названия конкурса.
— Будете делать меньше грамматических ошибок.
— Будете писать разборчиво и не слишком усердствовать, когда заклеиваете конверт, потому что открыть его потом большая сложность.
— Указывать индекс, точный обратный адрес или школу и класс.
— Писать точно название нашего издания, а не обзывать нас «Пионерским журналом» или «Пионерской почтой», иначе ваше письмо будет долго вальсировать по стране, пока не попадет к нам в руки.

ПРИНИМАЕМ:
— Писем, написанных на клочках бумаги, на обрывках газет и журналов, на салфетках, промокашках, кульках из-под пончиков, на бересте, на пергаменте, тканях, и прочую наскальную живопись.

УЛЫБАЕМСЯ:
— Всевозможным надписям на конвертах типа: «Срочно. Я надеюсь!», «Почтальон, шире шаг!», «Ку-ку!», «Довать в руки, в ясчик не кидать».

Рисунок А. ВОВИКОВОЙ.

Борис МИНАЕВ

Друг по переписке

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ДВОСКИНОЙ.

Недавно я нашел ее письмо. Рылся в столе и нашел.

Я смотрел на несколько строчек, выведенных ровными круглыми буковками, а между буковками пустые места — так, наверно, пишут первоклассники, смотрел и думал: «ПРОШЛО ДВА ГОДА».

Много чего случилось за это время, можно уже было давно забыть эту историю, но я не забыл. Тогда ведь мне казалось, что со мной произошло что-то уникальное, неповторимое, единственное в своем роде.

А теперь мне кажется, что их тысячи, таких историй. Только никто о них ничего не знает — из окружающих, я имею в виду,— потому что РАССКАЗАТЬ их почти невозможно. Или очень трудно. Ведь ничего почти в таких вот ИСТОРИЯХ не происходит. Почти ничего. А если и происходит, то как-то вдруг. Вроде бы не было ничего, а потом вдруг — бац! Как представишь себе этого постороннего, который сделает удивленное лицо: а что, собственно, произошло, мол, что-то я никак не врублюсь, в чем тут соль? — и сразу рассказывать ничего не хочется.

Вот все и молчат в тряпочку.

По-моему, это неправильно.

...И я решил восполнить этот пробел, рассказать свою ИСТОРИЮ — одну из тысячи. ИСТОРИЮ эту я рассказываю не для того, чтобы выглядеть каким-нибудь героем. И кое-что я в ней изменил. Чтобы мои знакомые не тыкали пальцем — мол, все было не так, зачем ты все наврал; ведь если рассказать все по правде, то все равно будут тыкать, а так, может, и не догадаются, что это про них. По тем же самым причинам я не стал называть наш город, номер школы, ну и все прочее.

...И страну, с которой мы тогда переписывались, я тоже называть не стал. Это ведь неважно. Важно, что она была очень далеко от нашего города, а ТОГДА это расстояние казалось мне еще более огромным.

Ну вот и все предисловие. Теперь история. Если

СССР
ПИОНЕР
Выходит с 15 марта 1924 г.
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ИЮНЬ 6
Москва, 1988
Издательство «Правда»

будет скучно, сразу переставайте читать. Значит, с вами таких случаев не было.

Первого сентября после уроков Вера Антоновна собрала нас в своем кабинете.

Она объявила, что через клуб интернациональной дружбы во Дворце пионеров можно списаться с каким-нибудь классом какой-нибудь школы одной дружеской республики. Если мы хотим, конечно.

Все, конечно, хотели, кто-то даже закричал «ура». Таким тоненьким голоском...

Через неделю Вера Антоновна принесла на свой урок зелененькую тетрадочку. Она помахала ею над головой и сказала:

— Ребята! Вы помните наш разговор? А вот и адреса!

Тут уже «ура» закричали все, и даже мы с Лехой и Иваном.

...Но дальше произошла одна странная вещь, с которой все и началось.

Вера Антоновна не стала делить адреса и не пустила тетрадочку по рядам. Она спрятала ее обратно в стол и сказала:

— Ребята! В этой дружеской республике очень многие школьники изучают русский язык. И в той школе, с которой мы будем дружить, его изучают тоже. Но все равно — я вас очень прошу — постарайтесь писать очень простыми (тут она повысила голос), ясными (тут она сделала многозначительную паузу), понятными фразами... Не растекаясь, как сказал поэт, мыслью по древу.

— Все письма,— еще медленнее выговаривая слова, сказала Вера Антоновна,— я буду проверять сама. А отправлять вместе с советом отряда. Вопросы есть?

Мы помолчали.

— Прекрасно.

Она улыбнулась, раскрыла журнал и начала вызывать к доске...

После уроков Любка Петрищева, наш председатель, сунула мне бумажку, на которой было написано:

ГЕОРГИНА КОН...

Фамилию я не разобрал.

— Как фамилия-то Георгины? — спросил я Любку.

Она равнодушно пожала плечами:

— Зачем тебе фамилия? Все равно конверты писать мы будем с Верой Антоновной. «Здравствуй, Георгина»,— тебе больше ничего не нужно.

Петрищева весело посмотрела на меня и добавила:

— Вам один адрес на троих. Тебе, Беленькому и Колмыкову.

— Почему? — возмутился я.

— Не знаю,— насмешливо сказала Петрищева.— Так Вера Антоновна велела.

— Ладно,— сказал я и сглотнул слюну.— Будем писать втроем. По очереди. Хотя это глупость, по-моему. Лучше тогда вообще не писать.

Она помолчала, а потом как-то зло сощурилась:

— А какая тебе разница? А, Быстров? Как писать, кому писать — ты меньше задумывайся, а то голова устанет. Твое дело наладить контакты с зарубежным другом. Писать коротко, понятно — ты же слышал. Или неясно?

— Ясно,— сказал я.— Ясно, что все вы размечтались за границу полететь. Мечтатели.

А потом я сказал еще одну фразу, очень обидную для Петрищевой. Обидел ее, в общем. А зачем?..

— Я, Люба, больше или меньше задумываться не умею,— сказал я.— Или задумываюсь, или нет. А ТЫ?

В тот вечер мы собрались у меня.

Я достал чистую тетрадь, взял три ручки и положил перед каждым. Перед этим мать попоила нас чаем с пирожками, и поэтому мы были сытые и чинные. Мы сидели, аккуратно сложив руки перед собой.

Сидели и молчали. Что нужно делать, никто не знал.

— Ну, товарищи,— басом молвил Иван,— так и будем сидеть, как на похоронах? А?

— А как писать? По очереди или вместе? — спросил я.

— Да при чем тут это? — сказал Леха.— Главное, о чем писать, если Вера будет проверять!

— Да, тут не разбежишься,— сказал Иван хмуро.

— Ладно,— сказал Леха,— первое письмо напишем вместе, а там посмотрим.

Итак, нашу девочку звали Георгина. Мне нравилось это имя, а Лехе и Ивану — нет. Есть такие красивые цветы, они растут, кажется, осенью. Правда, точно я не знал, потому что в нашем районе не было ни рынка, ни цветочного магазина, а папа дарил маме цветы давно — в последний раз, когда я родился. Так мне однажды сказала мама. Но именно по этой причине — что имя было цветочное — оно не нравилось Ивану и Лехе.

— Надо попросить прислать фотографию! — осенило Ивана.

— А наши надо посылать? — спросил я.

Мы подозрительно посмотрели друг на друга.

— Что же, три сразу? — сказал Иван.

— Она испугается,— очень серьезно прошептал Леха, и мы с Иваном прыснули. А он уже наклонился к бумаге.

«Привет, Георгина! Пишут тебе Иван Колмыков, Леша Беленький, Саша Быстров. Мы хотим с тобой переписываться. Думаем, что ты тоже не против. Георгина, нам интересно знать, как ты учишься, есть ли у тебя общественное поручение, кто твои родители и вообще все про тебя. Город наш небольшой, наверное, как и ваш, но очень хороший и красивый, правда, пыли много, потому что большая промышленность. А так нормально. Летом мы ездим в пионерский лагерь «Ветерок», во второй отряд. Там есть вожатая Мила, замечательный человек и хороший товарищ. Георгина, какая в это время у вас погода, наверное, хорошая. И еще одна просьба: вышли нам в письме свою фотографию, мы будем рады этому. Твои друзья Иван, Леха и Саня. Большой пионерский привет».

...Не знаю, чем меня так задело Лешкино письмо, но только ночью я не мог заснуть, все вспоминал, что он там накалякал, мой друг Леха. Может быть, именно потому, что там все было вперемешку, я очень ясно все себе представил, о чем мы не написали: и то, как дымят трубы над нашим микрорайоном, и то, как вечером из автобусов вываливаются усталые взрослые люди с серыми лицами, а некоторые еще и выпивши, а мы стоим где-нибудь неподалеку от остановки и на них смотрим, как тянут домой свои неподъемные сумки тетки в одинаковых кофточках и одинаковых туфлях, а среди них моя мама, и вожатую Милу, в комнату которой мы заглядывали по ночам, осторожно выбираясь из палаты, а ее комнату освещал бледно-голубой свет единственного на всю

аллею фонаря, поставленный как будто нарочно для того, чтобы мы лучше видели в луче света ее молочную руку, словно упавшую в темноту, платье на спинке кровати и босоножки под стулом...

Мне стало жарко, и я полез в темноте открыть форточку шире. Скользкий ветерок мазнул по лицу, я высунулся в окно и поглядел на скучные ряды крыш.

Там, где они кончались, небо становилось дрожащим и красноватым — на дальнем конце пустыря работал завод, и ветер приносил жесткие скрипучие слова диспетчера, которые он произносил прямо в глухое небо, вот только слов этих разобрать было нельзя...

Спать совершенно не хотелось.

Я осторожно включил свет, тихо вырвал из тетради чистый лист и сразу забыл обо всем на свете.

«Здравствуй, Георгина! — начал я.— Пишет тебе Саша Быстров. Георгина, в прошлом нашем письме мы не написали тебе о многом. И ты о нас не составила мнения. Поэтому я решил к первому письму присоединить второе, которое ты сейчас читаешь. Георгина, я являюсь пионером, мои друзья Леха и Иван тоже. Правда, у нас все ребята пионеры, и хорошие ребята, и не очень. А вот как у вас, я не знаю.

Георгина, я пишу не о том, а мне хочется написать тебе о нашей жизни, чтобы ты знала о ней все. Не знаю, почему.

Наша пионерская жизнь проходит очень хорошо, но мне почему-то кажется, что ваша пионерская жизнь проходит намного лучше. Может, это

и не так, я не знаю. Наши девчонки подлизываются к классной, доносят на нас, что мы ругаемся и деремся.

Георгина, извини, что я пишу жестокую правду, но мне хочется, чтобы ты знала о нас все и стала нам большим, настоящим другом. Наши ребята ведь тоже пишут девчонкам и мальчишкам из вашего класса, а письма все смотрит Вера Антоновна, поэтому ты ничего не узнаешь о нас. Но и это письмо ты, наверное, не получишь, хотя, может, и получишь, трудно сказать, а писать я все равно буду и хочу. Итак, продолжаю.

Георгина, мы с Иваном и Лехой часто спорим, есть ли любовь. Леха говорит, что есть, потому что его родители друг друга до сих пор любят и часто об этом говорят, а Иван говорит, что любовь — это маскировка, а на самом деле всем надо только доставить себе удовольствие, а потом уже все равно. Но я считаю, что Иван не прав и любовь есть, но в более позднем возрасте и не у всех, а только у некоторых. Но я об этом никому не говорю, потому что в нашем классе про это никто не говорит, считается, что об этом должны думать только девчонки, а пацанам об этом думать стыдно. Но я думаю, и мне не стыдно, что я думаю.

Ну все, пока.

В следующем письме опишу тебе наш класс более подробно.

Саша Быстров».

Сентябрь кончался, но было совсем тепло. Письма от Георгины все не было, и нам уже казалось, что нет и самой Георгины, что все это неизвестно зачем придумала Вера Антоновна.

Свое письмо я никому не показывал, но часто доставал его и долго, по нескольку раз перечитывал. Как и то, первое письмо, написанное Лехой, я знал его теперь наизусть, хотя оно было длинное и еще более нескладное, чем у него.

На классных часах мы изучали братскую страну. Каждый раз для меня это было мучением, потому что фотографии в книжках и сведения про тамошних пионеров напоминали мне о Георгине и о моем письме к ней. Поэтому однажды я не выдержал и принес на пустырь свое письмо.

Долго мы сидели молча, настроение у всех было грустное, думать ни о чем не хотелось. Иван прутиком шевелил уголья в костре, а Леха фальшиво свистел. Тогда я сказал то, что нужно было сказать:

— Не отвечает нам наш цветочек?

— Просто письма из-за границы долго идут,— равнодушно сказал Леха.— А потом, ей же не так, как нам,— сел и накалякал, она его небось две недели пишет. Со словарем.

— А может, второе письмо напишем? — быстро сунулся я, пока они вновь не увлеклись угольками костра и не уставились туда еще на час.

— Зачем?

— А может, первое не дошло.— Я судорожно стал растирать руки над костром, будто бы замерз. На самом деле я очень волновался.

— Неудобно,— коротко бросил Иван,— как будто мы навязываемся со своей дружбой.

Это был веский аргумент. Он тоже меня сильно смущал. Поэтому я долго соображал, что ответить Ивану, но вдруг меня поддержал Леха:

— А может, у них там все не так? Может, там так принято?

— Да! — обрадованно завопил я.— Там вообще все по-другому! Видел галстук у них пионерский? Совсем другой, чем у нас. Это например.

— Что, например? — не понял Иван.

— Например, галстук,— объяснил я.— Так же и с письмами!

— А потом, чего нас стесняться? — вдруг запальчиво крикнул Леха, да так, что Иван испуганно оглянулся в сторону дороги.— Мы советские пионеры, сколько хотим, столько писем и посылаем. Хоть двадцать пять!

— Ну вот,— сказал я слабым голосом, и они оба на меня недоуменно посмотрели.— Ну вот, тут пока что, пока суд да дело, я вот решил подумать: а что мы будем писать? Это черновик, в общем.— Я, не поднимая глаз, полез в карман и достал сложенный в восемь раз листок бумаги.

— Так ты уже написал, что ли? — с усмешкой протянул Иван, и я покраснел в темноте.

— Ладно, читай,— сурово проговорил Леха.

И я начал читать.

Читал я, как мне показалось, долго, целый час. Сначала я сильно запинался, но потом разошелся и закончил на подъеме, как отрывок из басни Крылова, которого я любил за простоту и глубокие мысли.

Ребята молчали. Иван восхищенно, во все свои маленькие глаза, как будто я был даже не Крылов, а по меньшей мере Пушкин, смотрел на меня. Леха смотрел в костер, лицо его было задумчивым.

— Обязательно надо послать. Класс! — громко сказал Иван, а Леха тихо откликнулся:

— Как? Вера же убьет...

Но Вера нас не убила...

Наутро я шел в школу, и настроение было отличное, я еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Письмо лежало сложенное в учебнике географии. Это было самое главное. То, что у меня есть ПИСЬМО.

А уж как его отправить — придумается само. Потом.

...Я помню, что этот день мы провели очень весело. Это было как раз в Иванов день рожденья. На первом уроке Вера Антоновна поздравила именинника и пожелала ему скорее исправить двойки «хотя бы» на тройки. Иван скромно поблагодарил, а потом к нему подбежала Любка Петрищева и вручила набор открыток «Бородино».

На перемене мы отошли в сторонку, и Иван стал изображать, как к нему подбегает Петрищева с набором открыток. Ивана изображал я.

Леха падал на колени от смеха.

— Ой! — стонал он.— Ой, Петрищева! Ой, Уганда!

Дело в том, что у Петрищевой было странное прозвище «Уганда». Никто не помнил, откуда оно взялось.

Внешность у Петрищевой никак не вязалась с внутренним содержанием. У нее было вытянутое вперед удивленное личико и детские кудряшки вокруг вечно наморщенного лба, какой всегда бывает у отличниц.

Она была не совсем чокнутая и поэтому не старалась выглядеть старше — губы не красила, на высоких каблуках не ходила. Но со всеми мальчишками — даже со смирным и печальным Кацем — она разговаривала грубым грудным голосом с глубокими придыханиями, нервно вздрагивая при этом плечами. Не знаю, где она этому научилась.

Может быть, Уганда и понимала, что со стороны это выглядит смешно. Но поделать с собой ничего не могла.

— Леша,— говорила она, подрагивая плечами.— Можно взять у тебя ластик? — И Леша краснел до ушей.

Зато когда она приступала к общественной работе, голос у нее совершенно менялся.

— Нет, сделаешь! — тонко взвизгивала она, когда кто-нибудь отказывался от поручения.— Сделаешь! Сделаешь! Сделаешь! — визжала Уганда, и ей было наплевать, что все глазеют, острят, затыкают уши — вот, мол, разоралась.

Но она не стеснялась. Она вообще не замечала, что происходит вокруг, когда что-нибудь ПРОИЗНОСИЛА. И смотрела всегда прямо в глаза.

...Потом я предложил новую идею: чтобы Иван в свой день рожденья позвал в кино не нас с Лехой, как обычно, а Уганду.

— Ты должен сказать,— учил я Ивана.— «Люба, а что ты делаешь сегодня после уроков?» И состроить такое лицо...

Я выпучивал глаза и изо всех сил поднимал брови.

Иван смеялся так: «Га-га-га».

А Леха тоньше, заливистей: «Ой-ей-ей-ей!»

— Спокойно, товарищи! — продолжал я.— Дело серьезное! Затем, сделав такое лицо, ты говоришь ей: «Люба! Я хочу пригласить тебя в кино! Фильм хороший, называется «Люби, люби, но не теряй головы». Начало в шестнадцать, серия одна...»

И вдруг я увидел, что Уганда смотрит на нас. Мы были далеко, перемена шумела вовсю, и она не могла услышать, что мы тут обсуждаем, и все-таки я вздрогнул.

Уганда смотрела пристально.

«А почему Уганда? — вдруг стыдливо подумал я.— Что за прозвище дурацкое?»

Как сейчас помню, я решил вычеркнуть из письма то место, которое касалось девчонок. Потому что мне стало стыдно.

Уганда не подлизывалась к Вере Антоновне. Это была глупость. И все остальные тоже не подлизывались. Они просто ее любили.

И еще я решил, что перепишу письмо и просто отдам его Вере Антоновне или Уганде, а там будь что будет.

Не буду же я его век в портфеле носить.

Прозвенел звонок, а Леха с Иваном все никак не могли успокоиться. Теперь Уганду изображал Леха.

— Ой, спасибо! — лепетал он тонким голоском, совсем непохоже.— Ой, я обязательно приду! Ой, я буду ждать долго-долго!

А вечером мы втроем пошли в парк.

В парке играла музыка, ходили парни с девушками. Парни были в шуршащих нейлоновых куртках, а девушки — в пальто, некоторые в джинсах и луноходах. Получалось смешно — как будто разноцветные валенки из-под пальто. Но парням было не смешно, они восхищенно поглядывали на луноходы и еще крепче обнимали девушек за ши-

рокие или худые плечи. Почти все шли молча и только иногда целовались.

И я снова решил, что перепишу письмо, выброшу то место про девчонок. И даже больше того, вставлю что-нибудь вроде: «Иногда мы бываем несправедливы к нашим девочкам, даем им обидные прозвища, и это, конечно, неправильно».

Но переписать письмо в тот день я так и не успел. Иванов день рожденья мы всегда завершали очень поздно, на пустыре у костра.

А назавтра оно исчезло.

...До сих пор я так и не знаю, что же произошло с ним на самом деле.

И почему оно попало в тот же день к Вере Антоновне.

И кто его ей принес.

Этот вопрос меня очень мучил. Сначала. А потом перестал. Я вдруг понял, что письмо НЕ МОГЛО НЕ ПОПАСТЬ к Вере.

И сейчас я уверен, что оно обязательно бы к ней попало. Не тем, так другим способом. И я даже рад, что оно к ней попало. Рад!

...В общем, когда я перерыл весь портфель и понял, что письма нет, я сразу ушел с уроков.

Я не стал ничего обсуждать с Лехой и с Иваном, решил, что теперь все равно.

И что лучше ни о чем не говорить. Одного я не знал: как быстро ВСЕ ЭТО произойдет.

...До вечера я промотался по улицам. И домой попал, когда было уже совсем темно.

— Привет, доносчик! — крикнул с кухни отец.

Мать не здоровалась, что-то делала у окна, кажется, поливала цветы. Я поглядел на ее спину и сразу все понял.

— Почему я доносчик-то? — спросил я сиплым от страха голосом.

— Ты как разговариваешь, паршивец! — круто повернулась мать, и я заметил, как зло блестят у нее глаза.

Тогда я не выдержал и заплакал.

...Потом отец сидел со мной на кухне, держал меня, будто совсем маленького, на коленях и поил из кружки водой, а мать все время горестно повторяла: «Ну зачем ты все это написал-то, а? Зачем же ты письмо-то это написал?»

Потом как-то опять все поплыло. Помню, что мать возмущенно говорила отцу: «Нет, ты представляешь, она мне заявляет: «Он у вас потенциальный враг!» Ты представляешь!» ...Отец курил, а мать не переставая поливала цветы. Из горшков текла вода, но она этого не замечала.

Потом я лежал в своей комнате и грыз подушку, чтобы не разреветься.

...Почему-то именно этот жуткий момент я теперь вспоминаю с улыбкой. Никогда еще в жизни я не был таким кровожадным, как тогда. В моей голове разрастались ужасные планы: подключить Верин стул к электросети, отравить ее каким-нибудь химическим раствором, похожим на кисель, и так далее.

Все-таки маленький я был...

Когда вошла мать, я отнял голову от подушки и безо всякого выражения сказал:

— Мама... я ее отравлю... запомни.

Мать страшно побледнела.

— Сыночек...— дрожащим голосом сказала она,— в школу ты завтра не пойдешь. Я поговорю с Верой Антоновной, и она все поймет. А твое письмо я отправлю сама. Оно очень хорошее и честное.

— Оно у тебя? — вскинулся я, но это не застало ее врасплох. Она прислонилась ко мне всем телом, всем своим большим и теплым телом и заговорила, зашептала мне на ухо что-то такое, отчего не в силах двинуться, обалдевший и зареванный, я слушал, слушал ее быструю речь, а потом взял и заснул... Как маленький.

На следующий день в школу я действительно не пошел. Мать просто не стала меня будить, и я проснулся только часу в девятом. Наверное, вчера все эти баталии затянулись допоздна. Она оставила рядом с моей кроватью записку: «Я пошла в школу. Завтрак на столе. Ешь и делай уроки. Будь дома вечером». То есть разговаривать с Верой она хочет сама, без меня, но завтра в школу я должен идти, все это останется в тайне, а я будто просто приболел, в общем, все шито-крыто и тэдэ. Вот такой сложный смысл был у этой простой записки. Хитрый смысл.

От этого мне стало так скучно, что я включил телевизор и стал смотреть таблицы. Я смотрел на них долго, пока не понял, что же я хочу на самом деле. Я хотел заболеть.

Я выключил телевизор и подошел к окну. За окном была, как назло, приятная солнечная погода. Правда, дул довольно сильный ветер и небо вроде затягивало. Я открыл балконную дверь, вышел на балкон, заставленный кастрюлями, тазами, ненужными вещами, снял с себя рубашку и немножко постоял. Потом я понял, что из этого ничего не выйдет, пошел на кухню и наскреб из холодильника немножко снега. Я съел его весь, не морщась, как мороженое. Потом опять вышел на балкон. Потом выпил четыре кружки холодной воды из-под крана и опять постоял.

Дела мои были плохи. Я чувствовал, что никак не могу простудиться. Вдобавок от холодного у меня разболелся зуб.

Я закрывал глаза, гладил щеку то просто рукой, то бутылкой с горячей водой из-под крана, и мне казалось, что во рту у меня как будто самолет ходит кругами. По спирали. То маленькие круги, то больше, больше... Я вскакивал и мчался на кухню менять воду.

Анальгина я выпил таблетки три, наверное. Поэтому, когда мать пришла с работы, мне было совсем не по себе, голова кружилась, раскалывалась, хотелось лечь и заснуть навеки. Мать сказала, что я сам должен был пойти в поликлинику, но теперь идти туда поздно и мне придется терпеть до утра и поэтому делать все то, что она скажет. И я делал.

Я открывал рот, и она капала мне спиртом в дырку, я полоскал зубы какой-то вонючей травой и делал что-то еще и еще. И зуб понемногу успокоился, я даже пошел посмотреть программу «Время», но на большее меня не хватило. И есть я не мог, поэтому в животе непрерывно бурчало. Но и тут мать нашлась: покормила меня какой-то противной жидкой кашей, из-за ее жидкости я даже не разобрал, какой.

Мы сидели на кухне без отца, и она строго смотрела, как я впихиваю в себя ложку за ложкой.

И вдруг лицо у нее изменилось.

Она покраснела слегка, отвела глаза в сторону и тихо пробормотала:

— Слушай, Саш... а я письмо... отправила.

Я доел кашу, пошел к себе в комнату и сел на кровать.

Мать вошла за мной следом.

— Ты чего, Сань? — спросила она испуганно.

Продолжение на стр. 12.

Помните, ребята? «Зеленой Кареты нигде не было. След ее колес терялся в тумане...» Так оборвалась наша предыдущая история о приключениях Кареты из Зеленого Царства. (См. журнал «Пионер» № 10 за 1987 год и № 2 за 1988 год.)

А ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО ДАЛЬШЕ?

В Зеленом Царстве поднялся переполох. Зеленый попугай Кола истерически хлопал крыльями: «Где Ир-р? Где Кар-рета?» Зеленый кузнечик Тритутик поднывал, сидя на камушке: «Неужели они погибнут?» Один Зеленый Король сохранял королевское спокойствие: «Без паники. Все думаем, как их спасти».

И тут кто-то крикнул: «Надо пойти к Зеленой Пра!»

Зеленой Пра была мудрая старая змея — прапрапрабабушка всех змей Зеленого Царства, живущая в самом теплом и тенистом месте...

СЕМЕЙНЫЙ КЛУБ «СВЕРЧОК»

Семейный экологический отряд «Альтаир» (г. Краснодар):

— Наш состав — Ира Стрюченко, Яна Руденко, Юля Соколовская, Оля Котлярова, Виктор Александрович Стрюченко, Светлана Петровна Соколовская, Светлана Геннадьевна Руденко, Ирина Васильевна Котлярова. Хотим помогать «Зеленой Карете». Наш план действий:

1) озеленить дворы и улицы города;

2) на субботниках и воскресниках убирать во дворах мусор;

3) в подшефном классе организовать клуб «Юннаты — Родине».

Наш девиз — «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Идея! ЧИТАТЬ ТОЛЬКО ВЗРОСЛЫМ!

Дорогие мамы и папы! Бабушки и дедушки!

Если вы живете интересами и заботами ваших ребят, любите природу — включайтесь в нашу экологическую экспедицию «Зеленая Карета», вступайте в КЛУБ «СВЕРЧОК»!

ВАША ПОМОЩЬ В ЗАЩИТЕ ПРИРОДЫ НЕОБХОДИМА!

Первое задание нашего клуба:

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ПЛАКАТ В ЗАЩИТУ ПРИРОДЫ

«Зеленой Карете — зеленую улицу».

Плакат может быть нарисован или выполнен в виде фотографии с коротким, но бьющим в цель лозунгом.

Один плакат пошлите в редакцию журнала «Пионер», остальные экземпляры развесьте во дворах, у проходных предприятий, на улицах, на автобусных остановках, железнодорожных станциях.

Не забудьте указать авторов плаката, всех членов семьи, которые его создавали и распространяли.

Плакаты присылайте до 15 сентября 1988 года.

На конверте напишите «Зеленая Карета».

КОЛОКОЛЬЧИК

Наташа Дрокина (г. Харьков): Нашу речку зовут Немышлянка. Местные жители превратили ее в свалку. Когда-то лет пять назад ее очищали, но не совсем. Наворотил бульдозер горы вдоль реки и бросил так. Получилась не одна, а две реч-

ки. Теперь уж эти горы поросли травой и кустарником. Нашу речку не видно из-за камышей. И что здорово — у нас завелись утки!.. Я сделала таблички «Свалка запрещена!» и расставила там, где появились утки. Думаю, что с местными жителями надо организовать субботник, чтобы собрать весь мусор. Мне очень хочется спасти речку.

Отличная идея!
ОБЪЯВЛЯЕМ ОПЕРАЦИЮ «ВОДА»!

Цель: очистить берега рек, озер, прудов, ручьев, морей от грязи. Выявить очаги загрязнений.

Средства: рейды зеленых и голубых патрулей, письма в исполкомы, руководителям предприятий, с чьего недосмотра загрязняются водоемы страны, регулярные сообщения в журнал «Пионер» о проделанной работе.

Оля и Саша Овешковы (г. Новосибирск): Наш двор, как маленький лес, очень красив осенью. Осень раскрасит его ярко-красочно. Идешь, бывало, по двору, размечтаешься, и вдруг... срубленное дерево, мусор на земле. К сожалению, такое встречается не только у нас. А двор — это тоже кусочек природы. Мы стараемся убирать наш двор, сажаем деревья, зимой развешиваем кормушки. Давайте, ребята, уберем свои дворы.

Хорошая идея!
ОБЪЯВЛЯЕМ ОПЕРАЦИЮ «ДВОР».

Цель: превратить городские дворы в цветущие оазисы.

Средства: лопаты, грабли, носилки, лейки с водой, метлы, саженцы деревьев, цветочная рассада, чуточку фантазии, много терпения и любви к природе.

РЫЦАРИ ПРИРОДЫ

В этом разделе мы будем рассказывать о людях, кто по профессии призван любить, уважать и защищать природу.

ЛЕСНИК

«Тигр опять догнал меня... Все его поведение напоминало охоту, он становился решительнее. Возможно, только мой монолог удерживал его от нападения.

Склон был крутым. Я понимал, что неизбежно окажусь ниже тигра, и он получит идеальную позицию для прыжка. Но выхода не было, я скользнул вниз метра на два, и он тут же прыгнул на место, где я только что стоял»— из дневника Виктора Коркишко, научного сотрудника дальневосточного заповедника «Кедровая падь».

Как попал Виктор на Дальний Восток? В 1978 году окончил Кишиневский университет и разослал письма в несколько заповедников страны. Мол, я молодой специалист, согласен на любую должность.

Ответ пришел только из «Кедровой пади». Приезжайте, приглашали, нужен лесник. И Виктор Коркишко улетел к Японскому морю.

Трудной, интересной, рискованной оказалась его работа. Он вместе с другими лесниками оберегал заповедник от пожаров, которые бывают весной и осенью; ловил браконьеров, отстреливающих животных, вылавливающих нерестящуюся рыбу, выкапывающих женьшень; задерживал тех, кто собирал в уникальных природных местах грибы, кедровые шишки, ягоды. Кстати, в заповедник Виктор всегда ходит без ружья — принцип у него такой: обороняться от людей и животных мыслью, словом, делом.

Прошлой весной Коркишко представился случай испытать свой принцип на деле. Целый час по тайге за ним шел тигр, шел так близко, что Виктор мог погладить его рукой. Но погладить как-то не хотелось — жуть брала лесника, молодого ученого, ведь тигр на него охотился. Чем же закончилась охота?

«...Стало совсем темно. В поведении тигра появились неприятные изменения. Он стал не просто ложиться, а затаиваться, идти на полусогнутых лапах, низко пригнувшись к земле и часто припадая к ней. До меня дошло, что он скрадывает меня. Все же я решил пробиваться к дороге, которая была за рекой...

Последняя картина: высоко подняв голову, он стоит и смотрит в мою сторону. Скоро я услышал звук снегохода...»

И. АНДРИАНОВА.

В ШКОЛЕ «ОЙКОС-ЛОГОС»

ВСЕЗЕМНОЙ ДОМ ЖИЗНИ

ВЕРХНЯЯ НЕБИОСФЕРА

НАДБИОСФЕРА

ВЕРХНЯЯ ОКОЛОБИОСФЕРА

самая высокая гора — Джомолунгма (8848 м)

безжизненные высокогорья и ледники

частки искусственной биосферы на спутниках

ЖИЗНЬ В ВОЗДУХЕ НАД ЗЕМЛЕЙ — АЭРОБИОСФЕРА

ЖИЗНЬ НА ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ — ТЕРРАБИОСФЕРА

освещенный слой воды — около 200 м

слабоосвещенный слой воды — до 1500 м

ЖИЗНЬ В ВОДЕ — ГИДРОБИОСФЕРА

неосвещенные глубины океана

самая глубокая впадина в океане — около 11000 м

ЖИЗНЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ — ЛИТОБИОСФЕРА

уголь

ГЛУБИННАЯ ОКОЛОБИОСФЕРА

нефть

ПОДБИОСФЕРА

НИЖНЯЯ НЕБИОСФЕРА

МАГМА ЗЕМЛИ

Зеленая Пра меланхолично выслушала детей Зеленого Короля, подумала и ответила: «Как спасти Ира и Зеленую Карету? Да очень просто. Нужно пойти вслед за ними в мир, где тысячи загрязненных мест. А по пути помогать природе: разрушенным муравейникам, вытоптанным полянам, сломанным кустам и деревьям. А чтобы вы смогли в любую минуту вернуться в родное Царство, вот вам по горсти зеленых семян, бросьте одно семя на землю, и вы снова здесь...»

Все дети Зеленого Короля взяли волшебные семена, а как только взяли, то оказались в нашем мире. В мире, где скиталась Зеленая Карета, где ее искал лягушонок Ир, журналисты из журналов «Пионер» и «Природа и человек» и вы, дорогие наши читатели.

СО СЛЕДУЮЩЕГО ВЫПУСКА «ЗЕЛЕНОЙ КАРЕТЫ» МЫ БУДЕМ ПЕЧАТАТЬ «СОВЕТЫ ЗЕЛЕНОЙ ПРА».

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

Посмотри, как день прекрасен!

Игорь МАЗНИН

ПЧЕЛА

Только-только медуница
Распустилась от тепла,
А уж к ней навстречу мчится
Хлопотливая пчела,

Получить мечтая в дар
Упоительный нектар
И скорей
Вернуться в улей,
В соты сдать его
И пулей
Полететь к другим цветам,

Благо их
И здесь, и там,
И в лесу, и у болота
За ночь выросло
Без счета,
Благо стал длиннее день,
Благо видеться не лень!..

ЗАСВИСТАЛА, ЗАПЕЛА СКВОРЕШНЯ

Засвистала, запела скворешня,
Заплескала волною река,
И, качнувшись, поплыли неспешно
Мимолетным путем облака.

Белоснежны, круглы, величавы,
Но лишь день или два погодя
Потемнеют они, и на травы
Хлынут теплые струи дождя.

И поднимутся травы, и тихо
Запоют, зазвенят, зашуршат,
И воспрянет в лесу облепиха,
И утонет в цветении сад.

И опять в ожидании лета
Станет тесным от птиц небосвод,
И пробудится сердце от света
И, ожив, от восторга замрет.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Еще не светало, а щебет и трели
Над спящей землею уже зазвенели:
Уже полетел, заполняя простор,
О чем-то увиденном в снах разговор
Зорянок и славок,
Скворцов и дроздов,
Сплетенный из сотен неведомых слов,
А может, известных, но прочно забытых
Во имя речений настолько избитых,
Настолько бесцветных, настолько пустых,
Что всем нам
весь век наш
нет жизни от них...

А так бы хотелось, о ближних скорбя,
По слогу,
по слову,
раздать им себя!..

ПРОШУ, ПРЕДСТАВЬ...

Прошу, представь:
Июльский лес,
Спускающийся вечер,
Листвы трепещущий навес,
Березы, словно свечи.

Потом
В побегах свежих пень
И ручейка соседство,
И восхитись: — Какой был день! —
И выдохни: — Ах, детство!..

Ну, а теперь
В том холодке
Себя представь на взгорочке,
Пшеничный хлеб на молоке —
От каравая корочки,

И мать, что рядышком сидит,
Души в тебе не чая,
И за едой твоей следит,
Пока
лишь чуть
седая...

ПОСМОТРИ, КАК ДЕНЬ ПРЕКРАСЕН

Посмотри, как день прекрасен
И как ясен небосклон,
Как горит под солнцем ясень,
Без огня пылает клен.

И кружится над поляной,
Как жар-птица, лист багряный.

И багряны, как рубины,
Рдеют ягоды рябины
В ожидании гостей —
Красногрудых снегирей...

А на взгорке, в рыжих листьях,
Словно в пышных шубах лисьих,
Величавые дубы
С грустью смотрят на грибы —

Старые и малые
Сыроежки алые
И пурпурный мухомор
Посреди кротовых нор...

День меж тем к концу подходит,
В красный терем спать уходит
Солнце красное с небес...
Гаснут листья.
Меркнет лес.

Рисунок И. ПАНКОВА.

Продолжение повести Б. Минаева «Друг по переписке». Начало на стр. 1—6.

Постояла рядом и, не дождавшись ничего, вышла.

А я просто не знал, что ей сказать!!

В голове моей стучали два бестолковых слова: неужели правда? НЕУЖЕЛИ ПРАВДА?

Но с каждой секундой я все больше верил, что письмо в пути. Вот его засовывают вместе с другими письмами в большой почтарский мешок, вот оно едет в вагоне в Москву, а потом летит на самолете, на ночном самолете, который пересекает огромную равнину, накрывая ее своей огромной тенью, и эта тень на секунду накрывает и наш город, и наш дом, и мое окно, а я уже засыпаю, придерживая рукой больной зуб, который, как ворчливый старик, иногда еще шевелится у меня во рту и что-то говорит, говорит...

Стоп.

«Подожди,— подумал я.— Ну зачем же оно летит?» — Я открыл глаза и потер лоб. Почему все не так, как я хочу, получается? Вот я хочу, чтобы письмо было отправлено, а оно попадает в руки к Вере. Вот не хочу — а оно уже поехало в московском поезде. И его уже не догонишь. А может, догонишь?

Сколько сейчас времени? Московский отправляется в двенадцать тридцать семь. В ноль тридцать семь. А сейчас еще точно нет двенадцати.

До вокзала — тридцать минут. Выскочу на улицу, потом...

Я уже натягивал брюки, когда вдруг подумал, какая все это глупость. Как я доберусь до вокзала? А если и доберусь и даже найду поезд и вагон — ну кто мне его откроет?

Уф...

Глаза привыкли к темноте: вся комната светилась как будто изнутри голубоватым неярким светом. Это от фонаря на улице, я прекрасно знал, что фонарь висел почти над самым окошком, только его не было видно отсюда, с кровати... И все-таки этот свет действовал на меня как-то странно.

Вроде бы это был я — а вроде и не я.

Так, наверное, бывает во время бессонницы.

Я вдруг захотел в туалет и толкнул коленкой дверь в родительскую комнату.

По-моему, они спали. Отец, он точно похрапывал, а маму я не разглядел. Да и не вглядывался особенно: их комнату я всегда стремился пройти побыстрее и оттого всегда с грохотом натыкался на стул.

Здесь было гораздо темнее, только через щелочку упрямо лезла полоска такого же неяркого голубоватого света.

Я подошел к ней и потрогал рукой — в полоске блеснули мои прозрачные пальцы.

Я посмотрел, куда падает эта прямая голубая соломинка.

Она падала на стул, где лежала мамина сумка.

...Я хорошо знал эту старую красную сумку с замочком, который вечно ломался. Мама то и дело бегала по «Металлоремонтам», а отец ругал ее: «Купи новую!» «Еще чего? — отругивалась она.— Пятнадцать рублей?»

Верно, пятнадцать рублей — большие деньги...

Я никак не мог понять, чего я так уставился на эту сумочку. Сомнамбула какая-то. Еще раз потрогал голубую полоску света. И вдруг понял.

А ВДРУГ ОНА НАВРАЛА?

Ноги у меня замерзли. А я стоял и не знал, что мне делать.

Было очень страшно, но я решился.

Я шел по голубой полоске медленно, шаг за шагом. Потом нащупал мамину сумку, открыл замок и засунул руку. Потом понял, что в темноте ничего не найду. Потом схватил сумку, выбежал в туалет, включил свет и защелкнул задвижку.

Все.

В сумке был кошелек с деньгами, косметика, расческа, какие-то квитанции, валидол, еще таблетки, связка ключей... Стоп! Вот одна плотно свернутая бумажка.

Я опустил сумку на крышку унитаза и поднес бумажку к глазам.

«Вера Антоновна! — было написано на бумажке материнской рукой.— Саша сегодня не придет

в школу, потому что он плохо себя чувствует. Мы с ним говорили о том, что вы нам сказали вчера. Саша признал свое письмо неправильным, переживал свою вину. Мальчик очень взволнован, поэтому я прошу Вас не заводить с ним пока разговоров на эту тему, пускай все немного уляжется. Вера Антоновна, у нас с Вами всегда были хорошие отношения, так что я на Вас очень надеюсь. Я зайду в школу через недельку, а если хотите, можете мне позвонить, я Ваших телефонов не знаю, мой рабочий: 35-56-45. Юлия Никитична».

«Так!» — подумал я. Машинально перевернул листок. Не зря я удивлялся, почему письмо такое мятое и столько раз, видать, свернутое-развернутое. На обороте был ответ Веры, написанный красным карандашом. Этот почерк я тоже знал хорошо, по дневнику...

Вот что писала матери Вера Антоновна:

«Уважаемая мама Саши, Юлия Никитична! Отложим наш разговор на неделю. Кстати, у Саши

много двоек и пропусков (это была ложь, пропустил я всего два урока, и то потому только, что Иван, гад, наврал мне, что физик заболел). Очень хочу верить Вашим словам, что Саша осознал вину. Посмотрим по нему — мальчик он открытый. Звонить не буду. Держите меня в курсе, если что. Вера Антоновна».

«САША ПРИЗНАЛ СВОЕ ПИСЬМО НЕПРАВИЛЬНЫМ...»

...Но тогда почему мать сказала, что мое письмо хорошее и честное? И почему теперь она врет Вере, что я раскаиваюсь и признаю все свои ошибки?

Значит, мать — предательница?

Я сидел и смотрел на свои ноги. Ничего в них не было интересного, кроме того, что это были МОИ ноги. МОИ пальцы с нестрижеными ногтями. МОИ коленки. Свет отвратительно яркий, и все было видно до последней точечки.

Одну коленку я даже для верности потрогал.

А может быть, это я предатель? Нажаловался на свой класс. И, главное, кому?

Зарубежному ровеснику!

Предатель.

Я еще раз повторил вслух это слово и вдруг успокоился. Совсем. Мне стало легко, и я сразу захотел спать.

Ни на кого я не жаловался. Просто я имею право думать так, как хочу, и писать об этом кому хочу.

С этими геройскими мыслями я встал, храбро спустил воду, топоча босыми пятками, прошел через темную комнату и метко бросил сумку обратно на стул.

Сонная мать поднялась на подушке и хриплым голосом спросила:

— Ты чего, Саш? Опять зуб?..

Но я ничего не ответил.

Мы шли по улице, было низкое серое небо, редко-редко шуршали троллейбусы, мать все время заходила в магазины, но ничего не покупала, а я ждал ее на воздухе, дул ветер, не сильный, но холодный, а я шел по улице с вырванным зубом, и настроение у меня было так себе, не хорошее и не плохое, можно сказать, что вообще не было никакого настроения.

Мы попрощались на каком-то перекрестке, она помахала мне рукой издали, когда я оглянулся, и пошла на свою работу.

Я вспомнил, что мать мне велела купить хлеба, и зашел в булочную. В булочной было темно и прохладно, вкусно пахло хлебом, за кассой сидела большая-большая тетка и равнодушно жевала бутерброд с колбасой. Когда я ем бутерброд с колбасой, особенно если голодный, обязательно чмокаю, чавкаю, облизываюсь, хотя мать и запрещает все это делать, говорит: неприлично. А тут за кассой сидела такая жирная женщина в белом халате и ела прилично: тихо, не чавкая и не чмокая,— но мне казалось, что она ест, наоборот, как-то неприлично — с таким скучным лицом и пустыми глазами, как будто и не она вовсе ест, а кто-то другой. Я постоял еще немножко, посмотрел на тетю с бутербродом, и тут в булочную вошла маленькая старушка с палочкой и тихонько зашлепала к прилавку.

Я таких старушек знаю. Они все одинаковые. Наверное, потому, что мужчины умирают раньше, чем женщины, и старушки остаются одни. Различаются они только по размеру.

Эта была маленького размера.

Старушка купила батон и четвертинку черного и вышла из булочной. Я от нечего делать поплелся за ней. Старушка шла, конечно, медленно, поэтому мне то и дело приходилось останавливаться, идти таким же черепашьим шагом я не мог. Тут, на улице, я рассмотрел и ее ботинки. Это были видавшие виды, растрескавшиеся, но, в общем, вполне аккуратные, не потерявшие цвета ботинки. Только они были неправильной формы, видно, у старушки были больные пальцы.

Потом мы свернули с улицы в сквер, и старушка села на лавочку. Я немножко подумал и сел рядом.

Потом я осторожно повернулся и вбок посмотрел на старушечье лицо. У нее был крючковатый нос, какие-то туманные, незрячие глаза, ввалившиеся губы и дряблые щеки. Настоящая баба-яга.

Глаза у бабки загорелись, стали желтыми, как у кошки, она посмотрела на меня пристально и пронзительно и вдруг заголосила:

— Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

«Сумасшедшая»,— испуганно подумал я и хотел убежать, но она цепко схватила меня за рукав.

— Ну что ты, мальчик, испугался? — совершенно другим, спокойным и тихим, но по-прежнему веселым голосом спросила меня старуха.— Да это я тебя разыграла, не бойся. Это у меня роль такая, роль смешной старухи, это я в театре такую роль играю.

Я вздрогнул, но мужественно спросил:

— Может, это у вас грим, и вы еще к тому же молодая?

— Да нет, не грим,— вздохнула старуха.

Лицо у нее как-то изменилось, глаза уже не горели, но смотрела она на меня весело и лукаво, и я — не до конца еще, правда,— поверил.

— Зачем тебе со старухой знакомиться, признавайся,— потеребила она меня за рукав.

«Спрошу»,— подумал я.

— Вы письма когда-нибудь писали? — спросил я.

— Ну а как же? — удивилась старуха.

— А в другие страны?

— Ну... бывало.

— А другие люди их читали? В смысле не те, кому вы писали?

— Да, бывало,— опять так же недоумевающе ответила старуха, уже начиная терять терпение.

— А вот если вы написали, а ваша мама взяла и прочла?

— Ну... ругалась я с мамой, и что дальше? — улыбнулась старуха.

— А если посторонний человек?

— В моей молодости,— сказала старуха,— читать чужие письма было не принято. Это считалось неприличным. Человек, который этим занимался, в глазах общества был ничтожеством, ему и руку никто давать не хотел.

— А если он старше, этот человек? — настойчиво спросил я.

— Все равно,— твердо и торжественно ответила старуха.

— Понятно.

Мы замолчали.

— Ну, до свидания,— сказала старуха, поднялась со скамейки и засеменила прочь. Потом оста-

новилась на повороте и издали, как недавно мама, помахала мне рукой.

И я тоже помахал.

А вечером этого же дня ко мне пришли Иван и Леха. Мы опять пошли на пустырь и развели костерок. Иван это умел ловко, враз он находил всякие щепочки, досточки от сломанных ящиков, старую бумагу, хотя на первый взгляд на пустыре всего этого не было.

— Ну как зуб-то? — сочувственно спросил меня Леха.

— А я зубы не лечу,— грустно сказал Иван,— боюсь.

— Ну и дурак,— сказал Леха,— потом всю челюсть рвать будут. Сразу.

— Как сразу? Они что, совсем психи, сразу всю челюсть?

— Это он шутит так,— объяснил я Ивану.— Просто много зубов тебе выдирать придется. А так — ничего страшного.

— Ну да, ничего,— опять задумался Иван, зажигая спичку.

— А вообще ты смелый, Иван? — спросил вдруг Леха. Было непонятно, как он это спросил, то ли чтоб посмеяться, то ли всерьез, но тогда вопрос был очень уж глупый: кто же скажет о себе, что он трус?

— А ты? — отозвался Иван.

— Я первый спросил!

— Ну и что, сам отвечай сначала.

— А пусть Саня скажет! — сказал вдруг Леха и повернулся ко мне. Да что с ним такое сегодня?

Я подумал и сказал:

— Я как все. Как ты и как Иван. Средней смелости.

— Ну да! — недоверчиво протянул Леха.— Иван может с любым восьмиклассником побиться, а ты?

— Ну и что? — сказал Иван.— Я просто такой родился, и меня поздно в школу отдали. При чем тут смелый? Саня вон зато письмо какое написал, и его теперь Вера...— Иван показал, как Вера Антоновна растирает меня в порошок.

— А ты откуда? — задохнулся я.

— Не, а правда,— совершенно не обращая на меня внимания, сказал Леха,— Саня ничего. Письмо написал, действительно... Я бы не смог.— И он вдруг встал и пожал мне руку, иронически улыбаясь.

— Откуда ты знаешь? — спросил я Ивана.

— Да мы мать твою встретили,— отозвался Иван.— Чего ты прыгаешь-то? Она говорит: «Ребята, у него сейчас трудное время, вы его поддерживайте, у вас крепкая дружба». Еще говорит: «Вы хорошие товарищи — это мы в смысле с Лехой,— так что надеюсь на вас...» И стала нам руки жать. Представляешь?

— А в классе кто знает? — спросил я, замирая.

— Да никто! — уверенно ответил Иван.— Кому какая разница, почему ты в школу не пришел?

— Сань, а что с письмом-то, где оно? — спросил Леха.

Я промолчал.

— Пардон! — Леха прижал руку к сердцу.

Иногда, вот как сейчас, Леха вдруг начинал кривляться. Я его терпеть не мог в такие минуты.

Я подошел к нему и толкнул с ящика, на котором он сидел. Леха упал спиной на землю. Потом он встал и налетел на меня. Мне почему-то сразу сделалось весело и легко. Я схватил Леху за куртку, она затрещала, и я стал валить его вбок, а Леха схватил меня за руку и стал выкручивать. Но Леха был меньше меня и слабее. Лицо у него из веселого превратилось в злое и обиженное, он пыхтел, ругался и шептал какие-то слова.

— Милиция! — вдруг с ужасом в голосе заорал Иван, и мы с Лехой моментально вскочили.

Но Иван продолжал спокойно сидеть. Вновь бросаться на Леху было глупо, я уже и так победил.

— Сейчас, Леха, он у нас ответит. — Иван встал со своего места, поднял меня и бросил на землю. Я сильно ушибся, но не стал спорить и отбиваться. Иван был больно уж здоровый. Когда мы начинали с Лехой тузиться, Иван всегда после этого брал победившего (а им, как правило, был я) и бросал на землю. Такой у нас был обычай.

Мне больше не хотелось ударить Леху. Но я жалел, что напал на него. Теперь он сидел грустный и обиженный. Таким он мне больше нравился, но почему-то все еще было его жалко.

Было уже совсем темно. Только метрах в двухстах блестел огнями наш микрорайон.

Я вспомнил, что летом здесь всегда стрекочут кузнечики и цикады, они сидят в высокой, по пояс траве и поют разными голосами свою песню. А Иван иногда приносит гитару, которую берет

у брата, и играет. Иван знает пять аккордов. А я только два.

Летом на пустыре тепло. А сейчас под куртку все больше забирался холод. Костерок уже почти погас. Я придвинулся к нему вплотную и хлюпнул носом.

— Ну-ка быстро,— сказал Иван.— Быстро за дровишками!

И я побежал искать деревяшки. А Леха с Иваном прыгали у крошечного костерка и что-то орали веселое. Их тени прыгали по черной земле, и я подумал, что Иван все-таки замечательный человек.

Я подбежал к костру и заорал:

— Иван, ты личность?

И Иван тоже заорал мне в ответ:

— Ага, личность!

— А ты, Леха? — заорал я прыгающему Лехе.

— И я! — тоненько запел Леха, и мы с Иваном стали хохотать. А потом стал хохотать и Леха, и мы втроем стали прыгать и кричать:

— Иван личность, и Саня личность, и Леха личность, мы личности, личности, личности!

Чего тут было смешного, непонятно. Но мы любили так балдеть. Один раз, я помню, мы точно так же читали хором «Я помню чудное мгновенье». Я тогда еле до дому дошел, катался от смеха.

Я подбросил своих щепок, и наш костерок занялся ярче. Мы согрелись и теперь, иногда еще взбулькивая от смеха, как чайники на плите, сели вокруг него и стали смотреть на огонь.

— Дорогие товарищи! — дурашливым голосом неожиданно начал Иван.— Сейчас я вам прочту письмо нашему зарубежному товарищу Георгине. Слушайте, товарищи, слушайте все...

Иван полез в карман и достал оттуда какой-то измятый комок бумаги. Я напрягся. Но я и без того сегодня все время лез к ребятам. Они могли и обидеться.

Поэтому я решил вытерпеть. Когда Иван начинал какой-нибудь спектакль, его уже трудно было остановить. Он мог так завестись, что уже ничто не помогало. Этим он отличался и от меня, и от Лехи, точно таким же он был и когда дрался.

— Итак, дорогие товарищи,— окая, произнес Иван, так ему казалось смешнее,— приступим. Дорогой товарищ Георгина! Мы шлем тебе наш пламенный салют и ждем, когда ты нам пришлешь свое маленькое, хорошенькое письмецо.— Здесь Иван изменил голос и заговорил противным фальцетом. Леха хихикнул.— Мы возьмем твое маленькое, хорошенькое письмецо, повесим на стеночку в золотой рамочке и будем любоваться. Георгина, какие у вас там растут фрукты, у нас фрукты растут хорошие.— Теперь уже Иван говорил голосом старой противной бабки.— Так что, Георгина, можем меняться с тобой фруктами. Мы тебе малинки, ты нам персиков.

Тут Леха как-то неестественно задрыгался.

— Целуем тебя, наша маленькая, дорогая Георгиночка! — пропищал он.

— Ну, пока! Привет родителям...— Иван с улыбкой отдал мне листок бумаги. На нем, конечно, ничего не было. Это был весь изжеванный и замасленный, какой-то липкий, как мне тогда показалось, листок бумаги из тетради в линейку. Я взял его и быстро сжег.

— Ну вот, письмо сжег,— вдруг сказал Леха и отвернулся от костра.

Голос его прозвучал неожиданно грустно.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

«На носу у Васи сидела бабочка и глотала пыльцу».

«У нее были черные, как земля, брови, похожие на белые чайки».

«Воздух лесов кристаллизирует мозги».

«С неба раздались ослепительные удары грома».

«На тропинке лежал беспощадный галчонок».

«Возле дома работают каменщики, они кладут друг на друга кирпичи».

ПЕРЛЫ отыскали Г. Кузьминых из с. Барачаты Кемеровской обл., И. Юхненко из г. Жданова, Катя Кривцинова из г. Обнинска, М. Хохлова из г. Челябинска, Сергей Иопкин из Заводского поселка Алтайского края и Света Киринович из г. Пинска.

Учитель. *Что такое София?*
Ученик. *Это — Ротару?*

* * *

Учитель. *Как нужно относиться к учебнику, чтобы он был всегда новым и чистым?*
Ученик. *Нужно не носить его в школу!*

* * *

Учитель. *Сколько длился каменный век?*
Ученик. *Пока не кончились камни.*

Прислали Мартынов Петя из Челябинска, Катя Григорьева из Свердловска и Ш. Жуматова из г. Джетысой Чимкентской обл.

НА СТАРТ... ВНИМАНИЕ... МАРС!

ЭКИПАЖИ, ПОДГОТОВИВШИЕСЯ К «ПИОНЕР»СКОМУ ПУТЕШЕСТВИЮ НА МАРС, А ТАКЖЕ ОТДЕЛЬНЫЕ ЧИТАТЕЛИ, НАМЕРЕННЫЕ ПРЕОДОЛЕТЬ ЭТОТ СЛОЖНЫЙ МАРШРУТ, СЛУШАЙТЕ НАШУ КОМАНДУ!

ДЛЯ ЗНАКОМСТВА С РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПУТЕШЕСТВИЯ ГЛУБОКО ВЗДОХНУТЬ И ШИРОКО ОТКРЫТЬ ГЛАЗА. СКАФАНДРЫ НЕ НАДЕВАТЬ.

В ЭТОТ ПОЛЕТ ВАС ПОВЕДУТ:

АКАДЕМИК *БОРИС ВИКТОРОВИЧ РАУШЕНБАХ,*

ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР, ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ДОКТОР ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК *ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГРЕЧКО,*

ПИСАТЕЛЬ *КИР БУЛЫЧЕВ.*

ИМЕННО ОНИ БУДУТ В ТЕЧЕНИЕ ПОЛЕТА ОЦЕНИВАТЬ ВАШИ ДЕЙСТВИЯ, ВАШУ ПОДГОТОВКУ, ВАШИ ЗНАНИЯ!

ПОЭТОМУ

СКАФАНДРЫ СНОВА НЕ НАДЕВАТЬ, А НАСТРОИТЬ СВОЕ ТЕРПЕНИЕ, ПРОВЕРИТЬ СВОЮ ЭРУДИЦИЮ, СКОНЦЕНТРИРОВАТЬ СВОЕ ВНИМАНИЕ, БЫТЬ ГОТОВЫМ К ПРИЕМУ НОВЫХ ЗНАНИЙ

И

В ПУТЬ

10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, ...

СТОП!

Давайте-ка, ребята, споемте перед стартом!

ЗАДАНИЕ № 1

ТЕ, КТО ВСПОМНИТ И ПРИШЛЕТ НАМ ТЕКСТЫ ХОТЯ БЫ ТРЕХ ПЕСЕН О МАРСЕ ИЛИ МАРСИАНАХ, МОЖЕТ ВЕСТИ ОТСЧЕТ ДАЛЬШЕ.

3, 2, 1, 0

СТАРТ!!!

ЗАДАНИЕ № 2

Жили-были папа и два сына. Наводили они на всех страх и ужас. А мама у них, наоборот, была личностью приятной во всех отношениях.

Потом папа взял и поменял имя. И даже, скажем так, национальность. Но он по-прежнему оставался неразлучен со своими сыновьями. Правда, все они поменяли свои обличья, и если раньше от них все бежали, то теперь — почему-то спешат к ним навстречу. Однако самое невероятное случилось с мамой: она вовсе исчезла.

ОБЪЯСНИТЕ, ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО НА САМОМ ДЕЛЕ В ЭТОЙ КОРОТЕНЬКОЙ СКАЗОЧКЕ, КАК ЗВАЛИ И ЗОВУТ ЕЕ ГЕРОЕВ И КАКОЕ ВСЕ ЭТО ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ К ЦЕЛИ НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ? ■

ЗАДАНИЕ № 3

Все путешественники в начале своего пути старались изучить материалы и документы предыдущих путешествий в те же места. Не надо думать, что если у нас «Пионер»ское путешествие на Марс, то мы с вами пионеры в этом деле. Как выясняется, мы даже не вторые.

Просим вас обратить внимание на следующие два отрывка, случайно попавшие в наши руки.

«Мы уже были в атмосфере Марса, и нам снова не нужны были ни паруса, ни крылья, ни мехи... Корабль опустился на один из прекраснейших лугов возле деревеньки.

Эта земля была сама по себе достаточно хороша. Я сразу же увидел несколько деревьев со странными плодами. На одном дереве висели очень большие, свешивающиеся вниз шишки. Я сорвал одну из них, развернул ее и — глядь! — к своему удивлению, обнаружил там настоящее платье с пуговицами, такое, каким оно должно быть... Я так подумал: люди живут здесь для того, чтобы носить одежду и башмаки...

Есть и заботиться о теле — вот что являлось их самой важной потребностью. Вся их жизнь заключалась в еде, питье, переваривании пищи и сне. Природа удовлетворяла здесь все потребности без особых усилий».

«Марс был уже на расстоянии 10 миллионов километров и имел вид круглой луночки с диаметром 4 минуты... В телескоп были великолепно видны его «каналы» и «моря», неизвестно чем наполненные, также горы, долины, полярные «льды» и «снега», неизвестно из чего составленные.

— Ближе к Марсу не полетим,— заметил Ньютон.— Спуск на планету крайне рискованный; мы все утомлены и, главное, должны как можно скорее известить Землю о наших важных открытиях...»

КТО ЖЕ ТОТ ГЕРОЙ, ЧТО ДОБРАЛСЯ ДО МАРСА И ТАК КРАСОЧНО ЕГО ОПИСАЛ В ПЕРВОМ ОТРЫВКЕ? КАК ОН ТУДА ДОЛЕТЕЛ И КОГДА?

НО ГЛАВНОЕ ВНИМАНИЕ — ВТОРОМУ ОТРЫВКУ. КАКИМ ОБРАЗОМ ОСУЩЕСТВИЛ ПОЛЕТ К МАРСУ НЬЮТОН? С КЕМ ОН СТРОИЛ СВОЙ КОРАБЛЬ И С КЕМ ОТПРАВИЛСЯ В ПУТЬ? ДОЛЕТЕЛ ЛИ ОН ДО МАРСА И О КАКИХ ОТКРЫТИЯХ СПЕШИЛ СООБЩИТЬ НА ЗЕМЛЮ? КОГДА ПРОХОДИЛО ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ? ■

ЗАДАНИЕ № 4

Стремление к иным планетам во многом объясняется нашим желанием отыскать там собратьев по разуму. Особенно человеку хотелось встретиться с марсианами. Но представляли люди их себе по-разному.

Вот как обрисовал их один землянин в прошлом веке:

«Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную внешность. Треугольный рот, с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у Горгоны, шумное дыхание... в особенности же огромные пристальные глаза — все это было омерзительно до тошноты».

Так их увидел другой человек в первой половине нынешнего века:

«Корабль сел у высокого и тяжелого, как пирамида, мрачного здания из черно-красного камня. На широкой лестнице его, между квадратных, суженных кверху колонн, доходивших только до трети высоты дома, стояла кучка марсиан. Они были все в черных халатах, в круглых шапочках...

Появился высокий, сутулый марсианин, также одетый в черное, с длинным мрачным лицом, с длинной узкой черной бородой. На круглой шапочке его дрожал золотой гребень, как рыбий хребет».

И совсем по-другому видятся они нашему современнику:

«Городок бурлил. Марсиане входили и выходили из домов, они приветствовали друг друга, на них были маски — золотые, голубые, розовые, ради приятного разнообразия, маски с серебряными губами и бронзовыми бровями, маски улыбающиеся и маски хмурящиеся, сообразно нраву владельца.

...У них была чистая, смуглая кожа настоящих марсиан, глаза желтые, как золотые монеты, тихие мелодичные голоса. Прежде они любили писать картины химическим пламенем, любили плавать в каналах в то время года, когда винные деревья наполнялись зеленой влагой...»

ОТКУДА ВЗЯТЫ ЭТИ ТРИ ОПИСАНИЯ? КТО, КОГДА И ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УВИДЕЛ ТАК МАРСИАН?

■

ЗАДАНИЕ № 5

Надеемся, вы еще помните: это путешествие организовано журналом «Пионер». А коли так, то нам пора бы вспомнить и о связях «Пионера» с Марсом.

ВО СКОЛЬКИХ МАТЕРИАЛАХ — РОМАНАХ, ПОВЕСТЯХ, РАССКАЗАХ, СТИХАХ, ОЧЕРКАХ, РЕПОРТАЖАХ И Т. Д.,— ОПУБЛИКОВАННЫХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИ ГОДА В ЖУРНАЛЕ «ПИОНЕР», УПОМИНАЛИСЬ МАРС ИЛИ МАРСИАНЕ?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ ПОСЛЕ 15 АВГУСТА, РУКОВОДИТЕЛЯМИ ПУТЕШЕСТВИЯ РАССМАТРИВАТЬСЯ НЕ БУДУТ.

СПРАВИВШИХСЯ СО ВСЕМИ ПЯТЬЮ ЗАДАНИЯМИ ЖДУТ «ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ» ПРИЗЫ И ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛЕТА К МАРСУ.

Совершенно секретно.

Читать только тем, кто скрупулезно изучил все вышенаписанное.

ПОДСКАЗКУ К ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАДАНИЙ №№ 2, 3, 4 МОЖНО С ЛЕГКОСТЬЮ ОТЫСКАТЬ, ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧИВ ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» № 5.

А ТЕПЕРЬ ПОЕХАЛИ!

СКАФАНДРОВ МОЖНО ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ НАДЕВАТЬ!

Рисунок Д. КАМЕНЩИКОВА.

ДНЕМ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ называют во всем мире 1 июня. Нужды и заботы, охрана здоровья, охрана прав ребят — на учение и на радость — с особым вниманием обсуждаются в этот день в разных точках земного шара.

А что же сами ребята? Оказывается, и они не стоят в стороне! Они думают, они говорят, они пишут о важнейших для нашего времени проблемах. О том, что надо сохранить мир на планете. О том, что надо беречь природу нашей прекрасной Земли и плоды труда живущих на ней людей. О любви к родной стране и родному городу. О своем месте среди людей и о том, что каждый из нас, как сказала 13-летняя школьница из Владимира Светлана Маркова, «этого мира частица».

Илюша МАЛЫШЕВ из города Гагры Абхазской АССР написал это стихотворение перед поездкой Михаила Сергеевича Горбачева в США в декабре 1987 года.

Мы все желаем Вам удачи!

Глобус хрустальный в Ваших руках,
Теплых, таких надежных,
Видели все — и в больших городах,
И в деревеньках таежных.

Смотрит с надеждой на Вас вся планета,
Добрых вестей ждет от Вас земной шар.
Что впереди — море солнца и света
Или всемирный пожар?

За океан летите, верю я,
И не с мечом, и не с поклоном,
А проложить тропу доверия
Между Кремлем и Белым домом.

Смотреть с надеждой и тревогой
Мы будем телепередачи.
И перед дальнею дорогой
Мы все желаем Вам удачи!

Надя АВЕРКИНА — москвичка, окончила 7-й класс. Надя занимается в Литературном клубе городского Дворца пионеров, вошла в число победителей конкурса детского творчества.

Одуванчик

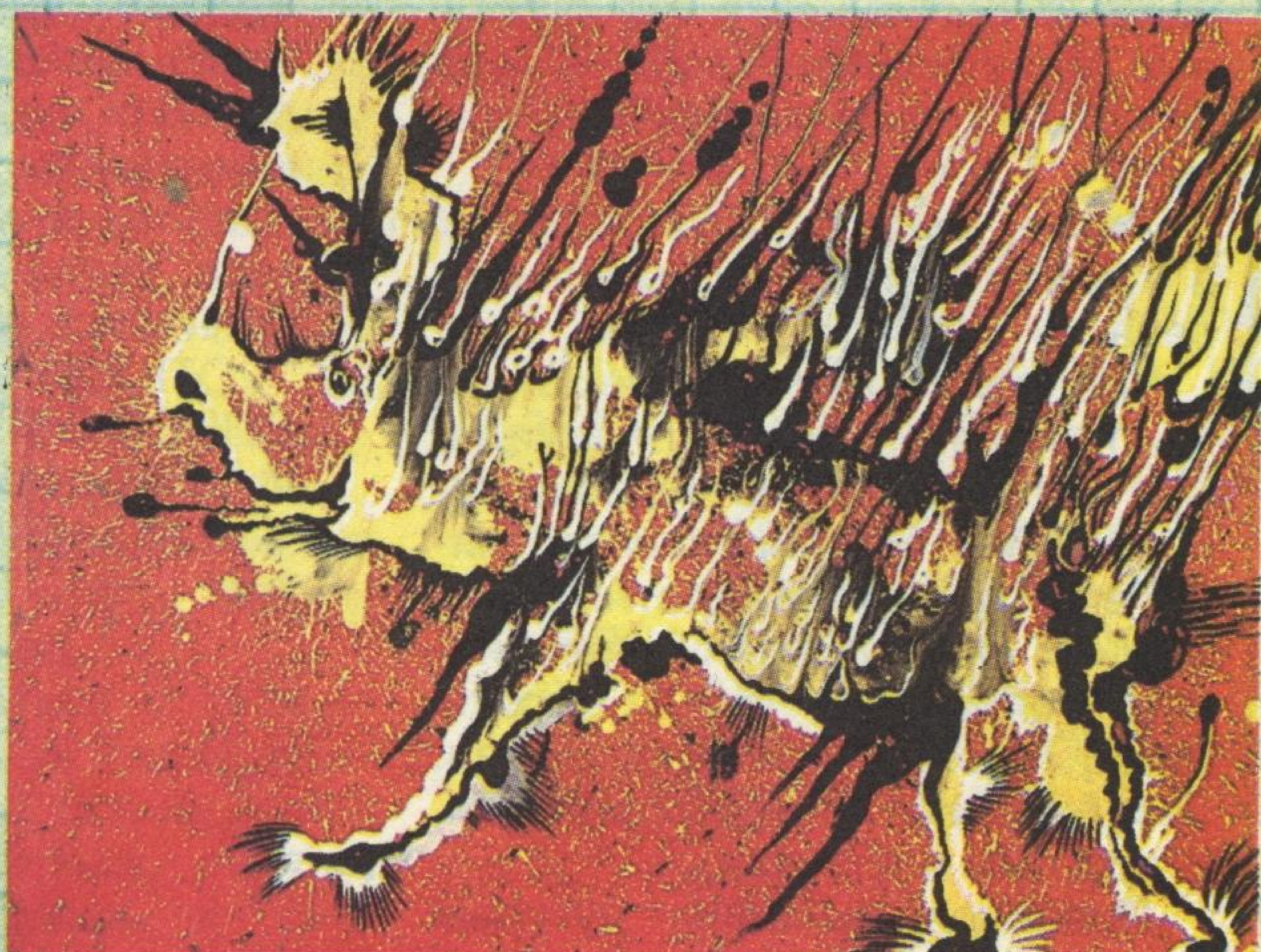
Нашу милую планету
Пожалейте, люди.
Мир — как белый одуванчик:
Дунешь — и не будет.

И тогда вся жизнь исчезнет
В черном океане.
Мир — как тоненькая ветка:
Сломишь — и не станет.

Люди, вы не отнимайте
Счастья друг у друга!
Мир — росы хрустальный шарик
На листе упругом.

«ВЕСЕЛЫЙ КОТ». *Сельминаз* ИСМАИЛОВА.

Тамада ТАМАДАЕВ. «ЧУДОВИЩЕ».

Светлане МАРКОВОЙ 13 лет, живет она в старинном городе Владимире, учится в 6-м классе.

* * *

Владимира гордые кручи,
и башен свободный полет,
и ветер, упругий, певучий,
как друга, меня узнает.

И сердцем, счастливым от сини,
от золота и белизны,
люблю я сейчас всю Россию
до дальней сибирской избы.

Я этого мира частица...

Купаюсь в холодных струях
душистого мокрого ветра
и в колее размытой
тону по колено почти.

А небо уже проснулось,
где солнце взойдет, заметно.
В своем городке на березах
прокашливаются грачи.

А ну же горланьте, птицы!
Я буду кричать вместе с вами!
Ведь первый раз в жизни сегодня
встречаю я солнца восход.

Впервые сейчас ощущаю:
я этого мира частица,
и жизнь моя тоже частица
всего, что произойдет!

Смотрите — безмерное небо!
Смотрите — земля большая!
И красное-красное солнце
Над нею сейчас взойдет.

Тамада ТАМАДАЕВ. «МАСКА ЦАРИЦЫ». Так ребята разрисовали свою школу.

«Надо же,— быть может, скажут некоторые,— из села, а рисуют, как городские...» А на наш взгляд, было бы желание и такой руководитель, как Валерий Куцев, и рисовать можно и в городе, и в деревне, и даже сами не знаем где... Зато, где нарисованы все те картины, которые вы сейчас видите, мы знаем: в художественной школе совхоза имени Алиева, что расположена в дагестанском поселке Мамедкала.

Вот и настал июнь. На первом листке летнего календаря — Международный день защиты детей.
Да, детство нуждается в защите. И прежде всего от угрозы ядерной войны. Вот почему не только взрослые, но и дети — и в СССР, и в США, и во всех других странах внимательно следят за советско-американским диалогом по вопросам мира и разоружения.
Заключение договора между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности показало, что самые сложные международные проблемы можно решать путем переговоров, что мир без оружия, войн и насилия возможен.

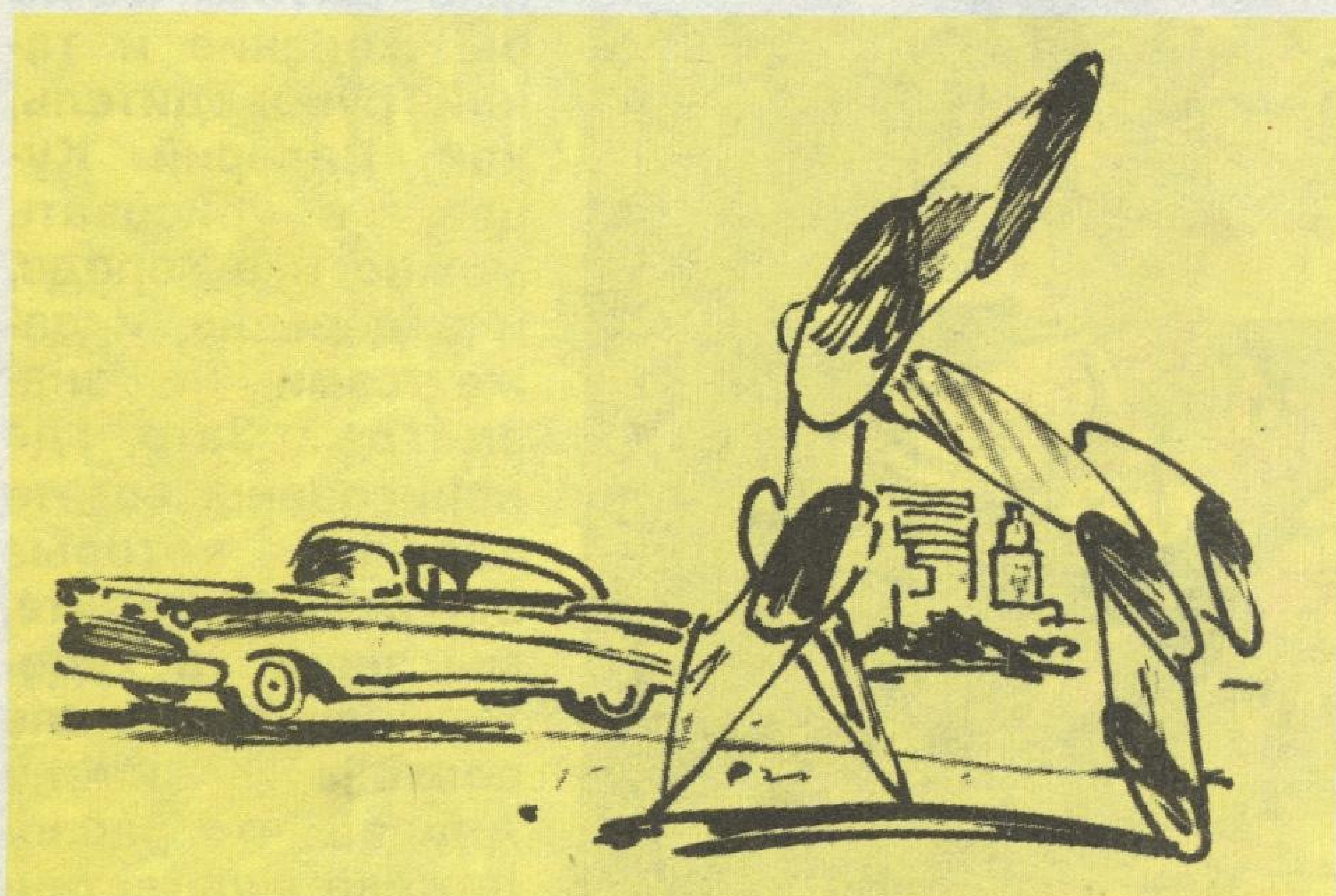
О ЧЕМ МЕЧТАЮТ ЮНЫЕ АМЕРИКАНЦЫ

Встречаясь с американскими школьниками, читая их сочинения и письма, как журналист-международник, я всегда стремился понять, о чем мечтают они. Ведь именно в мечтаниях юных скрываются те внутренние человеческие силы, которые помогают людям, несмотря ни на что, идти вперед — к цели.

Так о чем же мечтают ваши сверстники — американцы? Прежде всего о мире без угрозы ядерного уничтожения, о мире без оружия, о счастье для всех народов. Об этом они рассказывают в своих письмах-размышлениях, которые посылают по адресу: Москва, Кремль, Генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Почему ему? Да потому, что доверяют ему как лидеру самой миролюбивой державы, предложившей планете мечту о всеобщем и полном разоружении. И еще, я думаю, потому, что видят в нем простого и открытого для всех человека, способного понять их и помочь. Может быть, поэтому в этих посланиях есть и стихи, и рисунки, и молитвы, а одно из писем, с которым я познакомился совсем недавно, запомнилось тем, что заканчивалось особенно трогательно — старательно нарисованным сердечком и признанием в любви.

«Дорогой Генеральный секретарь»,— так начинаются многие письма школьников из Калифорнии, полученные Михаилом Сергеевичем перед встречей с президентом США Рональдом Рейганом.

«Мне очень хотелось бы, чтобы был мир во всем мире,— пишет Марк Сэнтджон.— Я знаю, что Вы старались избавиться от всех видов ядерного оружия, а Рейган отклонял Ваши предложения. Я считаю, что Вы и Рейган должны обсудить, как избавиться вообще от всякого оружия. А деньги, расходуемые на вооружение, нужно отдать на мирные цели».

«Я пишу это письмо, чтобы Вы приняли во внимание те чувства, которые испытывают дети по отношению к миру на Земле,— обращается к М. С. Горбачеву Азриэль Гетц.— Я уверена, что все дети, которых я знаю, не хотят войны. Они хотят мира, и я тоже! Я ненавижу чувство страха перед ядерной войной. Эта война убьет не только людей, но и всех животных, и все растения... Я думаю, что если Вы встретитесь с президентом Рейганом и договоритесь друг с другом, то ядерной войны не будет, и вы придумаете, как решать наши проблемы мирным путем».

«Я очень обеспокоен существованием ядерного оружия и возможностью ядерной войны. Необходимо сделать так, чтобы люди во всем мире независимо от расовой принадлежности, вероисповедания и своих убеждений могли жить долгой и счастливой жизнью. Поэтому, я считаю, нужно уничтожить все ядерное оружие. Если этот прекрасный мир создан для всех нас — людей, так почему же мы не можем мирно жить в нем? Алексис Уолш».

«Если бы я был деятелем мирового масштаба,— мечтает Луис Гринсфельдер,— я бы уничтожил все ядерное оружие, принадлежащее моей стране. Замуровал бы радиоактивные отходы в плиту из цинка и бетона размером миля на милю... Лучше расходовать деньги на оказание помощи бедным, чем тратить их на бомбы».

«Хотела бы поговорить с Вами о мире. В любом случае, если будет ядерная война, то дети уже никогда не смогут вырасти и жить прекрасной жизнью... Ведь если будет мир между нашими двумя странами, тогда мы сможем вырасти, встретить любимого человека и создать свою собственную маленькую семью. Вы же понимаете, что война не метод для преодоления расхождений между странами. А когда происходят войны, в конце концов страдает много невинных людей. Поэтому ради невинных людей, пожалуйста, поговорите с нашим президентом и заключите мирный договор. Бренда Сайленс».

«Я думаю, что Соединенные Штаты и Советский Союз должны стать друзьями и договориться о том, как избавиться от всех наших ядерных бомб... Ведь если Вы и наш президент хорошенько постараетесь, то можете стать друзьями и вместе подумать, как это лучше сделать. Дэнни Соффин».

«Хотелось бы, чтобы разобрали это ужасное

ядерное оружие, металл передали бы на переплавку, а вырученные деньги отдали бы школам. И еще я очень хочу встретиться и подружиться с кем-нибудь из Советского Союза. Вы не думайте, что мы, американцы, ненавидим советских людей, это совсем не так. Сильван Бикет».

«Я считаю, что Советскому Союзу и Соединенным Штатам следует прекратить свое соперничество и стать настоящими друзьями. Это не только мое собственное мнение, но я уверен, что его разделяют миллионы детей и в США и в СССР. Джейми Спенсер».

Читая эти письма и размышляя над совсем наивными или, наоборот, слишком сложными вопросами американских школьников, я невольно вспоминаю многочисленные встречи последних лет с молодыми американцами — и детьми, и уже сформировавшимися гражданами США. Помню крепкие пожатия рук ребят из молодежной организации «Добровольцы — за мир», первые встречи в Москве с посланцами организации «Дети как миротворцы» и ее основательницей известной американской журналисткой Патрицией Монтандон. И то, как однажды меня удивил самый юный из детей-миротворцев, который в ответ на мой вопрос, кем он хочет стать, когда вырастет, ответил очень серьезно: «Президентом США. Тогда я первым протяну руку дружбы вашему Генеральному секретарю».

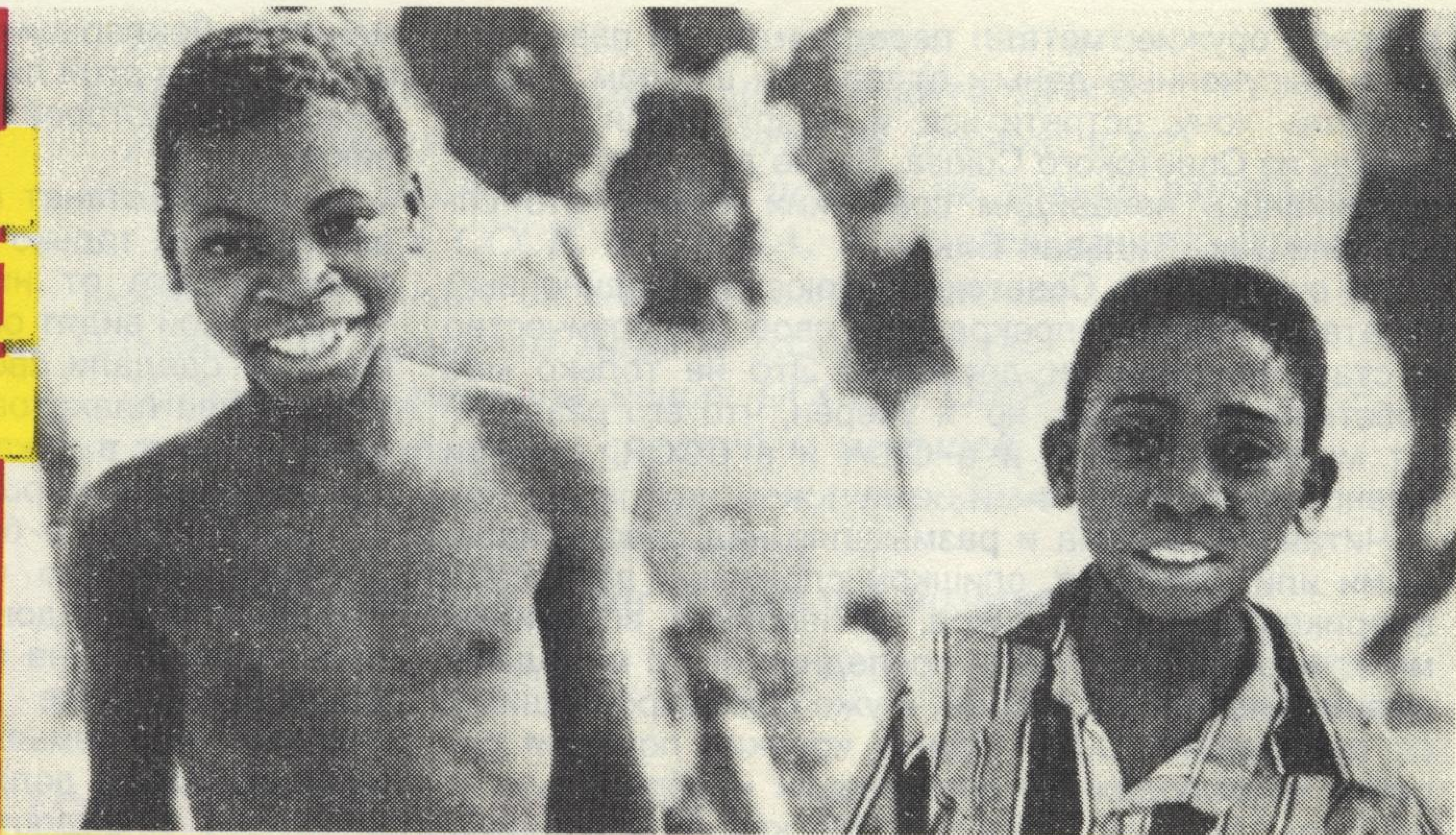
«Мир, торговля и дружба — со всеми, военные союзы — ни с кем» — так еще в восемнадцатом веке просто и понятно определил программу внешней политики третий президент США, автор проекта знаменитой Декларации независимости Томас Джефферсон. Не в этой ли программе истоки будущего той Америки, о которой мечтают сегодня молодые американцы?

Каким же станет оно, это будущее? Этот вопрос волнует не только американцев. Хотя, конечно, прежде всего от них зависит, будет ли Америка такой, какой видят они ее в своих мечтах. Многие из них уже сделали свой выбор. «Я выбираю мир!» — все больше плакатов с такими словами можно увидеть сегодня в руках и самых юных американцев, участвующих в маршах мира...

«Мы мечтаем о будущем человечества без войн и верим, что оно и будет таким,— сказала мне Патриция Монтандон, с которой я встретился в начале этого года на международном семинаре в Советском комитете защиты мира.— Ведь все мы люди — одна семья. Независимо от расы и страны проживания мы должны научиться у детей их естественному и радостному общению друг с другом. Дети планеты берут сегодня за руки всех людей, объединяя их во имя мира на Земле, во имя счастливого будущего. Мы приехали в Москву с особенно приятным поручением от всех членов нашей организации, которые единодушно решили вручить символическую премию мира — скульптурное изображение единства разных поколений Генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву за его огромный вклад в борьбу за мир и наше светлое будущее».

Сергей ЧИЧКОВ,
научный редактор журнала «Международная жизнь».

ПРОДОЛЖАТЕЛИ МОЗАМБИКСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Этой организации нет еще и трех лет. Она возникла 25 октября 1985 года.

Мозамбик... Когда вы впервые услышали это название? На уроке географии? В передаче клуба кинопутешественников?

А может, оно попалось вам на глаза, когда вы читали «Пятнадцатилетнего капитана» Жюля Верна?

«Невольничьи караваны следуют в двух противоположных направлениях. Первый путь лежит на запад, к португальской колонии Анголе; второй на восток — к Мозамбику».

Португальцы высадились на побережье Мозамбика в самом конце пятнадцатого века, в начале семнадцатого объявили завоеванные земли колонией. Несколько столетий работорговцы вели настоящую охоту на людей в Мозамбике, Анголе, повсюду в Африке к югу от Сахары.

Кстати, не могли бы вы вспомнить, кто живет в Африке? Ответ угадать нетрудно: негры. Но на всем континенте нет ни одного народа, ни большого, ни малого, который бы сам себя так называл.

«Негр» значит «черный». И придумали это унизительное имя европейские колонизаторы для обозначения всех представителей «низшей расы». Но сами африканцы никогда не забывали, кто они. В том же Мозамбике живут макуа, тсонга, малави, маконде — народы языковой семьи банту.

Десять лет мозамбикский народ с оружием в руках боролся против угнетателей под руководством ФРЕЛИМО — Фронта освобождения Мозамбика. И добился победы: 25 июня 1975 года страна стала независимой.

После освобождения народная власть повела борьбу с отсталостью и безграмотностью. Было открыто около пяти тысяч начальных и почти двести средних школ. За парты смогли сесть полтора миллиона ребят. Правда, «за парты» сказано слишком громко и неточно. Многие сидят просто на земле, а классы, в которых они занимаются, устроены под деревьями. Да и не все дети пока могут записаться в школу: не хватает учителей. И решить эту проблему непросто. Особенно сейчас, когда в стране идет необъявленная война. Контрреволюционные банды, которых поддерживают и вооружают расисты ЮАР, пытаются помешать развитию Мозамбика по пути социалистической ориентации. Они разрушают дороги и мосты, жгут деревни, убивают мирных жителей, в том числе и детей.

Об этом с болью говорила побывавшая недавно в Москве генеральный секретарь организации «Продолжатели мозамбикской революции» Ивоне Маумане.

— Хотя наша организация еще очень молода,— рассказала Ивоне,— нам удалось привлечь в нее более трехсот тысяч детей. Но сейчас у нас нет точных данных, мы порой даже не знаем, где наши пионеры находятся. Спасаясь от бандитов, жители вынуждены покидать деревни, вместе с ними уходят и дети. Пионерские отряды распадаются. А на новом месте не всегда есть возможность вновь создать их. Кроме того, перед нами встала такая же проблема, какая у вас была в первые годы после революции. Тысячи детей остались без родителей, стали беспризорными. Забота о них — одно из важнейших дел пионерской организации, да и взрослых тоже.

Оправдывая свое звание «продолжателей мозамбикской революции», пионеры помогают милиции вылавливать вражеских лазутчиков и диверсантов. Некоторые становятся разведчиками. Но чаще всего пионеров можно видеть в госпиталях, где они ухаживают за ранеными, стирают одежду, готовят пищу, иногда выступают здесь с концертами.

Война коснулась детей еще и другой жестокой своей стороной. Сгоняя мирных жителей с насиженных мест, бандиты часть из них уводят с собой в джунгли. Похищают они и детей, обучают владеть оружием и заставляют воевать против своего народа, участвовать в диверсиях на дорогах и предприятиях. Иногда таких «диверсантов» задерживают, и вот с ними пионеры тоже ведут разъяснительную работу: помогают разобраться, где друг, а где враг.

Советских ребят, наверное, интересует, где создаются отряды пионеров. И в школе, и по месту жительства ребят. А вот специальных вожатых у нас нет. Пока их роль выполняют учителя. Помогают ребятам и ветераны вооруженной борьбы за независимость.

Мы уверены в своей победе над наемниками,— сказала на прощание Ивоне,— мир вернется на нашу землю. И мы надеемся, что советские пионеры смогут приехать к нам, чтобы вместе отметить день рождения нашей пионерской организации.

Н. АЛЕКСЕЕВ

ПИОНЕРЫ СТРАНЫ ГОРНЫХ ОРЛОВ

Страной горных орлов называют Албанию — небольшое социалистическое государство на побережье Адриатического моря. Нынешнее поколение советских ребят мало что знает о своих сверстниках в этой стране, хотя здесь и существует одна из старейших детских демократических организаций в Европе. Политика самоизоляции, которой Албания придерживалась в течение четверти века, нарушила связи албанских пионеров с их сверстниками за рубежом.

* * *

Как-то во Дворце пионеров Ленинградского района Москвы я увидела в кабинете директора Валентина Михайловича Жигунова несколько рисунков албанских ребят.

— Откуда это у вас?

— Да вот тридцать лет уже храню. Это подарок Дворцу от пионеров Албании. Они были гостями нашей районной пионерской организации. Хорошо помню, как мы их принимали. Бродили вместе по Москве, знакомили с музеями, парками, побывали в театре и даже ходили в поход по Подмосковью. У меня и фотографии сохранились. Вот посмотрите,— Валентин Михайлович раскладывает передо мной несколько старых снимков,— это, обнявшись, стоят советские и албанские ребята. После их отъезда из Москвы мы еще долго переписывались. А потом многие годы об албанских пионерах мы ничего не слыхали, а очень хотелось бы узнать, как они живут сейчас. Ведь наша дружба зародилась еще на Первом Всесоюзном слете пионеров в 1929 году, на котором среди зарубежных гостей были и албанские дети. Да и в пятидесятые годы они часто приезжали в «Артек»...

Пионерская организация Албании возникла в суровые годы, когда страна была оккупирована фашистами. В условиях глубокого подполья 10 февраля 1942 года в предместье албанской столицы Тираны на горе Саук состоялось собрание, созванное Союзом коммунистической молодежи. На немто и было решено создать детскую организацию.

В годы войны пионеры размножали и распространяли листовки, собирали оружие, уничтожали вражеские машины и линии связи, устраивали в партизанских отрядах концерты, собирали для партизан лекарства, книги, одежду, еду.

Всей стране известны имена пионеров, посмертно удостоенных высокого звания Народного героя Албании.

Среди них тринадцатилетняя Билибаши Юльбере из маленькой деревушки под городом Гирокастрой. Вместе со взрослыми участвовала она в нескольких боях, дважды была ранена. Схваченная фашистами, замучена в тюремных подвалах.

В четырнадцать лет добровольно ушла в Национально-освободительную армию Нимет Прогонати. Она геройски погибла 26 июля 1944 года в бою против гитлеровских захватчиков и местных наемников.

В бедной крестьянской семье под Тираной родился Хаса Мет. В двенадцать лет он стал пионером, распространял листовки, был партизанским курьером. Однажды, выполняя боевое задание, он был схвачен фашистами, на допросах вел себя с необычайным мужеством и, несмотря на зверства гестаповцев, не сказал ни слова. Когда немцы повезли мальчика в Тирану, ему удалось бежать и пробраться с большим трудом в партизанский отряд. 4 ноября 1944 года Хаса Мет повторил подвиг Александра Матросова. В жестоком бою с фашистами, спасая своих товарищей, он бросился на вражеский пулемет, закрыв его своим телом. За этот подвиг и было Хасу Мет присвоено звание Народного героя Албании.

Сегодня пионерская организация Албании объединяет практически всех школьников в возрасте от девяти до четырнадцати лет.

Есть у пионеров младшие друзья — фатосы. Это учащиеся первых — третьих классов восьмилетней школы. Фатос на албанском языке означает смельчак, богатырь, герой. Такими хотят видеть взрослые свою смену. Достигнув девяти лет, фатосы вступают в пионеры. Как и наши октябрята, у пионерского знамени они дают торжественное обещание, после чего им повязывают красные галстуки и к белым рубашкам прикрепляют пионерские значки.

Пионеры Албании чтут революционные и трудовые традиции своего народа, участвуют в общественно полезных делах, дружат со спортом, занимаются в различных кружках, разучивают национальные песни и танцы. Летние каникулы пионеры и фатосы проводят в домах отдыха, специально построенных для них на берегу Адриатического моря и в живописных уголках страны.

Популярны у албанских ребят праздники песни и танца. Ежегодно в городе Шкодер организуется всеалбанский национальный фестиваль лауреатов городских конкурсов фатосов и пионеров. Выступления танцоров и певцов сопровождаются одним профессиональным оркестром и четырьмя детскими оркестрами народных инструментов. Различные конкурсы и спартакиады для ребят проводятся районными и городскими домами пионеров. Кроме того, они могут заниматься в спортивных и музыкальных школах. Для них открыты в Тиране хореографическое училище, кукольный и детский театры.

В январе этого года Тиранский Дворец пионеров отметил свое сорокалетие. Юбилею был посвящен большой пионерский праздник, на котором выступали воспитанники Дворца — юные музыканты, играющие на народных инструментах, скрипачи, гитаристы, пианисты, певцы и танцоры, любители драматического искусства. Во Дворце сейчас работает около шестидесяти различных кружков, в которых занимается более двух тысяч пионеров и фатосов. Среди почетных гостей пионерского праздника было немало ныне известных в Албании людей, чей путь в жизнь и творчество начинался в кружках Дворца пионеров Тираны.

Н. БЕССОНОВА.

Рисунки А. ГРИШИНА.

Анатолий
МАРКУША

Странная девочка

Хорошо это или плохо, но я очень, просто жутко впечатлительная. Когда при мне на Истре старые ели пилили (тем елкам по двести лет исполнилось), и пила вдруг дико завизжала, зазвенела и пошла плеваться собственными зубьями — оказалось, с войны еще в стволах осколки,— я целую неделю не могла успокоиться. Подумать только — я видела, как умирали раненые деревья... За что? Почему?

Мама даже рассердилась: люди с войны не вернулись. Подумать страшно — сколько, а ты из-за старых елок переживаешь... Между прочим, у елок свой стаж жизни есть: больше трехсот лет не стоят — засыхают и валятся.

Мне двенадцать лет было. Длинноногая, уродка, чуть что — взрываюсь.

Как раз в это трудное, какое-то душное время, учительница нам говорит:

— Завтра мы принимаем гостей. У нас состоится встреча с писателями...— И начала рассказывать, какие писатели приедут в школу, что за книжки они сочинили. Лене Коротеевой, конечно, поручили приветствовать гостей, а Саше Саблину — благодарить...

Коротеева и Саблин главные мастера по этой части были, а остальные играли толпу, остальным полагалось хлопать, улыбаться, в крайнем случае подносить цветы и надевать на гостей пионерские

галстуки, если их принимали в почетные члены отряда...

Только не подумайте, будто я Лене или Саше завидовала. Ничего такого в голове у меня не было, тем более я совсем даже не считаю интересным говорить выученные по бумажке слова и улыбаться людям, которых видишь первый и скорее всего последний раз в жизни...

Писателей приехало трое. Но виден был только один — главный. Он загораживал собой остальных, и те почему-то не обижались. Даже наоборот — поддакивали главному и все время радостно улыбались.

Главный писатель был еще не очень старый, но довольно толстый мужчина. Он носил большие очки. Когда заговорил, голос у него оказался тоненьким, а честно сказать,— довольно смешным, как у Петрушки из кукольного...

Он говорил очень громко и сам то и дело принимался смеяться, хотя, я думаю, ничего такого особенно уморительного в его словах не было.

Но больше всего мне не понравилось, что главный писатель хвастал; мол, наша детская литература — самая-самая! Изо всех литератур лучшая! А детские писатели еще при жизни становятся классиками. «Да-да-да! Классиками,— воскликнул он и, взмахнув рукой, стал перечислять: — Маршак, Чуковский, Михалков, Барто... А возьмите Прилежаеву или Алексина...» Кого он еще назвал, я не запомнила. Но это не очень важно, потому что все равно получалось, будто все детские книжки у нас особенные и необыкновенные и только замечательные...

Разве ж это правда?

Не так давно я читала про кота, например, который лучше любой сторожевой собаки бегал по следу и мог в переполненном зале кинотеатра моментально отыскать человека, если только этому чудо-коту давали понюхать какую-нибудь из вещей того человека... Не знаю, кому такие сказочки могут показаться интересными? Муть. Всякие книжки бывают — не только на пятерки, на четверки — и на тройки, и даже на полные двойки! Меня давно ругают, но я уже не первый день стараюсь читать взрослые книги. И мне, например, очень даже нравятся Джек Лондон и Куприн...

И учителя, как книжки, бывают всякие.

Если меня про Лилию Андреевну спросят, я, конечно, скажу: «Это такая, такая учительница, что лучше быть невозможно! Она и веселая и строгая, учит и играет с нами. Хвалит не очень часто, зато почти никогда и не ругает. Все ребята для нее одинаковые, никого она напоказ не выставляет: вот поглядите на этого осла! Посмейтесь!»

А есть учителя вроде Марии Моисеевны — орут, в ушах звенит, и двойки лепят, из класса выгоняют, будто мы куры: кыш-кыш отсюдова!

Ну и кто, в какой книжке про такую написал? Чтобы и ругалась, и орала, и ногами топала, и, между прочим, по шее некоторым отвешивала?

Во всяком случае, я лично еще не читала... А ведь это правда: есть и такие, и такие!

Задумалась я и не сразу даже сообразила, про что тот главный писатель говорит, но все-таки до меня дошло:

— Вот ты, девочка, с четвертой парты у окна, ты — с пропеллером на голове...

Это он меня имел в виду! Посмотрела я в его узенькие глазки на толстом лице, и, честно сказать, сделалось мне немного страшно: глазки те совсем даже не по-доброму сощурились, но я все-таки сказала:

— Это вы ко мне обращаетесь, да? Пропеллер — это мой бант, да? — Не могу объяснить, почему я вдруг так ужасно обозлилась и по слогам, будто глухому, выговорила ему: — Не смешно!..

Он тоже разозлился, я сразу поняла — голосок у него еще писклявее сделался, и писатель просто-таки провизжал:

— Неужели тебе не интересно? Ты же не слушаешь! — И смотрит на меня, как Змей Горыныч. Чего-то надо, думаю, делать... А он молчит, вроде ждет...— Так что, тебе не интересно?

— Не люблю я, когда хвалятся! — сказала я и решила: пусть будет, что будет, не стану врать я, как Лена Коротеева, и притворяться: «Мы рады приветствовать вас, наших замечательных писателей, больших мастеров великой детской литературы...»

— Кто хвастается? — спросил писатель, и выражение лица у него сделалось таким удивленным, что мне даже пришло в голову: а вдруг он на самом деле не понимает, как это плохо — выхваляться?..

— Вы! — сказала я.— Вы и выхваляетесь! — и решила: буду, как Зоя Космодемьянская, стоять насмерть.

Только больше меня никто ни о чем не спрашивал.

— Странная девочка,— тихо и как-то пренебрежительно сказал писатель и перестал обращать на меня внимание, будто я исчезла из класса...

Но этим не кончилось.

Потом меня ругали ребята. И больше всех старалась Лена Коро̂теева:

— Взрослому человеку... пи-са-те-лю... такое!.. Это на всех тень... всему классу — позор... и чего добивалась...— Она много еще говорила, только я не стала слушать. Пусть!

Но кто меня удивил,— Сашка Саблин. Молчал, молчал, а потом как сказанет:

— Но, может, Танька на самом деле так думает?!

— Мало ли кто что думает? Никто ее не просил высказываться! — завопила Катя Ермашева, а Женя Шеляков и Дуся Висинева ее тут же поддержали и высказались в таком духе: думать — думай, но не болтай!

— Ты признаешь свою ошибку? — спросила Коротеева. Ох, как она меня ненавидела при этом! — Ты обещаешь перед лицом коллектива...

Но я не дала ей закончить эту глубинную мысль и ба-бах:

Лена держится так смело,
Всем привет передает.
Ей знакомо это дело:
Выступает третий год...

Тут наша Ленка уж совсем позеленела от злости. А я свое, то есть, конечно, не свое, а бартовское стихотворение дальше шпарю:

Третий год, зимой и летом,
Появляется с букетом...
То придет на юбилей,
То на съезд учителей...

И рожи я при этом строила, все ребята со смеху валились!

В пятом классе дело было.

Вспоминаю теперь и думаю: так бы всегда, так бы все — только правду, самую чистую, самую отборную, без страха и сомнения — в лицо...

Считается: с годами люди умнеют. Наверное, так и есть, только трудно сказать — всегда ли это к лучшему?

Рисунок К. ОРЛОВА.

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

— Чип, а как поживает электронный Мальчик с пальчик? — спросил Сережа.— Расскажи мне про него еще какую-нибудь историю!

— Ладно,— ответил Чип,— только я буду рассказывать, а ты писать программы. Согласен?

— Согласен,— обрадовался Сережа.— Начинай!

«Итак, как-то ночью, когда все инженеры спали, в электрическую сеть прокрался страшный Скачок Напряжения и напал на чипов. Сам Мальчик с пальчик почти не пострадал, его спасли друзья — предохранители, а вот у его старшего брата сгорела вся оперативная память. Жалко стало Мальчику с пальчик братца — теперь тому прямая дорога в демонтаж. И решил он пойти на поклон к великану Гигабайту: ему что проглотить, что отдать пару килобайт — раз плюнуть.

Мама с папой стали Мальчика с пальчик отговаривать:

— Не ходи — и брату не поможешь, и сам пропадешь. Построил себе Гигабайт из каналов и контролеров страшный лабиринт. Кто в этот лабиринт заходит, того великан съедает, а если и не съест тебя Гигабайт, то все равно заблудишься, закружишься в бесконечном цикле, не найдешь обратной дороги.

— Ничего,— отвечает Мальчик с пальчик,— мы с Гигабайтом старые знакомые, один раз я его уговорил, уговорю и в другой.

Взял он узелок, положил туда пару батареек и отправился в путь. Долго ли, коротко плутал по лабиринту, но наконец нашел Гигабайта. Увидел его великан, разинул пасть...»

— Постой, постой,— перебил Чипа Сережа,— это мне напоминает историю про Тесея и Минотавра, я ее читал в «Легендах и мифах Древней Греции». Только ты забыл про Ариадну, которая дала Тесею моток ниток. Он привязал один конец у входа, а потом, когда убил злого Минотавра, по нитке нашел дорогу назад.

— Молодец,— похвалил Чип Сережу,— как раз в нитке все и дело. Герою Тесею, который хорошо умел только махать мечом, нитка действительно была необходима. А наш электронный Мальчик с пальчик выйдет из лабиринта без всякой нитки. Так что это не совсем та же история.

— Извини, Чип,— спохватился Сережа,— рассказывай дальше.

«— А, это ты, малявка,— загрохотал великан,— зачем пожаловал? Тебя съесть — только аппетит раздразнить.

— Будь добр, дай мне пару килобайт оперативной памяти вылечить братца. Для тебя это мелочь, а ему без них один путь — на свалку.

— Ха-ха-ха, мелюзга, да если я тебе даже дам пару килобайт, все равно из лабиринта не выберешься. Я и сам не знаю, как отсюда выйти.

— А вот и выйду,— засмеялся Мальчик с пальчик. — Я знаю алгоритм выхода из любого конечного плоского лабиринта. Раз я сюда пришел, то хоть один выход из твоего лабиринта есть, так что можешь обо мне не беспокоиться, дорогу я найду.

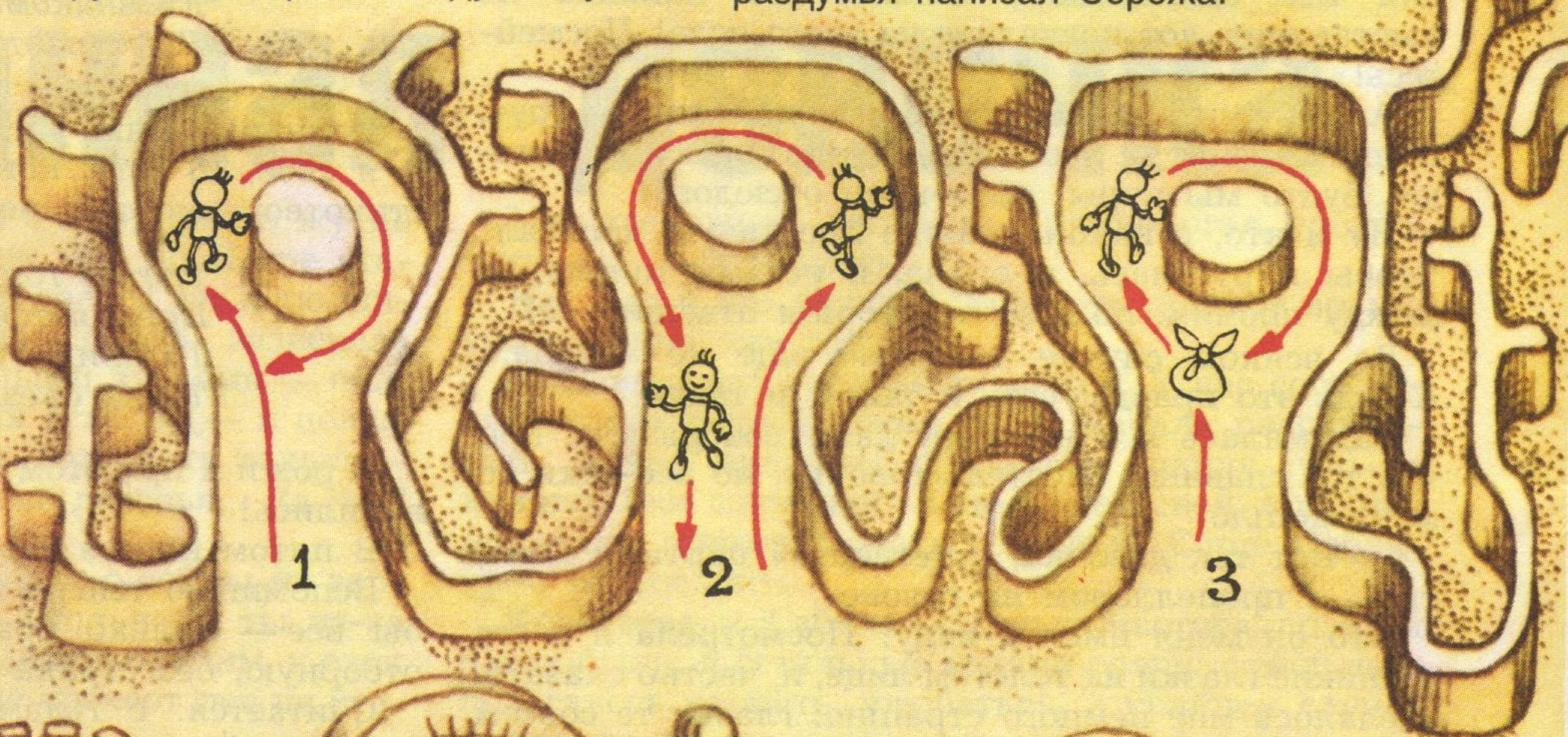
— Ну-ка, расскажи свой алгоритм,— заинтересовался Гигабайт,— а потом прогуляемся вместе наружу. Если выберемся — подарю тебе не два килобайта, а целых десять.

— Алгоритм очень прост, называется «Правило правой руки». Смотри: я кладу мой узелок и иду вперед вдоль правой стены. Как только встречаю развилку, поворачиваю направо. При таком алгоритме я не могу зациклиться — начать ходить по кругу, потому что, если бы я начал ходить по кругу, это бы говорило о том, что я выбирал все время не самый правый коридор.— И Мальчик с пальчик начертил на песке такой рисунок (рис. 1).— Поэтому правильный обход дал бы следующий результат (рис. 2)».

— Постой,— опять не выдержал Сережа,— а если сразу справа от тебя вот такой замкнутый коридор (рис. 3), то ты зациклишься!

— Ты невнимательно слушал. Мальчик с пальчик ясно сказал: «Кладу мой узелок». Ведь если у лабиринта нет выхода, алгоритм тоже не приведет к успеху, поэтому он и уточнил: «Раз я сюда пришел, то хоть один выход есть» (рис. 4). Поэтому, наткнувшись на свой узелок, он поступит следующим образом: возьмет его, у ближайшей развилки выберет не самый правый, а второй справа коридор (рис. 5), ведь из развилки может быть много выходов, и повторит тот же алгоритм: положит узелок, пойдет вдоль правой стенки и так далее. Можно доказать, что если выход есть, то мы его обязательно найдем. А теперь попробуй написать программу выхода из лабиринта.

Вот что после некоторого раздумья написал Сережа:

ПРОГРАММА: «НАЙТИ ВЫХОД».

1. Возьмись правой рукой за стену.
2. Положи узелок у этой стены.
3. Иди по правилу «правой руки» (ситуация).
4. ЕСЛИ ситуация-выход, ТО КОНЕЦ, ИНАЧЕ:

((5. Возьми узелок.
6. Иди вдоль правой стены до первой развилки.
7. Войди во второй справа коридор.
8. Вернись ко второму пункту программы.))

ПОДПРОГРАММА «ИДИ ПО ПРАВИЛУ» ПРАВОЙ РУКИ» (ситуация).

1. Иди вдоль правой стены до развилки.
2. ЕСЛИ увидел узелок у правой стены, ТО ((ситуация-цикл ВОЗВРАТ)).
3. Выбери самый правый коридор.
4. ЕСЛИ выход, ТО ((ситуация-выход ВОЗВРАТ)).
5. Выполняй первый пункт подпрограммы.

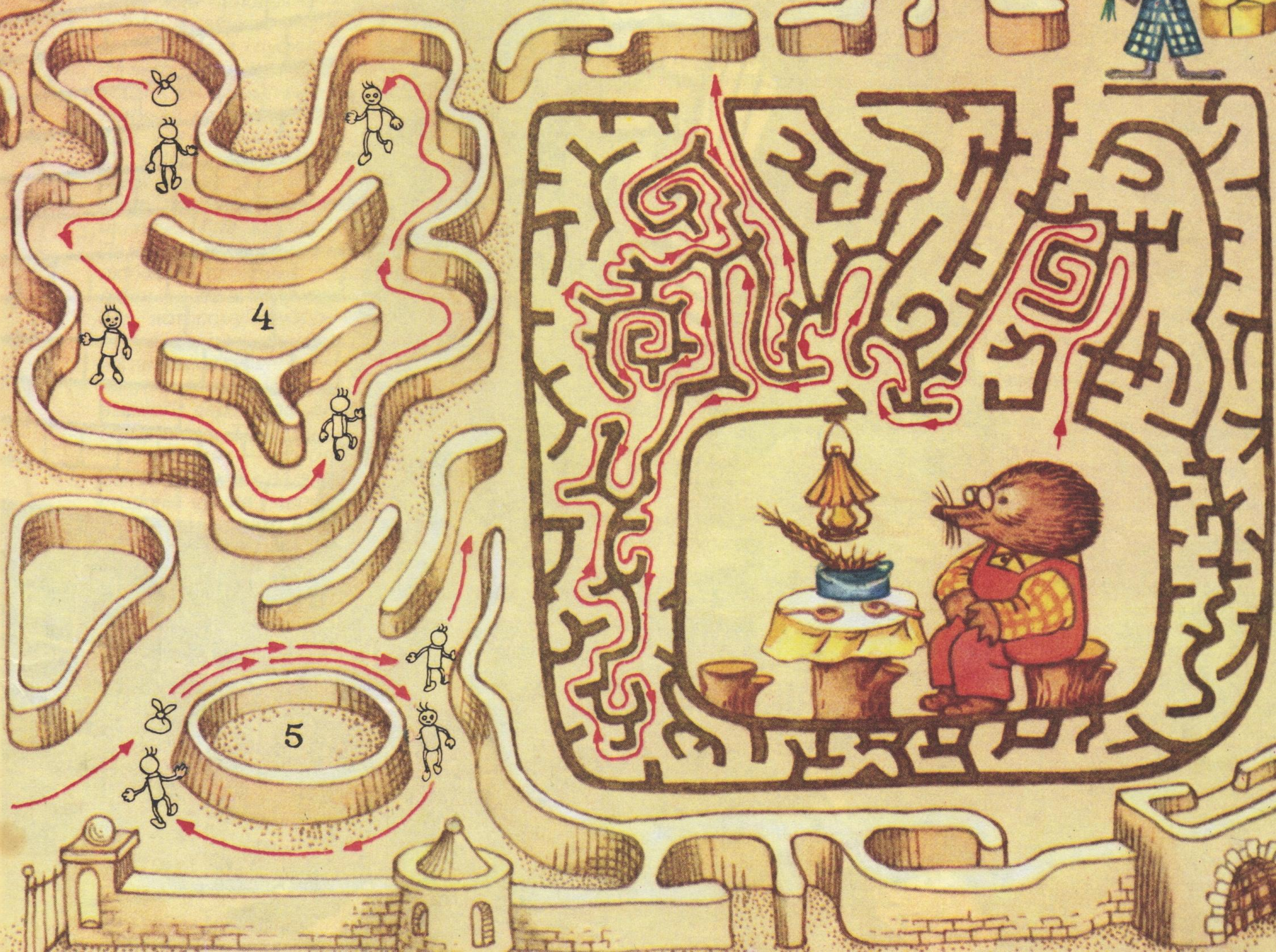
— Хорошо,— сказал Чип,— а теперь давай попробуем применить твою программу. Вот в журнале «Веселые картинки» напечатан лабиринт. Давай поищем путь от крота к мышке.

Вот по какому пути шли Сережа с Чипом. Если смотреть сверху, то путь может показаться не самым коротким: зачем обходить явные тупики и заворачивать во все закоулки? Но зато этот путь они прошли, как бы находясь в лабиринте, двигаясь ощупью в полной темноте, и все-таки выбрались наружу.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята! Проверьте Сережину программу на других лабиринтах. А если лабиринтов под рукой не найдется, придумайте их сами и пришлите нам. Любителям трудных задач мы предлагаем сочинить программу, которая сама будет строить лабиринты. На конверте напишите девиз: «ЛАБИРИНТ».

Раздел ведут профессор А. МИГДАЛ и М. АГИШТЕЙН.

Мы приближаемся к любви

Ирина АНДРИАНОВА

Окончание. Начало в № 5.

II

Ты и я... Я и ты

Удивителен человек.

Непрост мир человеческих отношений. Сколько в нем оттенков, красок — все и вся в этом мире неповторимо.

Как узнать первую любовь? Как беречь ее? Вырастить из почки первой симпатии, полной тайн и скрытой жизни, цветок — неповторимое чувство?

Разве вы, мой собеседник, не испугались, когда однажды поняли: ваше мальчишеское, влюбленное «я» подозрительно громко поет, просится к удивительной Ленке (Светке, Ольке), и пора идти к ней навстречу, чтобы обрести в девчонке друга, пора сказать ей: «Я и ты... Ты и я».

Бесхитростная формула — одна из ступеней человеческой любви.

Так чего же вы испугались там, давно, в детстве? О, тысячу вещей! Показаться смешным; неловким — тоже; глупым — естественно; добрым и нежным — ну, конечно же! Ласковым — этого еще не хватало. Оказывается, внутренний мир человека подчас сложнее того, который окружает нас,— мира внешнего. Пробуждение внутреннего мира, его первое движение удивляет, тревожит, мучает. Здесь важно не испугаться, здесь важно понять: я расту, я познаю, я люблю... Здесь нужно Мужество.

Но тогда вы испугались развития своей души. И решив не обращать на Ленку (Светку, Ольку) внимания, то есть забыть ее, вычеркнуть из независимой мужской судьбы, вы отрезали липкую таинственную почку своей симпатии — уф, избавился...

Нет, не избавился. Душа человека — дерево. Пока жив человек — живо это дерево. И время от времени набухают на нем почки, растут ветки и ветви, тянутся в глубину корни. От человека, и только от него, зависит, каким будет дерево его души. Здоровым, сильным, высоким, прекрасным или искривленным, изуродованным, с мертвыми сучьями, низким, как презренный, сорный кустарник на пустыре.

...Итак, дорогой собеседник, вы постарались забыть Ленку (Светку, Ольку), постарались пройти мимо, приостановили движение души. Надо же, получилось... Где она сейчас — ваша первая любовь! Даже точного имени ей не находится. Но... За первой любовью приходит и вторая, новые лица, новые люди встречаются вам. И снова появляется человек, которому хочется сказать: «Ты и я... Я и ты».

Ага, вернулись к бесхитростной формуле, к одной из первых ступенек любви... Вы будете возвращаться к ней же, если не сумеете хоть чуточку дать вырасти дереву вашей души. Любовь — такая трудная работа. Такое удивительное преодоление себя!

Все хотят — особенно в отрочестве, юности — быть похожими на знаменитых людей. Наверное, со стороны чужие лавры и награды кажутся желаннее, весомее. Неплохо иметь идеал и следовать ему. Но нелегко повторить чужую жизнь, почти невозможно. (Помните, все и вся в мире неповторимо?) Трудно создавать свой путь, труднее, чем повторять чужой. Но это самый верный выбор: быть самим собой, стать самим собой, стремиться к себе самому.

Конечно же, сам себя в одиночку не создашь. Без окружающих людей, книг, учебы, работы, без всего того, что вмещается в пестрое понятие «человеческая жизнь», не выйдет личности, гармоничной и глубокой.

Всем, наверное, хочется заполучить бесстрашие Суворова, талант Пушкина, звездную славу Гагарина, верность Нины Чавчавадзе. Без усилий, без работы над собой, без борьбы за успех не будет ни бесстрашия, ни славы, ни таланта, ни великой любви.

Я уверена: когда человек проходит мимо первых движений души, спеша отмахнуться от них, как от назойливых насекомых, предпочтя спокойствие и железное безразличие; когда человек не умеет даже вспомнить свои первые сомнения, боль, вопросы — он начинает терять себя как личность. Тускнеть. Сливаться с толпой. Каждое наше душевное проявление не живет отдельно, оно — звено цепочки. Или вспомним предыдущее сравнение — оно или ветка, или лист, корень одного дерева — нашей души...

III

Телефонные разговоры с человеком из дома напротив продолжались уже целый месяц. И однажды он сказал:

— Слушай, приходи ко мне в гости.

Он предлагал мне реальное знакомство. Почему-то я быстро согласилась. Мне представлялось, что все легко у нас сложится, продолжатся доверительные беседы; мне казалось, я знаю этого любопытного мальчика долго, хорошо, как никого другого. Он мне нравился, телефонный знакомый. Я, наверное, даже влюбилась в него.

...Дверь открыл невысокий темноволосый мальчишка, ошарашенный и скованный.

— Проходи, привет,— сказал он хрипло. Его голос не был похож на тот доверительный, телефонный.

Ужас и стыд накатили на меня. Зачем я здесь? Зачем были глупые длинные разговоры о любви? Как я могла откровенничать с этим испуганным школьником, обитателем душной квартиры?

Я ушла от него через полчаса. Ушла навсегда, решив, что мальчишка совершенно не нужен мне в друзьях, он — другой, не такой, каким я его представляла, неинтересный, обыкновенный, как все.

Лето я прожила с мыслью, что меня обманули.

Разрыв

В шесть лет я боялась смерти. Непонятно, откуда пришел ко мне этот страх. «Мама,— спросила я как-то вечером,— а как это — умереть?». «Брось болтать глупости»,— ответила мама. Меня уложили спать и оставили в темной комнате одну. Я отчетливо помню, как тихо было вокруг, как я долго не могла уснуть, как время будто остановилось, и кто-то черный, жуткий прошел мимо... «Мама!!» — завопила я на весь дом. Она прибежала с кухни. «Мама! Я умру?!» — и заплакала.

Мама начала меня утешать, гладить по голове, подтыкать под бока и ноги одеяло, обнимать своими добрыми руками. И хотя мама не пообещала мне, что я буду жить вечно, страх отступил, растворился.

В тринадцать лет я боялась, что меня никто никогда не полюбит. В один прекрасный день я увидела себя будто со стороны. Лицо — шире некуда, глаза — дурацкого цвета, фигура... О фигуре вообще ни слова — фу... Страх будущей многолетней нелюбви, обречения на одиночество душил меня, кровь приливала к щекам, хотелось бежать от себя. От себя, ото всех. Что ты на меня уставился, Костя Булгаков?

Четырнадцатилетний Костя, мальчик, похожий на Блока-гимназиста, сказал мне в тяжелую минуту: «Я тебя люблю», посвятил стихи со слабыми рифмами, будто сломанные стебли цветов. Он спас меня еще от одного страха.

Фотоэтюд А. КРУПНИКОВА.

В двадцать восемь лет я боялась попасть в больницу. Быть оторванной от друзей, простых, но милых сердцу житейских забот, споров, книг, от мира — ничего, наверное, нет ужасней. И этот мой страх перерос в реальность.

В тот летний день мне казалось, что я — герой какого-то кинофильма: машина «Скорой помощи», растерянные лица родных, врачи, больничная палата. А потом длинные свинцовые дни, много дней и меняющиеся соседки по палате...

В больничное окно стучался мокрый ветер холодного июня. «Острова в океане» Эрнста Хэмингуэя так и остались лежать неоткрытыми в тумбочке, а блокнот и ручка не вынуты из сумки. Мой мир сузился до игольного ушка больничного мирка. Я ни о ком не могла вспоминать, ни о ком думать, я была раздавлена, как дождевой червь.

Помню, друзья с бодрыми лицами, успокаивающими взглядами принесли букет пионов. Он одуряюще благоухал. Особенно ночью... Не дарите мне больше пионы. Не-на-ви-жу.

...Девочку привезли ранним утром, часов в пять или шесть. Она молчала целый день. Накрылась с головой одеялом — и ни звука. Вечером ко всем пришли знакомые, родственники, к ней нет. Ночью девочка плакала. «Позвать медсестру?» — спросила я. Она вздрогнула, замерла, выдохнула: «Нет»,— и снова заплакала... Кто-то сказал, что больница — дом скорби. Все верно. Выздоравливают дома, в больнице — скорбят.

Я не расспрашивала девочку ни о чем, говорила она сама. И, наверное, говорила не мне, а своему отчаянию, своим переживаниям, этой ночи.

У нее был друг, они встречались. Все было хорошо. Но вдруг он перестал ей звонить, на улицах делал вид, что не замечает. И вот теперь, когда она заболела, он даже не пришел навестить...

Девочка сказала мне, захлебываясь тихим плачем:

— У нас, понимаете, произошел какой-то непонятный разрыв.

Разрыв... Не девочкино слово, чужое.

В ту ночь я встала с больничной койки, чтобы утешить другого человека. Первым делом я выбросила букет пионов. Вторым делом — распахнула окно. Откуда в дождливое серое лето собралась гроза? Она хлестала по городу, летала на крыльях белых молний, широкой, сильной ладонью трепала в соседнем парке макушки дубов и берез. Мы перегнулись через подоконник и уставились на колотящиеся о черный асфальт струи.

Я не успокаивала девочку. Я рассказала ей историю писателя Пришвина.

...В молодости Михаил Михайлович был вынужден уехать за границу, чтобы получить высшее образование. Там, в Париже, он познакомился с русской девушкой Варварой Петровной Измалковой, дочерью состоятельного петербургского чиновника.

Они полюбили друг друга. Париж стал колыбелью их чувства. И настал такой момент, когда Варвара Петровна решилась написать отцу письмо и объявить Мишу Пришвина своим женихом.

«Судьба поэта как человека предопределена поэзией... Прочитав письмо, он покосился на нее и вдруг увидел ее, чужую ему и малоинтересную девушку. Она инстинктивно это поняла и вдруг, вырвав письмо, разорвала его на мелкие кусочки и бросила в Сену. Тогда чувство вернулось к нему с большой силой, и человек опять вошел в судьбу свою, предопределенную поэзией»,— из книги «Путь к слову» В. П.Пришвиной, жены писателя.

Они расстались. Не виделись почти всю жизнь. Только несколько писем связывало их, но какие это были письма? Нежные пришвинские и непонимающие, сухие, вежливые ответы Варвары Петровны.

«Все было удивительно, когда я встретил Вас, весь мир был как певучее дерево»,— это Пришвин.

«Годы — пропасть, Михаил Михайлович, и если бы мы с Вами встретились теперь, то мы друг друга не узнали бы»,— Измалкова.

Что же произошло? Произошло то, что Варвара Измалкова стала музой, звездой Михаила Михайловича. Именно она, ее образ дали толчок творческим успехам писателя. И он умышленно не делал решительных шагов к сближению. Умышленно. Не мог перейти ту сверкающую великолепную грань, которую можно назвать духовной близостью.

Конечно, можно возмутиться: что это за частный пример я привожу? Ну, было так с Пришвиным, при чем здесь все мы — простые смертные? А я возражу — так было почти с каждым человеком. Первая любовь, ее ошеломляющие трудности, тоска, ее странное волнующее состояние, ее немое обожание любимого или любимой, мучения и переиначенная жизнь — так было с каждым. Только выход из этого состояния у всех разный: кто начинает творить, кто землю копать, а кто лечить людей. Выход одновременно разный, но и одинаковый. Мы все начинаем по-новому жить...

— Вы себе не представляете, как мне плохо,— сказала девочка.— Я всех, почти всех ненавижу.

— Ты еще влюбишься,— ответила я. Поверила ли она мне? В ту ночь я не задавала себе этих вопросов. Я вдруг вспомнила о доме, друзьях, о родных мне людях, о том, что есть на свете любимый город Москва и улица Арбат с сентиментальными тупиками закоулков и дворов. Отчего-то страшно захотелось съесть рыночного огурца.

— Ты обязательно влюбишься,— повторила я...

Странно. Я больше не хочу с вами спорить, дорогой собеседник. Ведь вы все давно поняли. И, кажется, возражали мне потому, что такая у вас была роль — носителя отрицательного начала.

— Нет, нет, нет,— повторяли вы.

— Да, да, да,— повторяла я.

И потом я наконец-то вспомнила, кто вы, дорогой собеседник. Вы — мой четырнадцатилетний телефонный знакомый. Тот, с которым так тепло и надежно было на расстоянии и с кем невозможна оказалась дружба. Наши отношения были похожи на знакомство в поезде: чего только не расскажешь попутчику о себе, зная, что никогда его в жизни не встретишь. А мы встретились, не сообразив, что этого делать не стоило.

Я была влюблена в вас много лет назад. Влюблена в наши телефонные откровения. И чего греха таить: под пеплом старинной влюбленности осталась живая искра — она-то и раздула пламень этих страниц.

Позвольте мне закончить мои монологи. Прекратить наш спор. Закрыть его, как калитку в лохматый, отягченный майскими цветами сад.

Потому что я права — любовь существует, и сомнений в этом у вас нет. А?

Мы приближаемся к Любви... Но ощущение другое: все было — муки, слезы и тоска, и объясненье, смятое минутой. Нет, повторенья быть не может: да, кончено, Она не для меня, а Он не тот, кто нужен в жизни мне. Но... Мы приближаемся к Любви, подобной океану мирозданья, двум океанам, десяти... Она бескрайна. А мы два корабля бумажных, трепещущих у берега в волне. Узнав друг друга, полюбив, расставшись, мы только приближаемся к Любви.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЁД

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА · ПИОНЕР · ИЮНЬ 1988

НАШ МАНИФЕСТ

«Вперед» — название первой большевистской газеты.

«Вперед!» — название газеты IX Всесоюзного пионерского слета.

«Вперед» — так будет называться юнкоровская газета при журнале «Пионер».

Девиз газеты: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» *
Цель газеты: обновить дух пионерской организации.
Средства газеты: очерки, репортажи, фельетоны и материалы в других жанрах, посвященные замыслам и делам пионеров, рассказывающие о том, что помогает и мешает ребятам, знакомящие с удачным и неудачным опытом.
Сотрудники газеты: все юнкоры страны.

ИНФОРМАЦИЯ К ДЕЙСТВИЮ

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Из окошка вагона смотрим мы — тимуровцы совета музея А. П. Гайдара средней школы № 27 города Москвы. И смотрим мы не из случайного вагона, а из своего, можно сказать, собственного.

В декабре прошлого года поезд «Гайдаровец» впервые тронулся в путь. Теперь он возит пассажиров по Калужско-Рижской линии московского метро. Придумали этот поезд мы, тимуровцы. Собирали металлолом, выступали с просьбой помочь нам в этом деле пионеров и комсомольцев Черемушкинского района города Москвы. Три года шла работа.

Вот он и появился, наш «Гайдаровец». Весело стучит колесами в тоннелях метро. Здорово!

Федя ФОМИН и Алеша КУКЛИН,
6-й класс, школа № 27,
г. Москва.

---

* Если не читал еще — прочти книгу Вениамина Каверина «Два капитана», и ты поймешь, почему мы выбрали этот девиз.

СПРАШИВАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ!

ЧТО ДУМАЮТ ВЗРОСЛЫЕ О ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ?

Что такое пионерская организация... Это горн, это барабан, это... Ну, и все такое. Что я думаю о пионерской организации? Я хорошо думаю о пионерской организации. Только у вас плохо поставлена работа по правилам дорожного движения. Очень много ребята нарушают, очень трудная прослойка. Прийти и рассказать я в принципе не против, но пусть лучше ваше руководство выйдет на наше и согласует все вопросы. Извини, мне нельзя надолго отвлекаться,— движение...

Постовой ГАИ
младший лейтенант Вашкевич.

Я верю в пионерскую организацию. Люди моего поколения вступали в жизнь, когда прямота была не в чести — ни в словах, ни в действиях. На виду были люди послушные, удобные. А вот вы растете в другое время, дышите другим возду-

?

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПЕСНИ

Прекрасная традиция — любое дело начинать с песни. Сегодня в нашей газете — песня Олега МИТЯЕВА, которая стала «гимном» КСП,

КАК ЗДОРОВО!

Изгиб гитары желтый ты обнимешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь,
Качнется купол неба: большой и звездно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

Как отблеск от заката, костер меж сосен пляшет.
— Ты что грустишь, бродяга, а ну-ка улыбнись!
И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет:
— Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

И все же с болью в горле мы тех сегодня вспомним,
Чьи имена, как раны, на сердце запеклись.
Мечтами их и песнями мы каждый вздох наполним.
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

Изгиб гитары желтый ты обнимешь нежно,
Струна осколком эха пронзит тугую высь,
Качнется купол неба: большой и звездно-снежный...
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!

хом, и нормальными с младых ногтей считаете и называете нормальные вещи, а ненормальными — ненормальные. Я убежден, что ваша организация должна верить в то, что она исповедует, и добиваться того, во что верит. И еще — не надо никого насильно загонять в организацию, пусть в нее войдут прежде всего достойные!

Александр Иванович Дергачев,
доктор исторических наук,
профессор.

...Куртка — 200, «варенки» — 150, там все написано. Нет, это не «фирма», но «под фирму». Спорим, что от настоящей не отличишь? Сами шьем, по фирменным лекалам. Вот на мне настоящая «фирмовая», а чем отличается? Что? Пионерская организация? Ты чего — «с тараканами»?! Тут тебе чего — агитпункт?

Парень лет 25,
продавец одежды «под фирму»
на рынке у Рижского вокзала.

?

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ПИОНЕРОМ?

А РЕБЯТА БЬЮТСЯ...

Я всегда думал, что пионерская работа — это скучные линейки, длиннющие сборы и шагистика под бравый бой барабанов. А тут...

Ребята из клуба «Поиск» московской школы № 806 изучают боевой путь 1077-го стрелкового Панфиловского полка. Шесть лет пионеры и комсомольцы ходят в походы по деревням Волоколамского района со своим учителем истории Евгенией Андреевной Ивановой. Девяностолетним старикам «Поиск» нашел могилу сына. Нашли и перезахоронили останки разведчика Воронецкого. Его дочь приезжала (она в 14 лет получила письмо от комиссара, что ее отец погиб, и все не верила).

Ребята видят, как много еще осталось заброшенных братских захоронений со времен войны, со времен жесточайших боев. Сейчас эти захоронения зарастают травой, на них пасут коров, их распахивают под поля, наваливают на эти места навоз. Только кое-кто из местных жителей, старые бабушки, еще помнят, где лежат наши воины.

Ребята сделали пробные раскопки и наткнулись на останки солдат. То, что это наши солдаты, видно по пуговицам мундиров, монетам... Теперь добивается «Поиск», чтобы военкомат Волоколамского района перенес могилы с полей в деревни, поставил памятники. Но волоколамские власти считают, что какие-то сопляки вмешиваются в их дела, они трясутся за свои мундиры, говорят: всем памятники ставить — денег не хватит, уже один общий поставили.

А ребята все-таки бьются. Когда местные власти не разрешают копать — они дают концерты памяти по деревням, возлагают цветы павшим воинам прямо на навозные кучи.

Сейчас ребят поддерживают ЦК ВЛКСМ, Комитет ветеранов войны, ветераны Панфиловской дивизии. Может, теперь им удастся довести дело до конца?

Ребята из клуба предложили мне пойти с ними в поход. Я, пожалуй, пойду.

Андрей МУХАНОВ,
школа № 381, г. Москва.

ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ...

ЧЕРЕЗ ГОД ПОСЛЕ СЛЕТА

Почти год прошел после IX Всесоюзного слета пионеров. Как выполняются его решения? Об этом редактор стенной газеты Кировского РПШ г. Москвы **Люда КРОВЯКОВА** спросила у своих товарищей по штабу **Тани МИРОНОВОЙ** и **Сергея БУБЕНОВА.** Таня — делегат IX Всесоюзного слета пионеров, член Бюро городского совета Московской пионерской организации. Сережа — председатель Кировского РПШ.

Корр. Таня, после слета в Бюро ГСПО вошли пионеры. Взрослые с вашим мнением считаются?

Таня. Пока не очень. Нас выслушивают, но как-то снисходительно. Такое впечатление, что как раньше Бюро свои взрослые вопросы решало, так и сейчас решает. Недавно на Бюро зашел разговор, что торговле невыгодно изымать из продажи галстуки. Мы, ребята, а нас 5 человек в Бюро, предложили, что мы сами съездим в Московское управление торговли и в Министерство торговли и объясним там точку зрения пионеров. Но взрослые в Бюро отмолчались, наверное, у них свои планы.

Корр. Сережа, у нас в районе есть дружины, которые заключили трудовые договоры с предприятиями?

Сережа. Пробовали, но пока не получилось. Администрация предприятий доброжелательно выслушивает ребят, а потом говорит: «Мы не можем заключить с вами договор, потому что нет юридического документа, который бы это позволил». Мы показываем решение слета, а нам говорят: «Это не документ. Вот со школой мы могли бы заключить договор — его подпишет директор школы, у школы есть печать. А с дружиной договор заключить мы не можем».

Корр. Решение слета, конечно, хорошо звучит, и все там правильно, но в жизнь оно пока сложно претворяется. Наверное, все-таки взрослые, комсомол должны нам помочь.

Интересно, а как в других городах идут дела? Может быть, юнкоры нам расскажут?

РОСТОК

ПИОНЕРСКАЯ ПАСЕКА

Да, есть такая пасека в Дубенском районе Мордовской АССР. А работают на ней ребята из Кочкуровской средней школы. Конечно, под руководством колхозного пчеловода. Круглый год ведут они наблюдения за пчелами, изучают их повадки, ставят опыты.

Выписываем командировку юнкорам Кочкуровской школы: побывайте на пасеке и расскажите в газете «Вперед» о юных пчеловодах.

ПАТЕНТ НА УДАЧУ

БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ

Наше Бюро добрых услуг работает в «Орленке». Так называется комната школьника в микрорайоне. В начале учебного года мы развесили объявления на подъездах домов. Указали телефон и перечислили, что мы можем делать. Установили дежурство: ежедневно двое ребят сидят у телефона и записывают заявки. Просьбы самые разные: кому — помочь убраться в квартире, кому — в магазин сходить за продуктами, кому — в аптеку. А как-то ветеран один принес радиоприемник, что-то в нем не ладилось. И Витя Бузук починил (он в радиокружке занимается).

Двадцать семь домов в нашем микрорайоне, заявок хватает.

Ира РЕШЕТНИКОВА,
председатель совета отряда, 7 «А» класс средней школы № 13, г. Узловая Тульской обл.

ХИХАНЬКИ

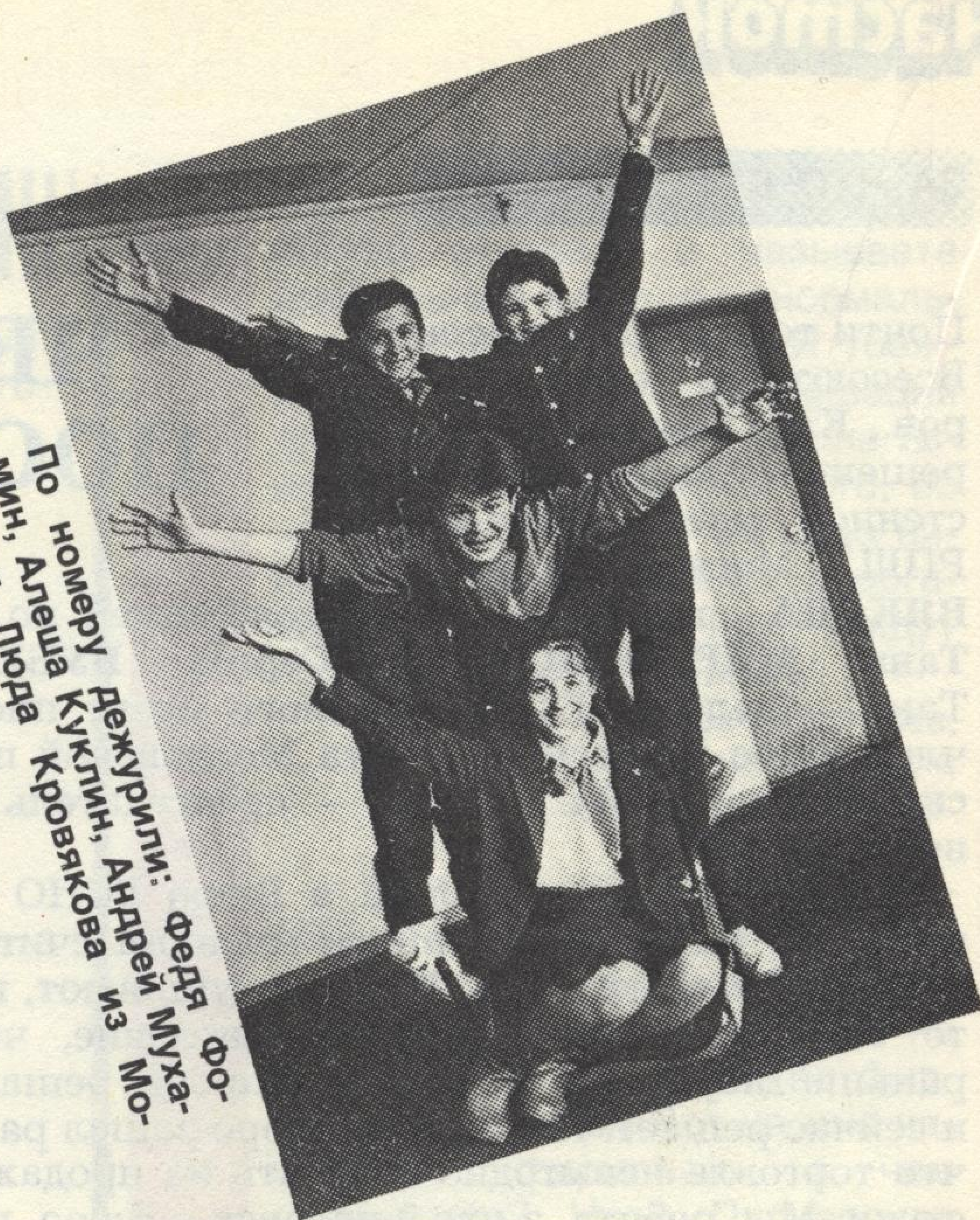
Большая работа

— Ребята, в этом году отряд нашего 3-го класса проводил большую работу. Хорошо работали девочки третьего звена и мальчики второго. Совсем не работал Вася Кульков. Организованно прошел сбор макулатуры, но мы плохо собирали металлолом. Предлагаю работу совета отряда признать...

— Ребята, в этом году отряд нашего 4-го класса проводил большую работу. Хорошо работали девочки третьего звена и мальчики второго. Совсем не работал Вася Кульков. Организованно прошел сбор макулатуры, но мы плохо собирали металлолом. Предлагаю работу совета отряда признать...

— Ребята, в этом году отряд нашего 5-го класса проводил большую работу. Хорошо работали девочки третьего звена и мальчики второго. Совсем не работал Вася Кульков. Организованно прошел сбор макулату... сбор макулату... сбор макулату... сбор макулату... сбор макулату...

Саша КОЛОНИНА,
г. Ногинск Московской области.

По номеру дежурили: Федя Фомин, Алеша Куклин, Андрей Муханов и Люда Кровякова из Москвы.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ВНИМАНИЕ! В № 4 газеты «Вперед» (будущий сентябрьский номер «Пионера») будет открыт единственный в мире ЖУРСАД.

В этом ЖУРСАДУ будут выращиваться юные ЖУРКАДРЫ.

Чтобы рост этот был более активным, плодотворным, напишите нам и задайте как можно больше волнующих вас ЖУРВОПРОСОВ.

Постараемся дать на них исчерпывающие ЖУРОТВЕТЫ.

ЗАВАЛИНКА

Как вы думаете, чем хороша «завалинка»? Тем, что на ней гостя хорошо принимать. Почему? А потому! Кормить его не надо, а вопросами заваливать — пожалуйста.

Интересная мысль

Первым на нашей «завалинке» оказался актер Московского академического театра сатиры, заслуженный артист РСФСР Александр Анатольевич ШИРВИНДТ.

— С чего началась ваша театральная карьера?

— Родители хотели, чтобы я стал скрипачом. А я вот, как видите, стал актером, режиссером и даже драматургом и автором эстрадных миниатюр.

— Как же вам это удалось?

— Очень просто. Когда надо было идти на урок музыки, я прятал скрипку, а потом сам прятался в ванной. Интересная мысль?

— Мысль интересная. Значит, вы советуете всем нашим читателям, собирающимся податься в артисты, прятаться...

— Ну, я не ставил бы вопрос так прямо. Надеюсь, у читателей газеты «Вперед» хватит чувства юмора, чтобы не понять меня превратно...

— А что такое, на ваш взгляд, чувство юмора?

— Ну, на мой взгляд, это очень важное чувство. Это определенное отношение к жизни, к окружающим, к самому себе... Не надо спешить стать серьезными. Надо уметь быть веселыми. Уметь взглянуть на себя с юмором... Интересная мысль?

— Мысль интересная. Но как научиться шутить?

— Юмор — это не просто умение шутить. Нельзя, да и невозможно постоянно шутить и смешить. А вот чувство юмора надо иметь при себе постоянно. Интересная мысль?

— Мысль-то интересная. Шутка — старая.

— Что?!

— Шутка про интересную мысль — старая. Нельзя ли что-нибудь новенького услышать?

— Вот я тебе сейчас покажу новенькое...

На этом наше интервью пришлось прервать. Прячусь от деда. В ванной. Как он только что с юмором советовал.

А. Ширвиндт-внук.

Двери редакции и страницы газеты широко распахнуты для каждого юнкора, который хочет, чтобы пионерская организация двигалась вместе со всей страной — ВПЕРЕД!

Адрес газеты:
101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, дом 14, 11-й этаж, газета «Вперед» при журнале «Пионер».

Телефон для «горячей» информации и «жгучих» вопросов:
212-21-29.

Вынь из журнала газету «Вперед» и принеси ее в свой отряд.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ЗА» и «ПРОТИВ»

МАРСИАНЕ ЖИВУТ НА ЗЕМЛЕ

«МЫ, взрослые, делаем серьезную ошибку, когда порой одни, без истинных хозяев, самих пионеров, обсуждаем и решаем, как им жить». — Это строки из статьи кандидата педагогических наук Е. Рыбинского «Вызовем марсиан или все решим сами?» (№ 6 «Пионера» за 1987 год). Мы предложили читателям принять участие в БОЛЬШОМ ПИОНЕРСКОМ СОВЕТЕ, подумать, как сделать жизнь в пионерском лагере содержательной и интересной. Совет состоялся, хоть и не совсем БОЛЬШОЙ: редакция получила две сотни писем. Итак, что же волнует ребят и взрослых?

...А ПИОНЕРЫ НЫНЕШНИЕ ЗАВИДУЮТ

«Больше всего в лагере мне нравится, что в нем нет горячей воды. Зачем корпуса в три этажа, ванны, телевизоры?!» (Светлана Родионова, г. Ленинград).

«Мне понравились условия, в которых мы жили. В холодные дни помещение отапливалось, туалет и ванна находились не на улице, был телевизор» (Лена Цветкова, г. Минск).

Среди вопросов, заданных вам в прошлый раз, был один, на первый взгляд не очень существенный:

«Хотел бы ты поехать в лагерь со всем классом? Всей школой?». Большинство читателей ответили: «Нет!».

Это «нет» говорит о многом. Пионерский лагерь для ребят — не школа минус уроки, не санаторий плюс линейки. Пионерский лагерь...

Но давайте по порядку.

Начнем с того, что пионеры двадцатых — тридцатых годов с теплотой вспоминают свои шалаши и палатки, печеную картошку на завтрак, обед и ужин, а пионеры нынешние... им завидуют.

Во дворце жить пионеру или в хижине — тема очень популярная. Участники нашей дискуссии тоже уделили ей немалое место. А *Наташа Ежова из Подмосковья* даже так написала: *«Я бы убрала заборы, потому что ребятам территория лагеря быстро надоедает. Зачем запирать на ночь корпуса? Ведь так приятно ночью послушать шорох листьев, шум реки. И воздух ночной какой-то сладкий».*

Как же быть? Снести все благоустроенные корпуса, начиная с артековских, и поставить на их место палатки? Или... просто не засиживаться в этих корпусах? Каждый подросток мечтает о походах. Мечтает пожить в лесу, утром умыться прямо из ручья, вечером посидеть у костра, ощутить простор родной земли...

Пусть себе стоят, блистая красотой, трехэтажные корпуса. Пусть в них возвращаются, как домой, отогреться, отмыться юные путешественники. После скитаний по лесам никто не огорчится, что вода в кране не ледяная, а удобства не во дворе.

Только как быть с самими скитаниями? Почему вожатые редко и неохотно водят ребят в походы? Вот тут проблема, на наш взгляд, не надуманная.

КАК БЫ ВОЖАТЫЕ

«Без вожатого скучно. Он у нас играет на гитаре» (Люба Панова, Мурманская область).

«Я уехала из лагеря потому, что мне там было скучно. Я очень многое предлагала сделать в отряде. Но вожатые отвечали, что у нас это не получится, это неинтересно... Сами же они целыми днями сидели у себя в палате и мечтали о доме» (Таня Зубова, г. Рязань).

В постановлении бюро ЦК ВЛКСМ «Об итогах IX Всесоюзного слета пионеров» записано требование в кратчайшие сроки направить в каждый пионерский отряд вожатого. Это касается в первую очередь школ, где вожатых как не было, так в основном и нет. В пионерских лагерях проблема другая — нередко вожатые там как будто и есть, а по существу это не вожатые...

Идти с ребятами в поход? Сколько суеты вокруг снаряжения и продуктов! Какая ответственность! К тому же в походе не только пионеры должны показать, на что они способны, но и вожатые. А всегда ли они достаточно смелы и выносливы, решительны и сведущи? Палатку поставить по всем правилам, чтобы от ветра не завалилась и во время дождя не протекла, костер после ливня разжечь, найти по солнцу дорогу в лесу, сварить в огромном котле кашу без комков... Каждый ли это сумеет? Особенно если учесть, что нынешних вожатых в их недалеком еще пионерском детстве тоже не баловали походами.

Да, качество работы важно не только на предприятиях, выпускающих, скажем, швейные изделия... Каких пионеров выпускала из своих рядов организация, таких вожатых теперь и имеет.

Вот что мы прочли в откликах наших читателей: *«Не знаю, можно ли прожить в лагере совсем без вожатых, но вот с вожатыми — пионерами старших классов — можно,*— пишет *киевлянка Алена,* забывшая указать свою фамилию.— *У нас так было целый день. Буйный третий отряд никто не узнавал. Куда девалось их разбойничество? А октябрята так полюбили своих вожатых, что даже после дня самоуправления продолжали ходить за ними табуном».*

Так, может, это выход, старшеклассники — вожатые у пионеров, а? Или кто-то подскажет другой?

НАСТУПАЕТ ДЕНЬ СЛЕДУЮЩИЙ...

«Весь день мы только и делаем, что говорим о порядке, стягиваем и натягиваем парадную форму и орем: «Всем, всем добрый день!» (Маша Колесникова, г. Ростов-на-Дону).

«Без взрослых можно даже на Луну слетать, если, конечно, перед полетом проконсультироваться» (Марина Сухоручкина, г. Магнитогорск).

Сколько же в вас энергии, дорогие пионеры! Особенно это заметно в так называемый день самоуправления. Но наступает за ним день следующий...

«Нет возможности поиграть с ребятами, просто поговорить. На кроватях сидеть нельзя, а стульев в палатах нет. Каждое утро и вечер медосмотр. Нет ли морщинок на покрывале? Нет ли цветов на окне? И ставят оценки».— Это из летних впечатлений *москвички Кати Дранопольской. «У нас председатель совета дружины на линейке произносит только: «Дружина, равняйсь! Смирно! На линейку шагом марш!» Все остальное — награждения, замечания, план на день и другое говорит вожатая. Я так пишу потому, что сама была председателем совета дружины»,*— сетует *Лена Садилова из Свердловска.*

Да, однодневная игра в начальники ребят не удовлетворяет. Каждый человек каждый день хочет быть начальником хотя бы для себя самого. Что это значит?

«Я единственный раз была в лагере, только в немецком,— пишет *Наташа Васина,* папа которой служит в ГДР.— *У нас каждый день работал пионерский центр. Там можно было делать что хочешь: шить, выжигать, лепить... Там же была библиотека».* Обратите внимание, не кружки, которые работают «от и до» и в которые надо записываться и ходить, как на работу.

Почему режим в лагере одинаков и для семилетних малышей, и для тех, у кого уже усы пробиваются? Об этом спрашивают многие ребята. Почему танцевать можно только вечером и только в определенные дни? А действительно, почему такой ажиотаж вокруг танцев? Разве нельзя поставить где-нибудь в тенечке пару столиков и бак с компотом? Магнитофон повесить прямо на ветку? Кафе само-

обслуживания работает без выходных! А современные танцы вполне можно рассматривать как один из видов спорта. Или кто-то боится, что из этого тенечка никого не затащишь на общелагерное мероприятие? На скучное — конечно! А нужны ли скучные мероприятия?

Даешь нестандартные затеи!

«Каждый день нас заставляли убирать территорию. Операция «Фантик»! И даже когда фантиков нигде не было, убирать заставляли. А что — неизвестно» (Оля Палий, г. Южно-Сахалинск).

«Приятно, если есть традиции. Ждешь и радуешься» (Оля Тарасова, Харьковская область).

Несколько слов о мероприятиях. Перечислили наши читатели этих мероприятий довольно много, но... все они оказались совершенно одинаковыми. Нестандартных затей мы выудили единицы.

«В нашем лагере мне больше всего нравится шлюпочный поход и полевой стан. На шлюпках мы путешествуем по Москве-реке. А на полевой стан приходим вечером, ночуем в палатках, а рано утром идем полоть свеклу» (Люда Белова, г. Москва).

«22 июня мы встали в четыре часа утра. Надели куртки и сапоги (на улице была гроза) и вышли. Было совсем темно. Отряды стояли с факелами. Так проходила линейка, посвященная памяти павших в годы Великой Отечественной войны» (Инна Л., Кемеровская область).

Хорошая традиция — разжигать по вечерам костер и садиться ненадолго вокруг него. Свет костра располагает к тихому откровенному разговору, к размышлениям вслух. Но представьте себе отряд, в котором за день все ребята перессорились: торговались, кому дежурить, дразнили рыжего, били слабого, изнывали от скуки. И вот настал вечер, и костер. Получится ли тут задушевный разговор? Да и сам костер получится? Ведь для него кто-то должен хворост запасти.

Почему так много в лагерях скучных мероприятий, от которых изнывают ребята? Не потому ли, что известные формы гуляют из лагеря в лагерь, из года в год, никак не сообразуясь ни с именно этими ребятами, ни с нынешним днем?

Шанс начать сначала

«Я заместитель председателя совета отряда и участвую во всех пионерских делах. Но они меня не увлекают, надо так надо» (Наташа Зайцева, г. Омск).

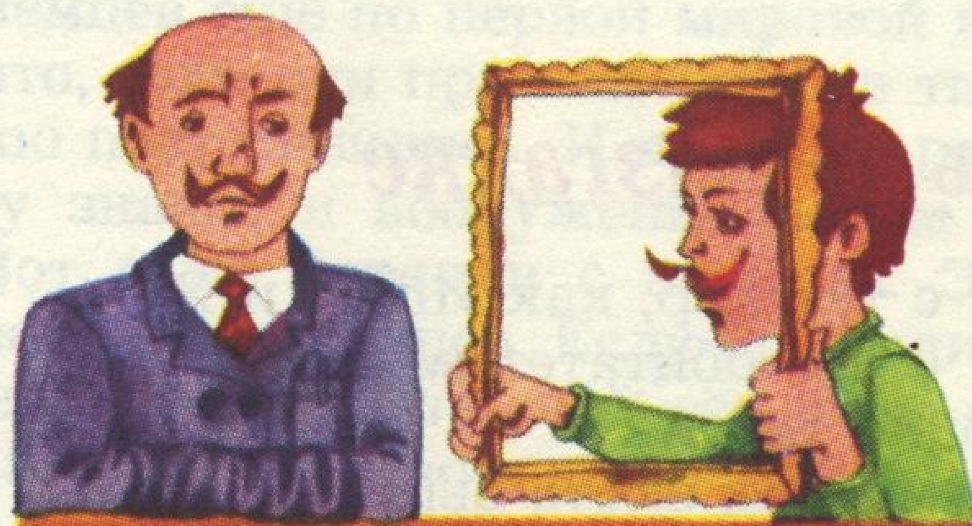
«В лагере у человека проявляются те способности, которые в городе из него клещами не вытянешь» (Ира Гиркина, г. Курган).

А теперь вернемся к тому, с чего начали разговор. Почему мало кто из наших читателей захотел ехать в лагерь всей школой? Не потому ли, что на новом месте, в новом коллективе каждый человек как бы получает возможность начать жизнь сначала. Бывает ведь такое — не сумел человек зарекомендовать себя в школе, вот и приходится ему играть навязанную роль. Роль классного шута, например, или рассеянного с улицы Бассейной. А в лагере на новичка могут взглянуть по-новому и соответственно увидеть нечто новое.

В лагере, где отдыхали *Катя Шкирман и Оля Подкоморная, девочки из Краснодара,* вожатые — студенты педучилища — предложили ребятам построить работу по системе доктора педагогических наук И. П. Иванова. И вот что из этого получилось. *«Система эта заключается в том, что отряд делится на так называемые связки, по пять-шесть человек,— пишут девочки.— Каждой связке на ближайшие три дня дается поручение. Допустим, политсвязка проводит политинформацию, десант-связка три дня работает с малышами, метод-связка разучивает с нами песни и игры, дежурная связка работает в столовой, следит за чистотой и порядком в нашем корпусе, пресс-связка выпускает стенгазету, сюрприз-связка готовит сюрприз для отряда. Потом связки меняются. Помню, как весь лагерь приходил к нам смотреть очередной номер стенгазеты или сюрприз. Вожатые других отрядов удивлялись, как это у нас шесть человек ухитряются убраться лучше, чем у них весь отряд. Но ведь у них за все отвечал актив, и не только отвечал, но и все делал!*

Мы сами решали, что и как делать. Ходили в поход в горы, каждый вечер сидели у костра. Ни из одного лагеря мы не привозили столько впечатлений, сколько из «Дубравы». А ведь сначала не хотели туда ехать, потому что далеко от моря...»

Обычные ребята собрались в том отряде, никакие не активисты, а в отрядную жизнь включились все.

Отцы или дети?

В прошлый раз мы предложили читателям помечтать, поставить себя на место начальника лагеря. Что бы они тогда сделали для пионеров? Нового наши читатели, к сожалению, ничего не намечтали. А вот обид высказали немало.

Говорят, «отцы и дети» — тема вечная. В этом мы еще раз убедились, прочитав письмо *Виталия Леера* из Астраханской области. *«Когда я буду начальником,— пишет он,— а ведь это будет лет через двадцать пять, то пионеры будут еще современнее и мои требования им могут не понравиться. Им, как и мне сейчас, будут нужны одни дискотеки или что-нибудь еще в этом роде. Но нельзя уклоняться от пионерских дел. И когда я стану начальником, я, наверное, буду портретом начальника нынешнего».*

Нам все же хочется пожелать Виталию не быть ничьим портретом. И поскорее, уже сейчас, понять: от всех скучных и бесполезных дел надо отказаться, даже если они называются «пионерскими».

ОТДЕЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.

Рисунки В. БУРМИСТРОВА.

Сентябрь 1943 года. Бушует Великая Отечественная война. Немцы готовят высадку морского десанта на южном побережье Белого моря. Для установки радиопоста, который бы указал место высадки, в архангельскую тайгу забрасывается фашистская разведгруппа из трех человек под командованием штурмфюрера СС Хельмута Крюгера. Здесь же, в тайге, неподалеку от логова фашистов, живут и охотятся два необыкновенных друга — юноша Игнат и волк Хромой. Игнат не помнит, как попал в тайгу, не помнит почти ничего из своего прошлого и скорее всего считает себя тоже волком. Промысловый охотник старик Лихарев, дом которого расположен возле побережья, обнаруживает возле дома следы немцев и еще какие-то странные следы — волка и человека. Фашисты, не подозревая о существовании Игната и Хромого и о том, что Лихарев знает о немцах, принимают решение временно старика не трогать, чтобы случайно себя не выдать. Подготовив все необходимое для встречи десанта, Хельмут Крюгер ждет радиограмму о высадке, но пока тщетно. Эсэсовец готов выполнить задание командования любой ценой...

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 5.

Рисунки А. БОРИСОВА.

12. Путь к разгадке

Прошло трое суток с тех пор, как Игнат и Хромой обнаружили дом с его обитателями, от которых скрылись в глубине тайги.

Вчера в вечерних сумерках охота была удачной, оба они насытились, Игнат еще долго ночью поджаривал мясо, прежде чем подвесить его, чтобы оно вялилось, а затем и самому лечь на отдых.

Он спал беспокойно, и, несмотря на сытость, его влекло в лес, в дорогу, на поиск... Его тянуло к побережью, туда, к одинокому лесному дому, словно это и был путь к разгадке тревожной тайны, окружившей Игната тяжелым предчувствием. И едва ночь перевалила на вторую половину, как он встал, надел обувь — свои самодельные медвежьи ботинки, взял лук, стрелы и вышел из логова. Хромой шел следом, отставая на два шага.

Круглая и бледная луна то пряталась за рваные, торопливые облака, то выскальзывала снова на открытое небо и озаряла сонную тайгу, деревья, скальные обомшелые склоны и кусты, юношу, одетого в звериные шкуры, и крупного хромого волка, идущего позади него.

Шли долго, но, когда приблизились к цели, еще была глухая ночь. Луна совсем зашла за тучи, и лес погрузился во мглу. Прежде чем приблизиться к дому, юноша остановился, и волк проскользнул вперед. Они делали так всегда, потому что оба понимали, что Хромой раньше Игната учует опасность или добычу...

Старик Лихарев спал, когда обе лайки дружно и злобно залаяли. Он встал, сразу же схватив карабин, стоящий рядом и заряженный.

Разгадав присутствие поблизости кого-то чужого, возможно, и фашистского разведчика, он подготовился к любым неожиданностям. Проверил и запер задний выход из избы через сарай, внес в дом съестные припасы из холодной кладовой, натаскал дров в комнату, чтобы неделями можно было не выходить во двор. Проверил запасы патронов к карабину и ружью, их оказалось достаточно, все припасено было на зиму.

По рычанию и лаю собак было похоже, что пожаловали волки, тем более это их самое время — часа два-три еще до рассвета. Но фашисты есть фашисты, тут всегда надо быть настороже. А собаки, хоть и редко, но все-таки могут ошибиться. И старик, не зажигая огня, приказав лайкам смолкнуть, сидел с карабином в руках сбоку от окна и через открытую форточку вслушивался во тьму.

Но вот собаки снова взлаяли с подвыванием, и вдруг за окном неподалеку, может, метрах в пятидесяти от дома, прозвучал, разрывая ночную тишину, вой волка. Волк взвыл звонко и протяжно, но только один раз и смолк. Услышав волка,

лайки забеспокоились, заметались по избе, рыча и лая.

Иван Васильевич прикрикнул на собак, они немного примолкли, но главное он уже услышал — волчий вой. Значит, это были не немцы. Днем, при свете, хоть можно пулю всадить в фашиста, а в темноте как быть, находясь в доме?

Немного необычно, что волк один, но, может, остальные просто не откликнулись, молчали... Всякое бывает... Правда, немудрено и человеку завыть волком, почти точно подражая зверю. Но это «почти» и выдаст человека. Потому что старика Лихарева обмануть не просто. Слишком хорошо он знает ночные голоса своих серых лесных соседей. А услышав через отворенную форточку волчий вой, Иван Васильевич был уверен, что здесь нет подвоха. Выл волк, это уж точно. Собаки постепенно успокоились, видно, волк или волки удалились от дома. Старик тоже успокоился и снова лег. Надо будет утром посмотреть, что там за следы и сколько было зверей...

После того, как Хромой не сдержался и завыл, Игнат сразу увел его от этой избы. Конечно, там, в доме, уже поняли, что кто-то бродит вокруг — собаки учуяли гостей. Но когда Хромой завыл, он выдал себя и Игната. Теперь те, кто в избе, точно знали, кто пришел к их двору. Так считал Игнат и потому сразу повернул на тропу — к логову.

Шли обратно не спеша, внимательно вслушиваясь и внюхиваясь в шорохи и запахи ночной тайги. Юноша тоже уже привык принюхиваться, и он улавливал запахи — оленя, лося, медведя. Конечно, с более близкого расстояния, чем Хромой, но у него все-таки и чутье уже сильно обострилось, как и другие органы чувств, и заметно помогало в охоте и в ориентировке в лесу, особенно ночью.

Когда пришли в логово, уже начинался рассвет. Наелись мяса из запасов, попили воды и брусничного сока, и Хромой улегся на отдых. А Игнат все сидел у огня и думал.

13. Следопыт готов к бою

Он долго и тщательно рассматривал следы, оставленные волком и тем, кто приходил с ним вместе. Именно к такому выводу пришел старый следопыт. Кто-то был здесь ночью вместе с волком, тем единственным волком, который завыл один раз, когда собаки учуяли ночных гостей и залаяли. По поведению этого волка, которое старик Лихарев восстановил по следам, было понятно, что этот «кто-то» был вместе с ним. Они стояли рядом — след был вдавлен глубоко там, где они стояли,— они подходили к дому один за другим, уходили один за другим. Причем впереди шел волк, уже на его следы накладывался след незнакомого существа. И, что самое удивительное, старый следопыт готов был поклясться, что этот нечеткий след со скругленными краями был похож именно на след человека и уж никак не походил на звериный. Старик пришел к выводу, что ноги этого человека были обернуты во что-то мягкое и толстое и потому не оставляли четкого следа.

Вернувшись в дом, он долго думал об этих следах и решил, наконец, что следы не могут иметь ничего общего с тем отпечатком ботинка с шипами, который, бесспорно, принадлежит немецкому разведчику.

Значит, сегодня судьба подкинула ему новую загадку, которая не связана с немцами, а значит, не грозит опасностью ни ему, ни его земле, за которую он готов пойти даже на смерть.

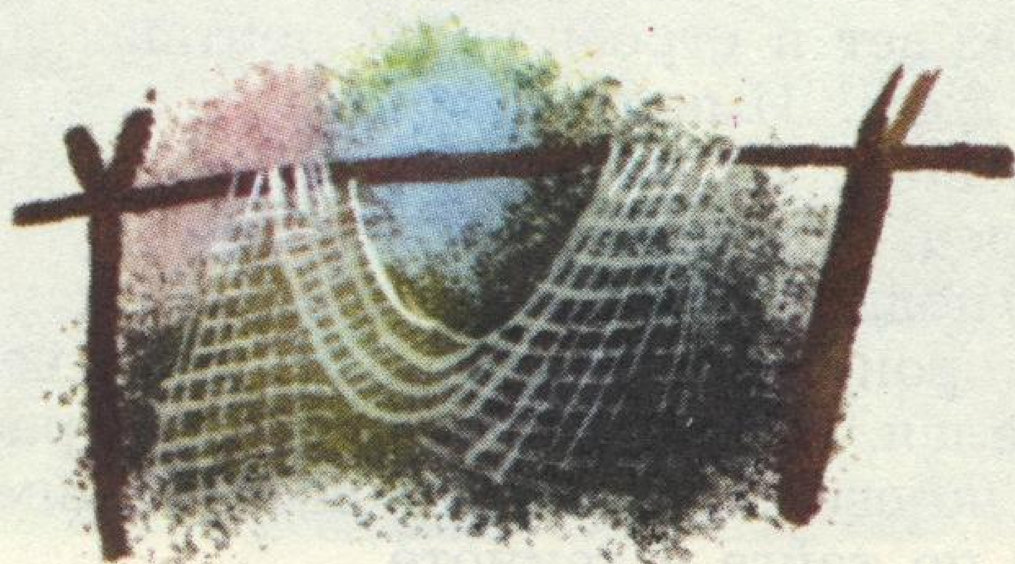
Немцы. Надо думать сейчас только о них. Сколько их здесь! Они, пожалуй, считают, что он не знает об их присутствии здесь. И наверняка наблюдают за ним. Но постоянного поста, видимо, нет. Иначе этот волк со своим спутником не пришел бы сюда ночью. Волки очень чуткие и осторожные животные. Значит, немцы периодически наведываются сюда. Они не могут оставить его и его дом без наблюдения. Ведь он может обнаружить их. Тогда они не дадут ему уйти. Убьют сразу. Они и так ему не дадут уйти. Он в относительной безопасности, пока спокойно ходит по тайге, живет и делает вид, что не знает о них. Он им сам не нужен, конечно. Невелика персона.

И тут старик Лихарев подумал о своих собаках. Что бы он делал без них, без их неусыпной чуткости? Они и немцам мешают наблюдать за ним. Наверняка мешают. Значит, их могут постараться убрать. Может быть, отравить. Но его лайки не берут никакой еды без его приказа или разрешения. Отравить их нельзя. А стрелять немцы, пожалуй, не будут — море рядом. Выстрелы могут услышать на патрульном корабле. Стрелять они будут только в крайнем случае.

Но сколько же он может здесь, в избе, отсиживаться? Случилось так, что фронт сам пришел к нему. И хотя его, старика, не взяли на войну, он будет воевать. Его пуля летит без промаха.

Старик Лихарев встал и несколько раз прошелся взад-вперед по своей комнате. Он разволновался. Хотелось действовать, что-то делать, но он не знал, с чего начать борьбу с этими опытными и беспощадными врагами. Зная обстоятельность немцев еще по первой мировой войне, он понимал, что, если они пришли сюда, в тайгу, значит, хорошо подготовились. И в следах разбираются, и тайгу знают, и вооружены самым лучшим образом. Вот даже ботинки с шипами. Это как раз очень похоже на немцев. Если бы были просто сапоги, он бы не мог знать, чей это след, а тут — все ясно, даже нет никаких сомнений.

С чего же начать? Он сел, стараясь успокоиться. Для чего они здесь? Что они ищут в глухой тайге! Может быть, случайно, с потопленного корабля доплыли на шлюпке до берега? Нет. Откуда тогда такое умение скрывать следы и бесшумно, незаметно двигаться по тайге? Да и специальная обувь... Нет. Это подготовленные именно для тайги разведчики. Но что им надо здесь, в глуши? Этого ему не узнать... Может, что-то связано с морем, ведь их следы уходят на побережье?.. Пожалуй, там, на берегу, они и нашли его след, у лодки или

у барсучьих нор. По следу и разыскали дом. Проверили, кто такой приходил к морю. Вот оно что... Пожалуй, что так... Но зачем они здесь? Нет, этого, конечно, не узнать... Он ведь не знает нынешней войны. Устарел... Он подумал об этом с грустью. Но он еще солдат своей земли. Старик сжал, стиснул зубы. Надо пойти по следу немца, поискать их логово. Только очень осторожно. Они тоже следопыты, раз уж разыскали его дом. Да и свои следы умеют прятать.

Лайки помогут разыскать их базу. Помор и Белка умеют бесшумно подкрадываться, выслеживать, неслышно и незаметно ходят по тайге. Они приучены в лесу сторониться людей. И если найдут немецкую землянку, а это наверняка землянка, то обнюхают и тотчас вернутся к хозяину. Он их обучил осторожности.

Сколько же немцев? Один, два или, может, целый взвод? Тогда ему, Лихареву, конец, если их много... Но и пожил немало. Надо уметь и умереть с честью. Старик задумчиво улыбнулся.

Снова сел, потрепал по голове лежащего рядом Помора, тот завилял хвостом и лизнул руку хозяина.

Время уже приближалось к полудню. Было слышно, как за окном шумит тайга. С моря дул свежий ветер. На плите уже кипел чайник и поспевала похлебка. Надо было покормить собак, да и самому поесть. С вечера ничего не ел, не хотелось... А поесть надо. Да и пора уже начинать войну с этими... Нечего дожидаться у моря погоды. А погода сегодня как раз самая благоприятная: ветер скрывает все шорохи в лесу. Легче будет подобраться к ним, к этим гадам ползучим.

14. Невидимая нить

Игнат и Хромой бесшумно и быстро двигались к побережью и еще до рассвета пришли к одинокому лесному дому. Обошли его вокруг по тайге, не приближаясь, шагов за двести — триста. И вдруг Хромой настороженно замер и едва слышным урчанием позвал Игната. Несколько бесшумных прыжков, и юноша уже стоял рядом с волком, разглядывая след, который серый брат тщательно нюхал. Тьма не мешала им обоим. Собачьих следов рядом не было, и по этому, и по поведению волка, и по некоторым другим, заметным ему мелочам Игнат сообразил, что это след совсем не того, кто живет в строении из мертвых деревьев, в лесном доме. Именно сейчас он почувствовал особую тревогу, сжавшую вдруг его сердце. Это был тот след, который таил в себе беду.

Хромой поднял морду вверх, прошелся вперед, назад, в сторону, вернулся. Верхним чутьем поиск не получался. Верхний запах уже рассеялся. След был не свежий — вчерашний. Видимо, люди не ходили по тайге в темноте.

Волк вернулся к Игнату и замер, глядя на него.

— Пойдем, Хромой, надо искать, ищи его,— шепнул он зверю, и тот, уткнувшись носом в невидимый след, заспешил по тайге в сторону побережья.

Прошло немного времени, и они вышли почти к самому берегу,— уже хорошо слышался гул прибоя. След повернулся к некрутому лесистому холму, и Хромой замедлил шаг и лег. Юноша лег в нескольких шагах от него. Затем волк пополз медленно и совершенно беззвучно. Игнат отставал на четыре-пять шагов.

Продвинувшись немного по склону вверх, Хромой замер и обернулся к Игнату, взглядом подзывая его. Тот приблизился вплотную. Волк обнюхивал тонкую, едва заметную нитку, вроде жилы, только намного тоньше. Это была контрольная проволочка, прикосновение к которой предупреждало немцев об опасности зуммером, который звучал в рации. Но ни зверь, ни человек не прикоснулись к контрольке, соблюдая извечный волчий закон осторожности. Игнат даже после сигнала Хромого не сразу заметил эту жилку, настолько она была тонка. Но он учуял ее специфический запах. Медная проволочка была покрыта темным лаком, скрывающим ее блеск. Но лак имел запах, и достаточно сильный. Запаху немцы не придавали значения, ведь меры безопасности принимались против людей, а не против волков. Для людей эта крашеная медная нить практически была невидимой.

Юноша осмотрел и обнюхал жилку. Зверь тоже нюхал и ждал, вслушиваясь в тишину ночи. Внизу, невдалеке, шуршал, вздыхал и слегка гудел морской прибой. Волны, накатываясь на берег, всхлипывали. Они, эти волны, иногда казались Игнату живыми...

Он наклонился к серому брату и шепнул едва слышно:

— Идем вперед.

Оба осторожно перешагнули через проволоку и поползли дальше в том же порядке: Хромой — впереди, юноша — за ним. Через некоторое время волк снова затаился, и Игнат, подобравшийся к нему, услышал в пятнадцати шагах ближе к вершине холма человеческую речь. Он не понимал слов — они были незнакомы ему. Он лежал, вслушиваясь в непонятную гортанную речь, и вдруг почувствовал сильное волнение. Неизъяснимая тревога, все время бродившая в нем, внезапно усилилась, она словно пронзила его мозг. Ему вдруг стало казаться, что он уже слышал такие или подобные им слова, эти гортанные, лающие звуки будто врезались в его лоб, темя, отдаваясь острой болью в висках.

Разговор был совсем негромким, едва слышным для обычного человеческого уха, но оба — и волк, и юноша — хорошо слышали его. Внезапно на фоне этих непонятных слов в памяти Игната снова возникло пламя. Его алый и призрачный свет опять заполыхал в мозгу юноши. Высокий и тревожный призрак огня пылал, заслоняя все вокруг, и Игнат видел мечущиеся фигуры, темные и непонятные, и слышал гортанную и теперь уже — он понял это — ненавистную ему речь.

Но вот в логове людей разговор смолк, и призрак пламени, видéние в мозгу тотчас исчезло. Игнат вытер холодный пот, омочивший ему лицо, виски, шею...

— Идем назад,— шепнул он серому брату, и они оба поползли вниз по склону, перешагнули жилку и двинулись в глубь тайги.

В море появились блики первых, отраженных водой, светлых полос неба — приближался рассвет.

15. На подступах к логову

Еще накануне этой ночи, описанной в предыдущей главе, сразу после полудня старик Лихарев пошел на побережье искать немцев.

Двигаться решил, не особенно скрываясь, хотя и не шумно, чтобы лишний раз не привлечь их внимания. А специально прятаться не надо, потому что если немцы обнаружат его — а у них наверняка есть где-то наблюдатель,— пусть думают, что он ходит по своим лесным, охотничьим делам.

Взял карабин, патроны. Потом поставил карабин к стенке и в раздумье прошелся по избе. Нет, так не годится. Немцы тоже не дураки. Чего ему

шастать по берегу моря, что ему, тайги мало для охоты? Спустился в сарай через задний ход, обошел висящие на жердях сети. Да, сетку надо взять. Хотя бы одну. И поставить ее недалеко от берега.

Снял одну из сетей с жерди, уложил в рюкзак, поднялся в комнату. Когда вышел из дома и уже двинулся к побережью, насторожился. Обе собаки стали проявлять беспокойство. Они тревожно замирали, глядя всё в одну сторону. Помор даже негромко зарычал, но вскоре смолк. Старик понял, что кто-то наблюдает за ним, пожалуй, издалека. Иначе собаки бы рычали и щетинились. И это не волк... На волка лайки реагируют не так сдержанно и более опасливо. Тогда кто же? Немцы. Другого ответа на этот вопрос не было. Метров за сто сидит или лежит в кустах фашист и держит его, старика Лихарева, на мушке своего автомата или винтовки. Ну и что ж? Он готов ко всему. На то она и война, чтобы жизнью рисковать. Весь народ воюет.

Иван Васильевич продолжал шагать к побережью.

Лайки сперва пытались рвануться в кусты, туда, где была причина их беспокойства, но он не позволил. Окликнул и приказал идти рядом. Потом пустил впереди себя.

Море слегка играло волной, выбрасывая на берег пену и добродушно шипя. Можно было ставить сети.

Он легко спустил лодку на воду, предварительно перевернув ее привычным движением и уложив на поёлы[1] сеть. Под лодкой была и рогатина для пуска сети. Отплыв на глубину, положил под себя рогатину и, прижимая ее, стал через ее вилку выпускать сеть за борт, разворачивая грузилами к корме. И все время внимательно наблюдал за берегом. Ничего не обнаружил. Когда шел сюда, сначала находил приметы, по которым определил путь немца к своему дому и обратно. Но вблизи побережья примет не нашел. Все следы исчезли. Пуская сеть — поплавок за поплавком,— Лихарев оглядывал берег. Он чувствовал, что за ним наблюдают. Где ж он, наблюдатель-то? Вдоль моря по берегу идут высотки, холмы — скальные, лесистые, довольно высокие. Оттуда видно весь берег и ближайшую тайгу. На одном из холмов наверняка и сидит фашистский наблюдатель.

Так ничего и не обнаружив, причалил к берегу. Ощущение, что за ним следят, усилилось. Ему даже казалось, будто он затылком и спиной чувствует чужой и недобрый взгляд. Воротом вытащил лодку. Старый деревянный ворот — короткое вертикальное бревно с длинной рукояткой-рычагом, установленное в деревянном же гнезде,— крутился с трудом, со скрипом, потому что им редко пользовались.

Старик нечасто спускал лодку, хотя смолил и поправлял ее регулярно. Так, на всякий случай. Вот случай и пришел.

Двинулся по направлению к дому. Однако, едва углубившись в тайгу, нашел уже известные ему следы немца, подождал, затаившись за кустами, не идут ли следом за ним. Затем пошел обратно, осторожно, неслышно, пустив собак впереди себя по следу врага.

Лайки, пробираясь между деревьев и камней, привели старика к подножию отлогого холма. Здесь кусты кончались, и дальше надо было идти среди редких старых деревьев. Правда, здесь и там лежали обомшелые валуны, за ними можно было, конечно, спрятаться. Охотник коротким птичьим свистом вернул собак и залег в густых можжевеловых зарослях.

Снял с плеча карабин, передернул затвор. Собаки лежали здесь же, притаившись. Теперь можно было достать бинокль. Он извлек его из-за пазухи теплой куртки — бинокль висел на ремешке на шее — и стал всматриваться в скальные выступы, уступы, валуны и деревья.

Было почти тихо, только слабый ветер шелестел, проходя волнами по лесу, да негромко и устало вздыхало море.

И вдруг где-то в стороне неподалеку раздался шорох. Собаки насторожились, и старик строго шепнул им:

— Лежать! — И добавил: — Тихо...

Из кустов метрах в пятидесяти от Лихарева вышел человек. Шел он быстро и почти неслышно, мягко ступая ботинками по едва заметной звериной тропке. Он был одет в пятнистую серо-зеленую маскировочного цвета одежду — куртку и брюки, заправленные в ботинки. На голове у него был такого же цвета серо-зеленый берет, на шее висел бинокль, на поясе — нож, кобура с пистолетом, за спиной короткий немецкий автомат. Старик Лихарев видел такое оружие в Архангельске прошлой весной, ему показывали трофейное оружие.

Было ясно, что это и есть немецкий разведчик. Сколько же их здесь? Собаки лежали, как напруженные. Иван Васильевич быстро опустил ладони на загривки лайкам, властно прижал их и снова прошептал:

— Лежать! Тихо!

Они подчинились, все понимая, но волновались.

Немец быстро поднялся на холм и скрылся за деревьями.

Значит, здесь и есть их землянка, где-то на склоне или на вершине этого холма. Там же, наверху, пожалуй, и наблюдатель устроился.

Старик Лихарев лежал, не шевелясь, пытаясь разглядеть или угадать, где же находится убежище врагов. Теперь он знал направление, куда ушел немец, знал холм, где вероятнее всего устроились враги, точно знал, что такое убежище есть здесь поблизости и он находится уже на подступах к логову фашистов, расположенному на его родном берегу.

[1] Настил из досок (полы) в лодке.

16. Слежка

— Герр штурмфюрер!

— Да.

— Докладывает ефрейтор Фогель об утреннем наблюдении за стариком-охотником! Разрешите доложить?

— Да.

— В тринадцать двадцать четыре он вышел вместе с собаками из дома. С собой нес большой рюкзак и карабин. Я предположил, что он собирается в дальнюю тайгу, совсем покидает дом, и, согласно вашей инструкции, решил его ликвидировать. Стал выбирать удобный момент. Поскольку стрелять запрещено, я решил действовать ножом. Бросить нож наверняка я могу с двадцати метров, но на это расстояние подойти мешали собаки. Я решил, когда они уйдут вперед,— он всегда пускает их вперед,— тогда я сзади и подберусь...

— Короче!

— Так точно, штурмфюрер! Но когда я понял, что он идет не в глубь тайги, а к побережью, я решил подождать с ликвидацией...

Фогель на секунду смолк, ожидая реакции штурмфюрера: правильно ли он поступил, отложив ликвидацию. Но лицо начальника зондеркоманды оставалось невозмутимым. Стараясь вытянуться перед штурмфюрером, хотя в сидячем положении это было не очень эффектно, а встать в землянке было негде, ефрейтор продолжал:

— И я следил за ним до самого берега. Даже когда он вошел в зону вашего наблюдения, штурмфюрер, я все равно, выбравшись на берег в пятидесяти метрах левее его, продолжал наблюдать. В рюкзаке оказалась сеть. Он установил ее в море. В пятнадцать сорок семь он закончил вытаскивать лодку на берег и отправился домой. Я следил за ним, пока он не углубился в тайгу и не удалился. После этого я поспешил с докладом к вам, штурмфюрер!

— Да. Я знаю,— буркнул Крюгер и добавил, чтоб было понятно, что он имеет в виду: — Я видел, как он поставил сеть и ушел обратно в тайгу. Он пока еще не знает о нас, если спокойно ставит сети. Наблюдай за ним ежедневно. А теперь иди, отдыхай.

— Яволь, штурмфюрер!

Фогель пролез на свою лежанку, завернулся в меховую куртку и сразу же заснул.

Радист находился наверху, на посту наблюдения. Крюгер молча сидел в темной землянке. Метрах в пяти от него в небольшое отверстие, оставленное для воздуха, пробивался скудный луч света. Все выходы были завешены специальными шторками, окрашенными снаружи под цвет местности.

Крюгер сидел, не зажигая света, почти в полной темноте. Он думал об этом охотнике-одиночке. Хлопот охотник доставляет немало. Сколько на него тратится нужного времени! Его они, конечно, все равно уберут, даже если он и не обнаружит их присутствия на побережье. Ликвидируют, когда получат приказ о радиопеленге. Уничтожение каждого русского, не стоящего на коленях,— полезно для великого дела фюрера. Крюгер довольно улыбнулся своей мысли. Это придумал он сам. А может, и прочитал где-то когда-то. Это неважно. Важно, что он здесь и что он выполнит свой долг перед нацией и фюрером.

А шифровки с приказом все еще нет. Уже пошла вторая неделя, как он дожидается этого приказа, но пока безрезультатно. Видимо, что-то изменилось в общей боевой обстановке в этом районе. Вчера радиограмма была, но она продублировала предыдущую, которую получили в ответ на запрос Крюгера несколько дней назад: «Наблюдайте и ждите приказа».

Ему уже осточертел этот пустынный берег, где от каждого камня веет враждебностью. Запас продовольствия больше чем наполовину израсходован.

Крюгер становился все мрачнее, и чувство опасности не покидало его.

Тревожило все: и то, что погода стоит ветреная, и то, что по ночам сначала выли волки, и то, что теперь они не воют. Его беспокоило появление этого охотника, и то, что его опасно пока ликвидировать, и то, что он шляется на берег и ставит сети. Но не ликвидировать его тоже опасно.

Крюгер очень внимательно присматривался к двум своим подчиненным. С одной стороны, он хотел выяснить, все ли строго они выполняют, потому что члены такой разведгруппы обязаны идеально выполнять приказы, недаром они окончили спецшколу и уже не один год воевали в разведке. Но, проверяя их и пристально к ним присматриваясь, он в глубине души хотел, надеялся обнаружить в солдатах тот же тайный страх, который преследовал его, страх перед этой суровой и мрачной чужой землей, так непохожей на землю фатерлянда. Эта земля, конечно, хуже Германии, потому-то и живут здесь эти недочеловеки, но откуда у них такая стойкость и сила? Этот вопрос уже давно не давал ему покоя, потому что ответа на него Крюгер не находил. А что стойкость и сила есть, это уже стало ясным.

Наблюдая за солдатами, он не замечал в них этого страха. Они оба, конечно, скрывают от него свои чувства, потому что понимают, чем грозит хоть малейшее недовольство или страх, проявленный в разведке, но он все-таки надеялся заметить в их глазах, поведении то же беспокойство, которое есть у него. И его тревожило, что ему не удавалось заметить это.

Он встал, осторожно выбрался из землянки на свой наблюдательный пункт. Метрах в сорока от него в камнях лежал радист и наблюдал за местностью. Первое, что сделал Крюгер, взяв бинокль,— осмотрел наблюдательную позицию дежурного солдата. Метр за метром он обследовал через оптику камни и кусты там, где лежал радист, но признаков присутствия солдата не обнаружил. Это его немного успокоило. Он знал, что они стараются. Они также знают, что он скор на расправу и беспощаден, как истинный ариец.

Осмотрел берег, побережье. С моря дул холодный ветер, который срывал желтые листья с берез и осин, неприятно леденил щеки. Тайга слегка гудела под ветром. Все было спокойно.

17. Глаза дьявола

После возвращения с побережья Игнат весь день не мог спать. Ему снова и снова слышалась чужая гортанная речь. Резкие голоса чужих и — это было ясно — злых людей пронзали его мозг, и почти все время перед его мысленным взором метались чьи-то тени, извивалось призрачное пламя из скрытого от юноши прошлого.

Ему не спалось и на другой день после охоты, которую вместе с Хромым он успешно провел на исходе ночи.

Снова целый день сидел у слабого огня, теплящегося в кучке углей. Ему хотелось что-то сделать такое, что дало бы выход его энергии, силе, чувствам, бушевавшим в его душе. Но он не знал, что надо сделать, куда идти.

Теперь ему было известно и логово людей, говорящих на чужом языке, который пугал его.

Помнил он про жилище другого человека, который обитал там со своими собаками. И хотя не знал он, кто из них враг его серому брату, его лесу и ему самому, но чувствовал, что больше искать здесь некого, что то глубокое беспокойство, тягостная тревога, одолевавшая его, кроется где-то здесь, среди этих людей, в них самих, в их делах и заботах. И он интуитивно чувствовал опасность именно со стороны тех, чужеязыких людей, недаром они в отличие от человека с собаками поселились в тайге тайно, тщательно спрятав свое логово.

Конечно, все звери свое жилище прячут. Но человек с собаками ведь не спрятал! Он поставил свое жилище открыто, на виду у всех. Значит, люди не прячут свои логова. Себя-то Игнат считал волком...

Долго еще думал Игнат и никак не мог ответить на все эти вопросы. С наступлением сумерек все-таки вышел в лес и направился туда, к побережью, к подземному жилищу тех, чужеязыких. Хромой следовал за ним.

Была глухая ночь, когда они добрались до места. Осторожно перешли через контрольную проволочку и залегли в десяти шагах от земляного жилья. Юноша улегся в ямке за елью. Хромой — под густым кустом можжевельника, в десяти шагах от Игната.

Прошло совсем немного времени, как из-под земли, из норы выбрался человек и медленным шагом пошел к кусту, где залег волк. Он шел прямо на Хромого...

В ту ночь Крюгеру не спалось. С наступлением вечерних сумерек он снимал посты наблюдения, чтобы на рассвете выставить их опять. Час назад в условленное время радист снова слушал эфир, и снова радиограммы не было.

Штурмфюрер нервничал, никак не мог уснуть. Оба солдата отдыхали, спали чутким сном тренированных разведчиков. Он считал, что при такой малой группе ночной пост не нужен. Достаточно хорошо замаскировать блиндаж и на подходе к нему обязательно установить контрольную скрытую сигнализацию тревоги — проволочку в траве на высоте пятнадцати сантиметров от земли. Ни зверь, ни человек не пройдет мимо так, чтобы не задеть эту проволочку. Заметить ее, да еще в темноте, совершенно невозможно. Если к ней прикоснуться или оборвать, то сигнал тотчас прозвучит в блиндаже — система подключена к рации. А тот, кто оборвал проволоку, даже не заметит этого, потому что она тонкая и слабая.

Крюгер встал и вышел из блиндажа в темноту ночи. Вышел осторожно, чтобы не шуметь, подчиняясь своей привычке поведения в тылу противника. Он огляделся, различая во мгле неподалеку темный куст можжевельника. Крюгер хотел пройти мимо куста, но едва он успел сделать несколько шагов, как куст разделился надвое, какая-то темная масса отпрыгнула в сторону, и Крюгер буквально оцепенел: огромные желтые глаза сверлили его, прожигая огнем ненависти, злобное и грозное рычание словно ударило его по ушам. Откуда-то со стороны послышался в этот миг сонный испуганный крик разбуженной сойки...

Крюгер привычным движением рванул из кобуры парабеллум, но зверя уже не было, он исчез...

Штурмфюрер еще долго стоял с пистолетом в руке, вслушиваясь и всматриваясь в ночную мглу, но все было тихо. Тогда он вернулся в блиндаж и сел, потрясенный этим неожиданным видéнием. А может быть, это был волк? Нет, слишком уж огромные глаза — глаза дьявола! И беззвучное появление... Может быть, ему просто почудилось? Надо будет завтра осмотреть почву, может, остались следы... О, майн готт!.. Неужели еще и русские дьяволы охотятся за ним? Откуда и зачем он появился здесь, этот дьявол? А может, все-таки зверь?.. Пальцы Крюгера дрожали.

18. Тяжелый нож Фогеля

Уже третий день старик Лихарев обдумывал план борьбы с фашистскими разведчиками. Надо было придумать что-то, чтобы врага застать

врасплох, но ничего такого не придумывалось. Даже засаду в неожиданном месте не устроишь, потому что нельзя угадать, где и зачем они будут проходить в следующий раз.

Старик ходил по избе, думал и волновался. Потому что с каждым днем, с каждым потерянным часом уходила надежда помешать фашистам выполнить задание. А оно наверняка было важным и как-то связанным с морем. В этом Иван Васильевич не сомневался.

После долгих раздумий он в конце концов решил устроить засаду вблизи базы этих немцев, там, возле холма, где, видимо, и располагается их землянка.

Идти надо затемно. В своем лесу он и ночью найдет дорогу. Ночью они не следят за его домом и наверняка не шастают по тайге. Вот сегодня ночью, за час до рассвета, и надо идти. А как рассветет, они обязательно выйдут из своего убежища. Тут он их и перещелкает.

Он немало слышал о зверствах немцев, хотя сам и не был участником этой, второй войны с Германией. Но в Архангельске слышал такое, отчего кровь стыла в жилах. Ну что ж... Он хоть немного, но заплатит им...

Пошел во двор за дровами — запасы кончались. Взял карабин и корзинку для дров. Собаки выскользнули, едва он отворил наружную дверь. Пошел к дровянику и, только обернувшись назад, заметил, как Белка, рыча, кинулась к ближайшим кустам ивняка. Помор бежал следом.

Старик Лихарев резко и сердито крикнул:

— Назад!

Но Белка уже скрылась за кустами.

— Назад, Помор! Назад, Белка! — еще более резко и зло крикнул он, и Помор остановился.

— Ко мне!

Собака неохотно пошла к дому. Посадив Помора на цепь, старик стал звать Белку, но она не появлялась. Все было тихо.

Старик оставил корзину, освободил Помора от цепи и, шепнув ему: «Иди рядом!» — осторожно стал двигаться вдоль стены своего дома к кустам с другой стороны. Карабин держал на изготовку.

Вместе с Помором обошел все кусты ивняка и не нашел ни Белки, ни следов ее или чьих-нибудь других. Да найти их там было и нельзя — высокая, негустая, уже пожухлая трава скрывала следы..

Но вот Помор замер, уткнувшись носом в землю, и вдруг заскулил...

Старик быстро подошел к собаке и склонился над землей. На желтой траве ему удалось разглядеть несколько небольших пятнышек крови. Это была кровь Белки, потому и заскулил Помор... Прощай, Белочка... Кто же это сделал? Волки? Но она не пошла бы одна так смело на волка. Не бешеная ведь. Умная была собака. Значит, фа-

шист. Они ведь знают, что собаки — это и уши, и глаза, и чутье его, старика Лихарева. Вот и убрали одну. Прощай, Белочка... Но как же без выстрела? Умеют, сволочи. Уж как-то сумели... Собачка ведь не человек, ее и обмануть можно. Да и человека можно... Вот беда. Ну что ж... Надо теперь вдвойне беречь Помора. Ни на шаг не выпускать из виду. Он — пес послушный, без разрешения никуда не убежит.

Ровно через сорок минут после этих событий Фогель подполз к штурмфюреру, наблюдавшему в бинокль за побережьем.

— Ефрейтор Фогель, штурмфюрер, разрешите доложить?

— Да.

— Удалось убрать одну из собак охотника.

— Докладывай.

— Я наблюдал за его домом, когда он вышел за дровами, и одна из собак, рыча, бросилась ко мне. Я кинул в нее нож, когда она делала поворот по моему следу. Я специально так прошел, чтобы она повернулась боком в пятнадцати метрах от меня. Нож тяжелый, и я убил ее сразу.

— Следы убрал?

— Так точно, штурмфюрер. Труп собаки унес с собой и закопал в тайге.

— Что охотник?

— Он искал собаку, долго звал ее, потом со вторым псом ушел в дом.

— Хорошо.

Ефрейтор ждал, что еще скажет начальник, но тот молчал. Он думал о том, что приходится возиться с какими-то паршивыми собаками, с этим стариком вместо того, чтобы срезать их всех одной очередью из «шмайссера».

Ефрейтор попросил разрешения уйти, и Крюгер кивком головы отпустил его.

19. Два выстрела

Старик Лихарев залег в густых можжевеловых кустах. Выбрал место, где перед ним лежал полуметровый валун, на который удобно было опереть карабин во время стрельбы. Помор лежал рядом с ним на животе, положив голову на передние лапы.

Засаду старик устроил подальше того места, где в прошлый раз видел немца. Расположился метрах в пятидесяти от подножия холма. Подальше — обзор больше, да и его самого обнаружить труднее. А стрелять ему что с полста, что с сотни метров — одна малина, не ружье ведь, а карабин. Далеко бьет и точно. Тут промаха быть не может, дело-то привычное. Правда, после той, давней войны, первой мировой, на человека оружие не поднимал... Но то на человека. А эти разве люди? Одно слово — фашисты. Они и нас тоже за людей не считают. Потому как сами давно перестали быть людьми.

Осторожно оттянул затвор, проверил, есть ли патрон в патроннике. Тут уж холостого щелчка быть не должно. Запер затвор. Все это сделал не спеша, чтоб громко не звякнуть. Хотя море немного шумело, да и ветер шуршал по тайге, скрывая негромкие звуки, но старик все равно поостерегся.

Совершенно незаметно стало светать. Темное небо как-то вдруг сразу посерело, и светлые утренние сумерки поползли в тайгу, оттесняя мглу в глухие овраги и пади.

Шороха он не услышал, но увидел, как с холма бесшумно спускается темная человеческая фигура. Немец шел совсем не там, где старик видел фашиста в прошлый раз. Он спускался теперь метров на сорок левее того места. Но потому охотник и отодвинул свою засаду, расположился подальше, чтобы видеть весь склон холма.

Уже почти совсем рассвело и стало хорошо видно мушку и целик. Старик приложился к оружию, прицелился и плавно нажал спуск. Немец рухнул, как подкошенный. Винтовочный выстрел резким трескучим звуком распорол утреннюю тишину побережья, и гулкое эхо покатилось по прибрежным холмам и заглохло где-то в елках.

Иван Васильевич понимал, что фашист-разведчик упадет, даже если ранен или вообще невредим, и он не верил этому падению. Он верил себе — немец этот убит.

Передернул затвор и несколько минут ждал, но никакого движения не было. Только шуршал по берегу прибой, да ветер шелестел в тайге. Помор хотел было вскочить после выстрела, дернулся, но охотник придержал его и приказал лежать. Прошло еще минут десять. И вдруг старик подумал, что у немецкой землянки наверняка есть выход на другую сторону холма. И фашисты не пойдут туда, где уже подстрелили одного из них. Значит, ему надо срочно менять позицию, немцы могут найти его, подобравшись с тыла. Ведь они сумеют приблизительно определить, откуда стреляли. Но он упустил время и понял это только сейчас...

Внезапно Помор дернулся, и сразу же старик услышал сзади какой-то шорох. Он резко повернулся: в двадцати метрах от него, немного пригнувшись, стоял немец, точно так же одетый, как тот, которого он видел вчера, и такой же крупный и высокий. Рука немца была занесена над головой, как бы для броска...

Иван Васильевич вскинул карабин, и одновременно немецкий разведчик метнул нож. В долю секунды старый охотник успел поймать на мушку прицела голову противника и нажать спусковой крючок. Громыхнул выстрел... И в тот же миг тяжелый короткий кинжал, изготовленный специально для бросания, по рукоятку вошел в грудь охотника, но он, превозмогая острую боль, колющую и разрывающую грудь, увидел, разглядел через пелену смертного тумана, что выстрел сделан точно, и только после этого выронил карабин и провалился в бездонную черную мглу. Старик Лихарев, бивший влет не только из ружья, но даже из карабина куропатку, рябчика, не промахнулся. Пуля попала Фогелю в лоб.

Охотник полусидел, откинувшись спиной на серый обомшелый валун, и его широко раскрытые глаза смотрели в глубь тайги, словно он хотел навеки запомнить родные деревья и скалы, будто он желал убедиться, что больше не видно в его родных лесах чужеземных завоевателей. Вязаная шапочка упала с головы охотника, обнажив седые длинные волосы. А рядом с ним стоял Помор, ошалело поджав хвост, и преданно лизал шершавые ладони хозяина. Седая, коротко стриженная борода старика Лихарева чуть шевелилась от ветра, и Помору казалось, будто хозяин что-то хочет сказать ему...

Услышав второй выстрел и не дождавшись возвращения ефрейтора, Крюгер сам двинулся на

поиск. Осторожно обогнул холм и со стороны леса подошел к месту схватки. Уже издали он понял все. Некоторое время стоял, затаившись за деревом. Нет, катера или корабля поблизости не было, никто не слышал выстрелов. Не останавливаясь, глянул на труп Фогеля, прошел к полусидящему мертвому старику-охотнику, и вдруг из-за камня со злобным рычанием на него кинулся охотничий пес.

Быстро и сильно Крюгер ударил собаку тяжелым ботинком по челюсти снизу, и пес, всхрапнув, перевернулся в воздухе и замертво рухнул на землю.

Крюгер прислушался, все вокруг было как будто спокойно. Извлек кинжал из мертвого тела, обтер об одежду охотника, убрал к себе за ремень. Взял все оружие — у Фогеля и старика. Теперь он остался один. Надо было спрятать тела и следы.

Солдат он снес и свалил в скальную расщелину, забросал еловыми ветками. Сверху было впечатление, что ураган когда-то навалил туда лапника.

Охотника и его собаку — Помора, который лежал, как мертвый,— стянул в неглубокую яму

здесь же рядом и тоже забросал сломанными ветками и опавшими листьями.

Проделав все это, он улегся на свой наблюдательный пост, внимательно обозревая местность. Ничего подозрительного не обнаружил. Снова беспокойные мысли одолели его. Да, этот охотник чуть было не убил его самого. Если бы первым вышел на рассвете не радист, а он, то сейчас бы он лежал в расщелине скалы с простреленным черепом. Ну и стрелял этот русский! Обоих солдат убил выстрелом в голову! Это бог спас его, Крюгера, бог отвел от него пулю охотника. Не надо было, пожалуй, с ним церемониться! Излишняя осторожность привела к неприятностям. А почему это неприятности? Сам Крюгер выполнит задание не хуже, чем с помощью солдат. Зато за работу в трудных условиях, когда в борьбе с русской контрразведкой погибли оба солдата — а именно так он и доложит, его наградят Железным Крестом... Так что, может, это все и к лучшему?.. Нет, Крюгер не радовался потере солдат. Размышляя так, он как бы утешал самого себя, понимая, что допустил промах...

Наступало контрольное время в эфире, он спустился в блиндаж, включил приемник и стал слушать эфир. По истечении условного времени выключил приемник. Радиограммы не было. Он снова поднялся на вершину холма, на наблюдательный пост. Предварительно проверил контрольную проволочку. Она была нетронута. Сигнализация оставалась включенной и днем. С наблюдательного пункта, который был устроен почти сразу же здесь, над блиндажом, сигнал-зуммер был слышен, если бы прозвучал.

Через час наступало время, когда ему было разрешено при необходимости вызывать базу. Надо было доложить о гибели помощников, а он еще не решил, как лучше это сделать. Ведь если прямо сообщить о нападении русских, то командование может отменить высадку десанта, предполагая, что русские могли разгадать смысл операции, раз уж они засекли радиопост. И он решил послать короткую шифровку: «Из-за случайности вышли из строя оба солдата. Задание выполню сам. Тридцать седьмой». Это был его личный шифр.

Еще через два часа в условленное время пришла радиограмма. Открыв блокнот с шифром, он прочитал ее: «Еще раз подтвердите готовность». Он подтвердил и выключил рацию.

20. Подземное жилище

Обо всем, что произошло на побережье, Игнат узнал следующей ночью. Беспокойство, возникшее в его душе в связи с появлением людей поблизости, все время не покидало его. Ему хотелось до конца узнать все, что касалось людей, особенно тех, которые жили в подземном логове на берегу. И после ночной охоты он отправился вместе с серым братом снова к тому подземному логову.

Пришли на побережье еще задолго до рассвета, но при подходе к месту, где они в прошлый раз слышали разговор людей, Хромой заволновался. Он и прежде там проявлял излишнюю нервозность, юноша тогда заметил это. И в момент, когда тот, чужой, человек чуть не наткнулся на куст, где прятался волк, Хромой готов был напасть на него, но Игнат вовремя остановил волка. Он крикнул ночным сонным голосом сойки, и зверь понял условный сигнал — приказ вожака. И потому сразу же скрылся во тьме.

А теперь волк настороженно останавливался при подходе к холму, долго нюхал воздух и почву, и Игнат понял, что здесь что-то произошло.

Неожиданно Хромой повернул в сторону, к большой елке, и юноша увидел то, что его очень удивило: в пяти шагах от волка встал небольшой зверь — собака... Юноша видел этого пса возле деревянного дома, когда наблюдал за человеком с бородой, жившим там вместе с двумя собаками. Игнат понял, что через миг Хромой убьет этого пса, и негромко сказал:

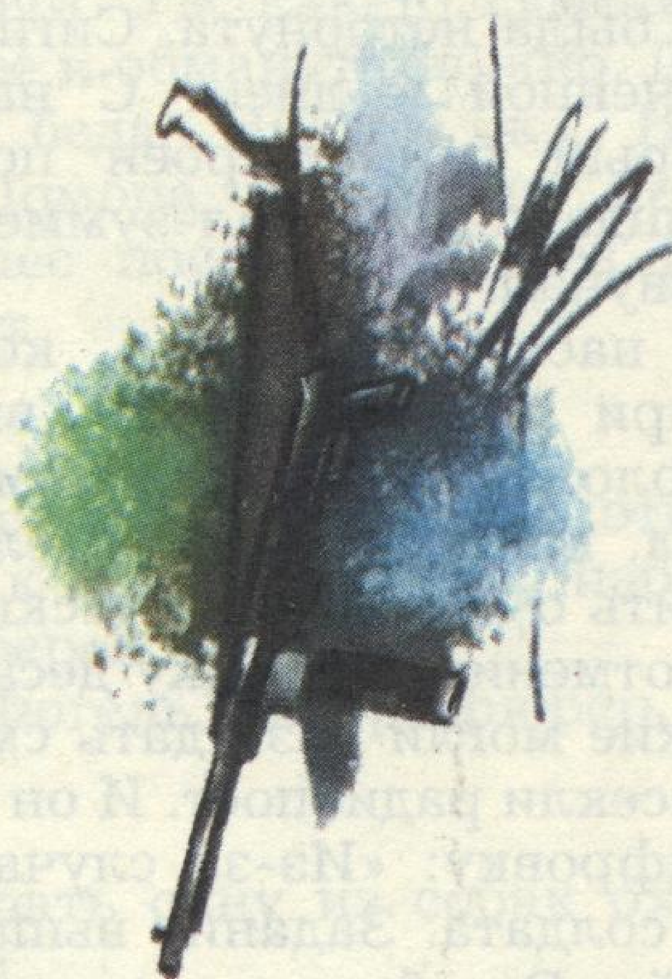
— Хромой, назад! Не трогай его.

Серый брат понял, недовольно зарычал, но отошел в сторону.

Игнат приблизился к собаке, которая издавала злобный рык и не подпускала пришельцев к неглубокой ямке, где что-то было спрятано и завалено ветвями и старой листвой.

Пес весь дрожал, шерсть его стояла дыбом, он чувствовал волчий запах и наверняка понимал, что он в смертельной опасности, он был готов погибнуть, но не уйти от своего хозяина, который лежал теперь в этой яме.

Видя такое ожесточенное отчаяние собаки, Иг-

нат позвал волка и двинулся дальше обследовать местность.

Через некоторое время Хромой отыскал расщелину, где лежали трупы двух немцев.

Игнат никак не мог понять, что же здесь произошло, но он чувствовал, что в смерти людей виновны тоже люди, те самые, которые живут в подземном логове. И стал догадываться, почему одинокая собака ночью охраняет яму и что лежит в этой яме...

Теперь в подземной пещере было тихо. Игнат и Хромой, осторожно перешагнув через проволочку, приблизились почти вплотную к логову.

Вход завешивала тряпка, но и через щель в полной темноте ничего не было видно. Однако и волк, и юноша ощущали, что там, внутри, кто-то есть.

Хромой улавливал свежий человеческий запах и слышал тихое дыхание человека.

Осторожно оба продвинулись к самому входу, и Хромой, поощряемый Игнатом, просунул под тряпку морду.

Крюгер спал беспокойным сном.

Он проснулся как будто от какого-то шороха с ощущением сильной тревоги и присутствия кого-то поблизости. Быстро левой рукой включил карманный фонарик, направленный туда, где ему послышался шорох, одновременно правой рукой выхватил пистолет. Когда вспыхнул свет фонаря, Крюгер вздрогнул, увидев в выходном отверстии между шторкой и стенкой огромную звериную, как будто бы волчью, морду. Он не успел вскинуть пистолет, как она исчезла. Никакой волк не всунет морду в жилище человека. И потом, контролька, он бы наверняка ее задел. Это, без сомнения, дьявол! Лесной дьявол этой страшной земли! Штурмфюрера стало трясти, как в лихорадке, у него застучали зубы. Это продолжалось несколько секунд, потом он усилием воли заставил себя успокоиться,— тренированный организм разведчика подчинился. Крюгер достал носовой платок, обтер пот, выступивший на лбу. Ему вспомнилась кирха там, в Берлине, почти рядом с домом, и он немного успокоился. «С нами бог!» — говорил фюрер. И бог не оставит его здесь, в этой тайге.

Некоторое время он сидел не шевелясь. И вдруг... Словно лавина хлынула, понеслась в его мозгу! Вся тревога, все безотчетное беспокойство, даже страх, в котором он и сам себе не признавался,— все это слилось в единую волну злобы, свирепости. Хотя злоба, пожалуй,— единственное чувство, которого у Крюгера и так было в избытке. Но теперь он сжал зубы и страха больше не испытывал. Он только ненавидел и эти скалы, и море, и этого лесного дьявола... Он выяснит, кто это — дьявол, человек или зверь, и пристрелит его, как паршивую собаку. А потом выполнит свое задание, как образцовый солдат фюрера.

Осторожно, держа в руке парабеллум, выглянул из блиндажа. Вокруг царила глубокая мгла. Выбрался на свой наблюдательный пункт, огляделся. Не видно ничего. Мгла осенней ночи плотно заполняла все пространство вокруг.

Он вынул свой сильный карманный фонарик. Никогда прежде он не нарушил бы законы разведки, где запрещено в таких случаях пользоваться фонарем.

Но сейчас... он должен выяснить все до конца. Ненависть бушевала в нем.

Ему показалось, что он слышит какой-то едва заметный шорох метрах в тридцати по склону вправо,— там темнеют как будто кусты. Он направил туда фонарик и резко включил его.

Луч вспыхнул, уперся в густой куст, и между ветками Крюгер отчетливо увидел голову, лицо человека. Только мгновение он видел это лицо и не успел выстрелить. Едва фонарь зажегся, как лицо исчезло. Оно было необычным — гладкое, молодое. Как будто женское или лицо юноши. Штурмфюрер разглядел за эти короткие мгновения длинные волосы и горящие глаза...

Он выключил фонарь, перебрался на другое место, прислушался. Кругом было тихо. Даже ветер смолк на побережье, только чуть слышно шелестело о берег море.

Еще минут пять он слушал тишину леса, пытался увидеть что-то во мгле. Ничего не увидел. Но не было также патрульных кораблей русских. И тогда, как только он снова уловил едва заметный шорох в кустах уже в другом направлении, он снова включил фонарик. В луче электрического света желтым огнем сверкнули звериные глаза, и он отчетливо различил в кустах крупную звериную голову, похожую на волчью. Он выстрелил дважды, но голова скрылась в зарослях как будто за мгновение до первого выстрела. Он выключил фонарик...

Долго лежал в каком-то тяжелом оцепенении, судорожно сжимая в руке парабеллум, из которого умел стрелять без промаха. Лежал, не шевелясь и уже не включая фонаря долго, час или, может, два часа, пока не забрезжил серый осенний рассвет.

21. Последняя шифровка

Вернувшись в пещеру, Игнат и Хромой целый день спали, будто после тяжелой и долгой охоты. Однако и на этот раз юноша неоднократно просыпался, подходил к бочке, где в воде лежали ягоды, и пил кислую розовую воду. Один раз в середине дня раздул огонь и некоторое время сидел возле алых угольев, пристально вглядываясь в их мерцание, в трепет синих и красных язычков пламени.

С наступлением сумерек он встал и снова вместе с Хромым двинулся к побережью.

По пути побывал возле одинокого дома, понаблюдал за ним, подходил вплотную и понял, что там никого нет. Он сообразил, что собака, которая в лесу сторожит яму, закиданную ветками, жила

именно в том доме, но где вторая собака и человек, он еще точно не знал, хотя уже начинал догадываться.

Снова среди ночи они подошли к блиндажу, аккуратно перешагнув через контрольную проволочку, и снова Игнат показал Хромому, чтобы тот сунул морду внутрь и разведал, что делает длинный человек.

Но сегодня волк оказался более быстр, чем в прошлый раз, и когда, ощутивший чье-то присутствие, этот длинный зажег свет в своем логове и одновременно выстрелил, головы Хромого уже не было в землянке. Крюгер увидел только колеблющуюся шторку...

Штурмфюрер выбрался из блиндажа и долго в темноте прислушивался. Никаких, даже малейших, шорохов не услышал. Только ветер шелестел в соснах, елях и осинах.

Спустился в блиндаж, осмотрел парабеллум, проверил маленький браунинг в потайном кармане, два ножа, спрятанных в разных местах одежды, гранату, которую тоже носил всегда с собой, еще раз проверил подключение контрольной проволочки и немного успокоился.

Выбрался наружу, на свой наблюдательный пункт, и снова стал прислушиваться к темноте. Шуршало море о прибрежные камни. Шелестел в тайге ветер.

Внезапно с моря послышался гул мотора, из-за мыса сверкнул луч прожектора и заскользил по берегу. Приближался русский патрульный корабль. Стиснув зубы, Крюгер с ненавистью смотрел на темный, сверкающий прожектором, строгий силуэт военного корабля, спокойный, уверенный рокот двигателей еще более разжигал его злобу.

Свет прожектора удалился, звук корабля ушел в ночь. Крюгер лежал и прислушивался. Потом встал в полный рост, стоял в темноте и слушал.

И вдруг уловил даже не шорох. Чутким ухом, обостренным чувством разведчика он уловил почти неслышное трепетание воздуха в кустах, неподалеку.

Вспыхнул фонарь, и снова дьявол, теперь уже в человеческом облике, возник перед ним в луче электрического света. Мгновенно штурмфюрер вскинул пистолет и выстрелил четыре раза подряд. Фонарь он выключил и стрелял уже в темноте. Она ему не мешала, он не мог промахнуться. Если это даже дьявол, то пуля Крюгера настигнет и его! Одна за другой пули пронзили можжевеловый куст и ушли в темноту.

Игнат был настороже, он ждал беды от этого длинного и, когда вспыхнул свет, молниеносно метнулся в сторону. Это спасло его от точных выстрелов фашиста.

22. Стрела с каменным наконечником

Вместе с Хромым Игнат уходил. Они возвращались в логово. И всю дорогу до места, и всю ночь, и весь последующий день в его ушах звучали эти почему-то знакомые, глухие и мощные, и пугающие выстрелы из парабеллума. Перед его глазами продолжал стоять этот длинный и тощий человек, озаренный желтыми вспышками пистолетных выстрелов. Это была такая до ужаса знакомая картина...

И вдруг снова призрак алого пламени запылал перед ним. Уже опять настала ночь, Игнат сидел в пещере возле красных угольев, но ни пещеры, ни угольев он не видел. Он видел бушующее, гудящее пламя, в котором горел дом. И в этой картине стали появляться люди. Он отчетливо слышал их речь, такую же гортанную, лающую, чужую, как у тех, что были в землянке на побережье. И он вдруг увидел все.

Рядом с пылающим домом стояли люди, его родные люди: мать, сестра, два брата. Потом зазвучали выстрелы. Он все вспомнил. Немцы расстреляли всех его родных, кроме отца, который в начале войны ушел на фронт. Это было под Ленинградом. Он вспомнил, снова увидел, как наяву, въезжающие в село мотоциклы с фашистами, пылающие дома и длинную фигуру немца с пистолетом в руке, точно такими же глухими и раскатистыми выстрелами убивающего детей, подростков, женщин. Он вспомнил все, даже свою фамилию. Вспомнил, как его ударили прикладом и, видимо, забыли о нем, думали, что убит. Он потом ночью ползал среди трупов, плакал, захлебывался от рыданий.

Вспомнил, как скитался по лесам, пробираясь на север по старому отцовскому компасу. Он слышал, что там есть глухая тайга, и это казалось ему спасением. Вспомнил, как взял карабин и патроны у убитого солдата возле какого-то моста после бомбежки... Вспомнил, как где-то на дороге незнакомая старуха с очень добрыми заплаканными глазами и распущенными седыми волосами подошла к нему, дала ему большой кусок черного хлеба и рюкзак, вещевой мешок, который был почти полон и завязан. Старая женщина говорила ему добрые слова, по ее темным, морщинистым щекам текли слезы.

Когда же он забыл все это?.. Еще в родной деревне, после удара по голове и сильного нервного потрясения, когда он поднялся ночью и пошел прочь от трупов и пожарища, он уже тогда плохо соображал, мысли путались в его голове. Почти всю дорогу, дальнюю и долгую, когда днем он брел, а ночью спал на траве, он находился в каком-то сумеречном состоянии, сознавая только, что позади него ужас, а впереди — покой и спасение. Это только сейчас он вдруг вспомнил все с удивительной ясностью. А тогда, уже в дороге, он не сознавал в полной мере, что с ним произошло, куда он идет. Но шел упорно по компасу. За долгие дни и ночи пути он потерял много сил и однажды, истощенный до предела, упал у дороги и заснул. Спал он двое суток, а когда проснулся, не помнил уже совсем ничего. С той самой поры он и жил своей новой, лесной, дикой жизнью — без прошлого...

...Огляделся. Хромой, крупный волк спал у стены пещеры. Это теперь его друг, спутник его дикой жизни. Что же делать? Как быть теперь? Голова Игната так болела, словно его опять ударили прикладом в лоб... И вдруг усталость, тяжелая, вязкая, липкая, стала слепить ему веки. Он подошел к бочке, попил кислой воды, лег на шкуры и уснул, словно провалился в темноту.

Утром, после рассвета, юноша снова пошел на побережье. Хромой не удивился, он, как всегда, был рядом. И раньше случалось из-за мокрой погоды или ночной грозы, что они отправлялись на охоту днем, хотя и очень редко.

Игнат хотел еще раз посмотреть на этого фашиста, хотел увидеть его днем. Теперь он знал, кто перед ним. Но не месть звала его туда, на встречу с этим фашистом. Он хотел посмотреть, убедиться, что этот немец так же смертен, как все люди и животные. И еще он хотел его уничтожить, чтобы избавить от него землю, а вовсе не из мести.

Неподалеку от немецкой землянки снова увидел одинокую собаку. Пес злобно рычал. Шерсть его опять стояла дыбом, он готов был погибнуть в пасти волка, но не подпустить никого к своему хозяину.

Хромой стал в стороне, он понимал, что вожак запретил трогать собаку.

Игнат долго смотрел на рычащего пса, потом вдруг достал из-за пазухи кусок мяса, специально захваченный для этого, и бросил голодной собаке.

Пес сначала настороженно зарычал, но Игнат спокойно сказал ему:

— Возьми, ешь...

Была в этом голосе доброта, которую понял Помор. Он снова услышал знакомую человеческую речь, такие же слова говорил ему хозяин. Он осторожно понюхал мясо и тут же, мгновенно, проглотил его, почти непроизвольно. Ведь он уже третьи сутки ничего не ел...

Долговязого Игнат выследил у подножия холма. Притаился за камнями, наблюдая за немцем. Чуть в стороне залег в камнях волк.

Фашист спускался со своего наблюдательного пункта и, перед тем как войти в землянку, прошел ниже по холму, встал, пригнувшись, возле можжевелового куста и стал осматривать берег и подходы к блиндажу.

Игнат спокойно натянул тетиву, прицелился и так же, не спеша, пустил стрелу.

Острый каменный наконечник глубоко вошел в грудь штурмфюреру, немец рухнул навзничь, неестественно подогнув ноги, и его парабеллум, который он успел выдернуть судорожным движением, отлетел далеко в сторону. Крюгер смотрел пустым, бессмысленным взглядом мертвых глаз в чужое холодное небо, и из груди его торчал хвост стрелы с опереньем из тетеревиных перьев.

Игнат повернулся и пошел прочь. Снова подошел к одинокой собаке, бросил ей второй кусок мяса и двинулся обратно к своему логову.

Море слегка волновалось, выбрасывая на камни бурлящие волны и белую легкую пену. Тайга привычно гудела под ветром. Игнат шел, Хромой не отставал от него. Юноша думал. Теперь он знает все и не может дальше жить одиноко в лесу. Ведь он человек. Он должен быть с людьми. Он думал. И не знал, с чего начать... Как он найдет людей, и поймут ли они его? Но ему теперь было ясно одно: его дикая жизнь в тайге кончилась.

Игнат сидел на камне и смотрел на Хромого. Волк тоже глядел ему прямо в глаза. Казалось, он понимал, что вожак скоро покинет его.

Что же будет здесь с ним, с серым другом, с которым вместе Игнат зимовал, мерз, голодал, охотился, рисковал жизнью, бок о бок с ним принимал бой, встречая чужую стаю? Волк был его верным товарищем, надежным, неутомимым и все понимающим помощником. Что же будет с ним, когда юноша оставит его одного? А ничего. Он прекрасно проживет и без человека. Он волк. Сильный и умный.

А собаку, оставшуюся без хозяина, надо взять с собой. Она не сможет жить без людей и погибнет одна в лесу.

Игнат всматривался в глаза серому брату, долго глядел на него и вдруг понял... Понял, что ему легче будет уйти из тайги именно потому, что здесь остается Хромой. Не только часть его жизни, но и часть души останется здесь с этим волком. И где бы он, Игнат, ни был, Хромой всегда будет ждать его. Он заведет свою семью, стаю, будет водить ее по тайге, растить волчат. Ведь он — частица тайги, часть ее бесконечной жизни.

КОНЕЦ

КРАСНЕТЬ ИЛИ НЕ КРАСНЕТЬ?

Александр Македонский обладал исключительной памятью и наблюдательностью. Он знал в лицо и по имени каждого из 40 тысяч своих воинов, с которыми бок о бок сражался и делил тяготы походной жизни. Все его воины были достойны похвалы, на любого он мог положиться. Но в самые трудные, самые решающие участки битвы Александр посылал лишь тех, кого отбирал лично...

Александр давно заметил, что при волнении, в период опасности одни люди бледнеют, другие — краснеют. Именно краснеющих отбирал Македонский, им доверял он и свою судьбу, и исход сражения. И история показала, что великий полководец был прав. Но почему все-таки краснеющих?

— Они лучше проявляют себя в бою,— говорил Александр.

Прошло свыше 2000 лет, прежде чем наука объяснила гениальное наблюдение полководца. Оказалось, что у краснеющих кровь приливает не только к лицу, но и к мышцам, сердцу, мозгу. С притоком крови питание и работа этих важнейших органов улучшаются. Поэтому в критической обстановке краснеющие быстрее находят решение, энергичнее действуют. У бледнеющих же — наоборот, кровь временно отливает, и это их как бы парализует. Парализует в тот самый момент, когда от их действий зависит победа или поражение...

К счастью, среди пионеров краснеющих (не только от стыда) больше. И если ты к ним относишься, не стесняйся. Ведь еще Александр Македонский считал, что краснеть настоящему мужчине — к лицу.

КЕМ БЫЛИ ПЕРВЫЕ КАПИТАЛИСТЫ?

Что в капиталистических странах есть капиталисты, знают все. Капиталистами же они называются потому, что владеют капиталом: фабриками, заводами, рудниками — одним словом, богатствами. Откуда взялись их капиталы, известно — они нажиты за счет эксплуатации трудящихся. А откуда появилось слово «капитал», каков его истинный смысл?

Тысячи лет назад люди жили проще: охотились, сеяли хлеб, пасли стада. Достаток скотовода зависел от числа голов в его стаде. «Голова» по-латыни «капут». Количество этих «капутов», то есть голов скота, и составляло богатство их владельца, его «капитал». С тех давних пор и стали говорить «капитал» в смысле «богатство». И, следовательно, «капиталист» в первоначальном значении слова — владелец множества голов, стада коров, овец или на худой конец свиней.

М. ЗАЛЕССКИЙ

САТИРИКОНЧИК

РАССКАЗИК

Николай **ВИКТОРОВ**

МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

По дороге домой Надя Дубовцева любила мечтать. И обязательно о чем-нибудь хорошем и красивом.

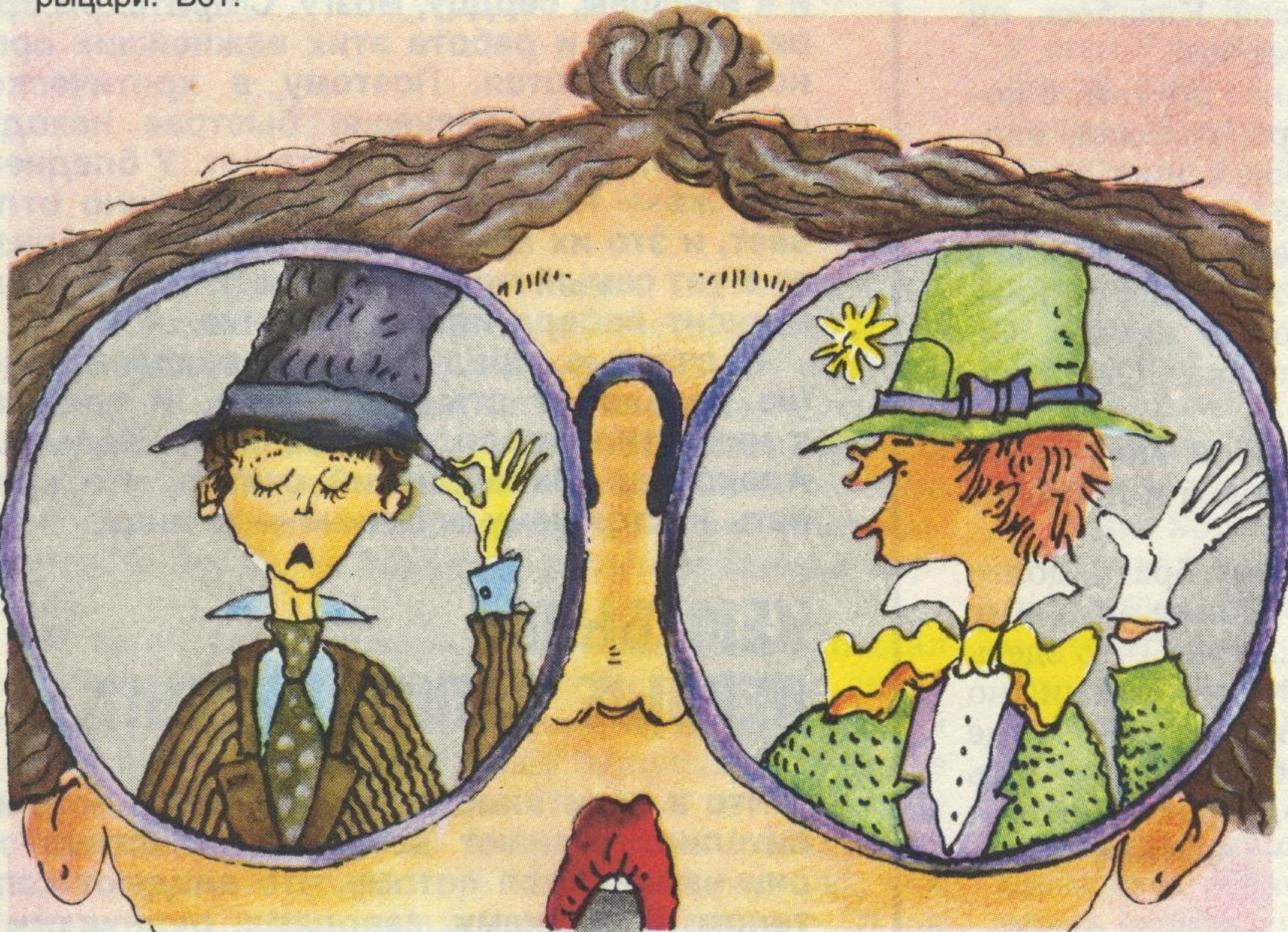
— Эх, перевелись нынче настоящие рыцари,— мечтала Надя.— Взять, к примеру, Курехина. Разве ж он сможет стать на колени и непринужденно произнести: «Мадемуазель, соблаговолите принять этот букет в знак моей величайшей признательности». Или Вовка Живинский? Какой из него рыцарь?! У него и шляпы-то нету, чтобы в моем присутствии снять и раскланяться...

У трамвайной остановки Надю догнали Живинский и Курехин.

— Надь, давай я твой портфель понесу,— попросил Курехин, а Живинский даже попытался помочь ей сесть в подошедший трамвай.

В ответ Надя покрепче зажала в руке портфель и дала обоим по голове. Сначала по голове Курехину. Потом по голове Живинскому.

А почему она это сделала? А потому что перевелись нынче настоящие рыцари. Вот!

БУКЛАВКА

На сей раз в нашу «Буклавку» зашел не сотрудник «Сатирикона», а постоянный автор сразу двух очень популярных в двадцатые — тридцатые годы детских журналов «Чиж» и «Еж». Его имя — Александр Введенский. Особенно часто он сочинял стихи про немецких школьников Макса и Морица. Почему? Наверное, потому, что так ему хотелось. А в том, что главный редактор этих журналов — Самуил Маршак — не зря печатал эти его произведения, вы сейчас сможете убедиться сами.

Александр **ВВЕДЕНСКИЙ**

Два класса учителя Басса

I

Во Франкфурте-на-Одере, в немецком городке, год от году падали доходы. И чтобы хотя отчасти в беде казне пособить, спешат городские власти учителей сократить. Спорили власти не больше часа и решили оставить одного учителя на два класса. А чтобы уроки он мог проводить, постановили в короткие сроки в каждом классе потолок прорубить.

II

Вот пред нами нижний класс,
За столом учитель Басс,
Он в очках и в парике,
С длинной розгою в руке.
Ганс, уткнувши в книгу нос,
Отвечает на вопрос.

Но оставим их сейчас
И заглянем в верхний класс.

Фридрих лает будто сеттер,
И дудит на дудке Фриц.
И со шкапа резвый Петер
Книжки все швыряет вниз.

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

КТО ТУПИЦА?

Учитель: Ну, кто из вас откровенно считает себя тупицей, встаньте?

После долгой паузы поднимается лишь один ученик.

Учитель: Так ты себя считаешь тупицей?

Ученик: Не совсем, но просто как-то неудобно, что вы стоите один.

ОТВЕЧАЙНАЯ

«Алег Блахин мне очень нравится своей техничностью и обработкой меча. Как он это делает? Пусть ответит аткрыткой».

В. К.-о, Одесская обл.

Нет уж, зачем же открыткой? Вот обработает меч, им и ответит.

Кто-то песню затянул.
Кто товарища стегнул:
Макс и Мориц тоже тут,—
На учителя плюют.

Басс услышал шум и крики,
Басс услышал хохот дикий.
Голову просунул Басс
Через дырку в верхний класс.

В классе стало все в порядке,
Все глядят в свои тетрадки.
Макс и Мориц, сидя рядом,
Опустили в книги взгляды.

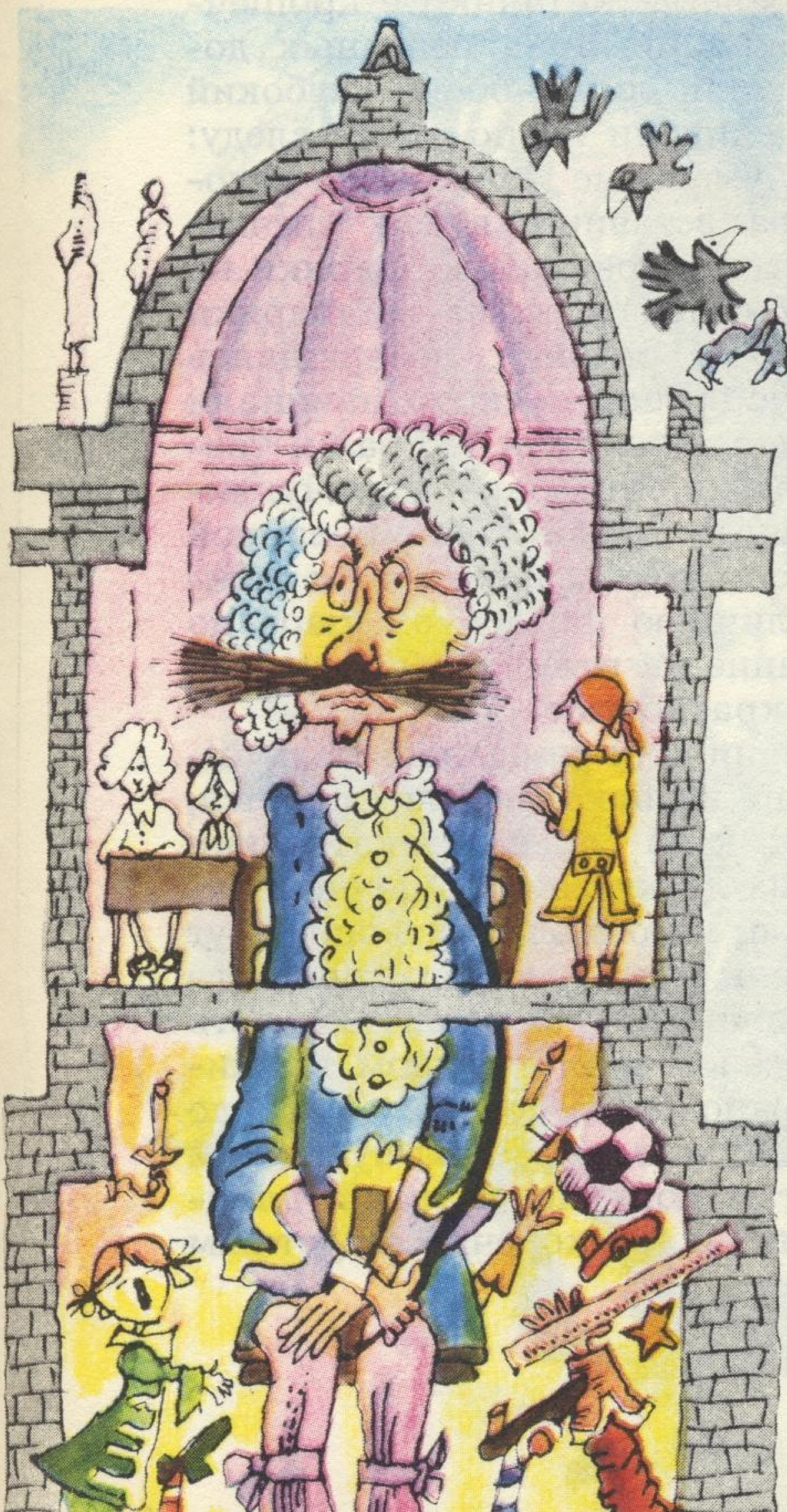
Но оставим их сейчас
И заглянем в нижний класс.

Фридрих сразу принялся
Петь на птичьи голоса,
Будто здесь не класс, а лес;
Ганс на кафедру залез;
Кто-то прыгнул на скамейку,
Кто-то вытащил линейку,
Карл бросает об пол мяч:
Слышны крики, смех и плач.

Вниз опускается
Учитель Басс —
Дерется и ругается
Верхний класс.
Наверх подымается
Учитель Басс —
Шумит, не занимается
Нижний класс.

Подумайте сами — тут хоть взвой: в одном классе учи ногами, а в другом — головой.

(Печатается с сокращениями)

ПРО МАЛЬЧИКА ЛЕШУ

Сергей СЕДОВ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Жил-был мальчик Леша. Он умел превращаться во все-во все! Вот раз превратился он в голубя, уселся на подоконник и постучал клювом в окно. А мама как закричит: «Кыш! Чего уселся!» Она его, конечно, не узнала! А Леша говорит: «Я же твой сын Леша, а ты моя мама Лида!» Тут мама все поняла и дала Леше орешков засахаренных и лимонада. А Алеша стал в воздухе разные фигуры выписывать — соседи смотрят, удивляются. А мама им говорит: «Это мой сын — Леша! У него необыкновенные способности. Я его отдам в английскую школу, и в музыкальную, и в фигурное катание!»

(Продолжение историй про мальчика Лешу следует)

АБЗАЦ

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Если кто-то свободно разгуливает неподалеку от сидящей на цепи собаки, она начинает лаять. За ней подхватывает другая, затем — третья... Это называется цепной реакцией.

Педагогический прием

Когда педагог не знает, что делать с учеником, он устраивает его родителям прием. Это называется педагогическим приемом.

СТИШОК

Лев ЯКОВЛЕВ

Распасовка

Пас Никите дал Тарас,
Дал Никита Вовке пас,
Вовка обыграл Сережку,
Мне паснул, а я — окошку.
И за этот точный пас
Нас отправили в запас.

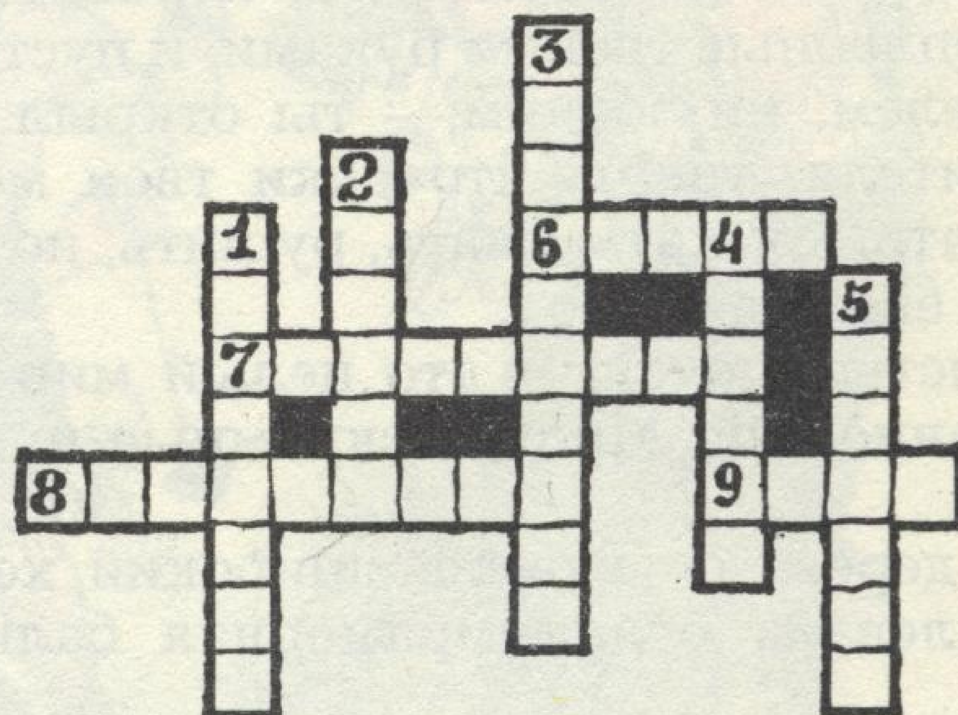
ИГРЫ БЕЗ ЧИПА

САМЫЙ ПРОСТОЙ КРОССВОРД В МИРЕ!

В этом кроссворде достаточно угадать хотя бы одно слово — и ВЕСЬ кроссворд будет решен. Каким образом? А вы подумайте!

По горизонтали: 6. Писатель. 7. Созвездие. 8. Континент. 9. Океан.

По вертикали: 1. Писатель. 2. Грызун. 3. Композитор. 4. Цветок. 5. Минерал.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

Юрий НАГИБИН

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

«Из бульваров на месте стен бывшего Белого города, составляющих зеленое ожерелье вокруг древнейшей части Москвы, Чистопрудный бульвар является наиболее примечательным: летом он привлекает посетителей густой тенью своих аллей и прогулкой на лодке, зимой — катком на его «пруду» — так начинает свой рассказ о Чистых прудах известный знаток Москвы П. В. Сытин. Тут все правильно, но...

Чистые пруды... Для иных это просто улица, бульвар, пруд, а для меня — средоточие самого прекрасного, чем было исполнено мое детство, самого радостного и самого печального, ибо печаль детства тоже прекрасна.

Было время, я знал там каждую скамейку, каждое дерево, каждый куст крапивы возле старой лодочной станции, каждую световую надпись: «Берегись трамвая!», мигающую красным на переходе. У Телеграфного переулка в слове «Берегись» три последние буквы не загорались, получалось красиво и загадочно: «Берег трамвая». И сколько же свиданий назначалось на этом берегу! Мы, мои сверстники и я, не береглись трамвая, как в дальнейшем не береглись жизни. Для нас, городских мальчишек, трамваи были тем же, чем волки и медведи для ребят таежной глуши, дикие кони — для детей прерий. Дело шло напрямую: кто — кого.

Чистые пруды — это чудо первого скольжения на коньках, когда стремящиеся лечь плашмя «снегурочки» становятся вдруг послушными, прямо, стройно режут широким лезвием снег, и ты будто обретаешь крылья. Чистые пруды — это первая горушка, которую ты одолел на лыжах, и я не знаю: есть ли среди высот, что приходится нам брать в жизни, более важная, да и более трудная, чем эта первая высота. Чистые пруды — это первая снежная баба, первый дом из глины, вылепленные твоими руками, и пусть ты не стал ни ваятелем, ни зодчим,— ты открыл в себе творца, строителя, узнал, что руки твои могут не только хватать, комкать, рвать, рушить, но и создавать то, чего еще не было...

Чистые пруды — это целый мир чудесных неожиданностей. Милые, скромные чудеса моего детства!

С дерева спускается широкий холст, на холсте намалевана белая мраморная балюстрада, строй кипарисов, море, в море корабль с раздутыми парусами, а надо всем этим серебряная колбаса — дирижабль с гондолой. Уставившись на холст то слепым, черно заколпаченным, то живым стеклянным глазом, покоится на растопыренной треноге коричневый деревянный ящик, который за десять минут может подарить тебе твое изображение на фоне моря, среди кипарисов, с дирижаблем над головой. Для этого нужно, чтобы маленький чернявый человек усадил тебя под кипарисы, затем припал к аппарату, накрыл себя черной тряпкой, резко крикнул: «Спокойно, снимаю!», после чего, сняв колпачок с выпуклого глаза аппарата, описал рукой плавный круг и вновь прикрыл глаз. Иногда человек, прежде чем снять колпачок, говорил: «Смотрите сюда, сейчас вылетит птичка». Я свято верил этому, хотя птичка никогда не вылетала и, видимо, навсегда осталась в деревянном ящике...

На Чистых прудах ходили китаянки с крошечными ступнями, оставлявшими на песчаных дорожках бульвара детский, лишь более глубокий след. Мы нередко отыскивали их по этому следу: китаянки продавали бумажные фонарики, мгновенно сгорающие, едва вставишь в них свечку; голубые, красные, желтые, оранжевые шарики на длинных резинках: набитые опилками, эти шарики чудесно подскакивали на резинке, возвращаясь прямо в ладонь, но удивительно скоро начинали сочиться опилками, съеживались и умирали; трещотки на спичке с сургучной головкой; причудливые изделия из тонкой, сухой гофрированной цветной бумаги, с помощью двух палочек им можно было придать различную форму, от шара до улитки, но существование их отличалось, увы, такой же мотыльковой краткостью.

С китаянками соперничали продавцы воздушных шаров, когда шар выдыхался или лопался, начиналась его вторая, куда более увлекательная жизнь: мы выдували из лоскутьев крошечные пузырики и звонко давили их о лбы и затылки друг друга; продавцы вафель и мороженого, постного сахара и красных леденцовых петухов — самого стойкого товара на веселом чистопрудном торжище: такого петуха можно было сосать с утра до ночи, он не уменьшался, только красил пунцовым губы и язык. А раз там появился ослик с длинными лысыми ушами и бесконечно грустным

взглядом. Но мы заездили его в неделю, и ослика не стало...

Чистые пруды — столбовая дорога нашего детства. На Чистые пруды водили нас няньки, по Чистым прудам ходили мы в школу и на Главный московский почтамт, он шефствовал над нашей школой. Мы ходили туда в ранние утренние часы, чтобы собирать бумажный утиль в его просторных, тихих залах, где нежно шуршали ролики конвейеров, развозящих по этажам письма в конвертах, пакеты с красными сургучными печатями, кипы брошюр и книг. Утиль мы сдавали во дворе весовщику, он шмякал наши мешки на большие весы с гирями и вручал нам квитанции. По вечерам мы ходили сюда, чтобы работать в столярной мастерской; мы сколачивали ящики для рационализаторских предложений рабочих и служащих почтамта, выпиливали лобзиком из тонкой фанеры портреты прогульщиков, пьяниц, склочников к вящему их позору. По Чистым прудам мы ходили в кино «Маяк», самую плохую и дешевую киношку на свете (экран там заменяла побеленная стена), или в более фешенебельную «Аврору», в девичестве — «Волшебные грезы». На Чистых прудах находилась наша читальня, наш тир, наш клуб без стен, где решались наши пионерские дела, и наш райвоенкомат, откуда в сорок первом многие из нас уходили на войну.

Чистые пруды были для нас школой природы. Как волновала желтизна первого одуванчика на зеленом окоеме пруда! Нежности и бережности учили нас их пуховые, непрочные шарики, верности — двухцветное сродство ивана-да-марьи. Мы ловили тут рыбу, и, бывало, на крючке извивалась не просто черная пиявка, а настоящая серебряная плотичка. И это было чудом — поймать рыбу в центре города. А плавание на старой, рассохшейся плоскодонке, а смелые броски со свай в холодную воду, а теплота весенней земли под босой ногой, а потаенная жизнь всяких жуков-плавунцов, стрекоз, рачков, открывавшаяся на воде,— это было несметным богатством для городских мальчишек, многие и летом оставались в Москве.

Чистые пруды были для нас и школой мужества. Мальчишки, жившие на бульваре, отказывали нам, обитателям ближних переулков, в высоком звании «чистопрудных». Они долго не признавали нашего права на пруд, становившийся зимой катком с неровным, бугристым, но все равно самым лучшим и быстрым льдом на свете. Смельчаки, рисковавшие приблизиться к запретным благам, беспощадно карались. Чистопрудные пытались создать вокруг своих владений мертвую зону.

Мы выступили против чистопрудных единым фронтом. Ребята с Телеграфного, Мыльникова

и Лобковского наголову разбили их в решительной схватке возле «Колизея».

Это все недавнее прошлое Чистых прудов, молодость моего поколения, а теперь — немного истории.

Бульвар разбили в девятнадцатом веке, но местность, отведенная под него, известна с XIV века. Возле нынешних Кировских, некогда Мясницких, ворот находился так называемый Животинный двор — рынок, где торговали скотом. Позже там расположился Государев боевой двор — попросту бойня и, как положено, мытный двор: с каждой копейки, заработанной верноподданными, государевой казне полагалась часть, именуемая пошлиной. Еще позже заселившие Мясницкую и давшие ей это название мясники не хотели платить пошлину и забивали скот на собственных дворах, а отбросы сносили в пруд, получивший прозвище Поганого. Сытин считает, что прудов было несколько, но многочисленные свидетельства убеждают, что пруд был в единственном числе. Кстати, и Патриаршие пруды — это тоже один пруд. Впрочем, и одного пруда было достаточно, чтобы оморочить местность чудовищным, непродышным смрадом.

Спасение пришло от светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, ближайшего сподвижника Петра I. Он поставил себе великолепные каменные хоромы на месте нынешнего почтамта, разбил сады, приструнил мясников, а пруд приказал вычистить и содержать в порядке. Благодарные жители окрестили пруд Чистым и от почтительной радости возвели его в множественный чин.

Светлейший был человеком роскошным, как с обычной меткостью определил его Юрий Тынянов, он все делал с размахом, шиком и перебором. Поставив при своих палатах церковь в честь святого архангела Гавриила, он захотел, чтобы она была выше Ивана Великого. Талантливый, усердный и весьма изобретательный зодчий Зарудный надстроил каменный верх деревянным шатром, и островершек золотого шпиля, увенчанного крестом, оказался на три с лишним метра выше кремлевского колосса. В начале XVIII века Меншикова башня горела, восстановили ее уже без деревянного верха, отчего она художественно выиграла, хотя и умалилась против Ивана Великого, да ведь не пристало сестре быть выше брата. Так нарек московский народ светлое диво. В стройной башне все соразмерно, гармонично, ее создатель Зарудный, одаренный скульптор и художник, одел ее в богатый декоративный наряд. Башня хорошо смотрится в любое время года и в любой час суток, но особенно красива она весной на восходе солнца — нежно-розовая, со сверкающим золотым шпилем. В XVIII веке башня приютила у своего подножия скромную церковь Федора Стратилата, ее построил любимый ученик Матвея Казакова Иван Еготов.

Пруд, как уже говорилось, расчистили, но за прудом имелась другая докука — ручей Рачка, вытекавший из-за «лесных рядов» — торговли строительным лесом. От этого ручья на Покровке стояла такая грязь, что старая Троицкая церковь стала называться «Троица на Грязях». И хотя в 1750 году архитектор князь Ухтомский разработал проект трубы, в которую можно было заключить вредный ручей, и по ней сбрасывать его воды в Яузу, прошло еще двадцать лет, прежде чем городские власти сладили с Рачкой и Покровка получила каменную мостовую. Словно в насмешку, по обе стороны грязевого потока обитала московская медицина: врачи и аптекари. Среди них владелец самой большой — двухэтажной — аптеки того времени Соульс, переименованный смекалистыми москвичами в Соуса.

Чистые пруды связаны с Александром Сергеевичем Пушкиным. Поэт увидел свет на Немецкой улице (ныне — Баумана), но прожил там всего четыре месяца, после чего его увезли в имение деда по матери О. А. Ганнибала — Михайловское. Вернулись Пушкины в Москву в 1801 году и облюбовали для жительства коренную часть Москвы — окрестности Чистых прудов. Бульвара в ту пору еще не существовало. Пушкины часто меняли квартиру, но оставались долго верны Большому Харитоньевскому переулку, где последовательно жили в доме Волкова — на самом углу с Чистыми прудами, в доме Юсупова и доме генерал-майора Санти. Наиболее интересен сохранившийся до сих пор дом 21 в бывшем владении князей Юсуповых. Пушкины жили в деревянном желтеньком особняке под боком каменных юсуповских палат, сохранившихся — о чудо! — по сию пору. Первые московские богачи Юсуповы сдавали флигельки не по нужде, разумеется, а людям, представляющим для них особую важность. Таким оказался для князя Юсупова, управляющего императорскими театрами, записного театрала и владельца собственной крепостной труппы, отец поэта Сергей Львович, превосходный чтец, актер-любитель и устроитель домашних спектаклей.

Детские впечатления самые сильные, они навсегда остаются в памяти, как бы ни загружала ее последующая жизнь. Красные палаты, огромный

сад напротив, с аллеями, беседкой, гротами, искусственными руинами и статуями навсегда поразили воображение впечатлительного мальчика. Дивный юсуповский сад весь вошел в его неоконченное стихотворение «В начале жизни школу помню я»:

...И часто я украдкой
убегал
В великолепный мрак
чужого сада,
Под свод искусственный
порфирных скал.

Знаменитое послание «К вельможе», возможно, тоже коренится в силе детских впечатлений, простодушной очарованности пышным и немного таинственным юсуповским миром. Ведь были знакомы Пушкину и другие вельможи с большей заслугой перед Россией, нежели дипломат-путешественник, театрал и сибарит Юсупов, с более значительной и увлекательной судьбой, крупнее характером, но Пушкин выбрал его, потому что князь Николай Борисович был родом из его детства.

Существует мнение, что дом Санти, куда Пушкины переехали в 1803 году, попал в «Евгения Онегина». Это сюда притащились из своей глуши Ларины устраивать судьбу печальной Татьяны.

В сей утомительной прогулке,
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настежь отворяет дверь
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простертой на диване.

Пушкиным отмечены еще два дома на Чистых прудах: не сохранившийся до наших дней дом № 9, принадлежавший вдове генерала Яковлева; здесь двадцатишестилетний Пушкин навещал великого польского поэта Адама Мицкевича, а по другую сторону дом № 12 (его тоже нет), где Пушкин бывал у своих друзей Пашковых. Пушкин с Натальей Николаевной участвовал вскоре после свадьбы в санном катании, устроенном Пашковыми. Любопытно, что в одних санях с новобрачными сидела молоденькая Евдокия Сушкова, впоследствии известная поэтесса Ростопчина. Сушкова виделась с Пушкиным, Ростопчина дружествовала с Лермонтовым. Она посвятила трогательные стихи его бабушке Елизавете Алексеевне Арсеньевой.

Но есть заступница родная,
С заслугою преклонных лет.
Она ему конец всех бед
У неба выпросит, рыдая.

Но не выпросила Арсеньева спасения своему внуку от последней беды: подлой пули Мартынова!..

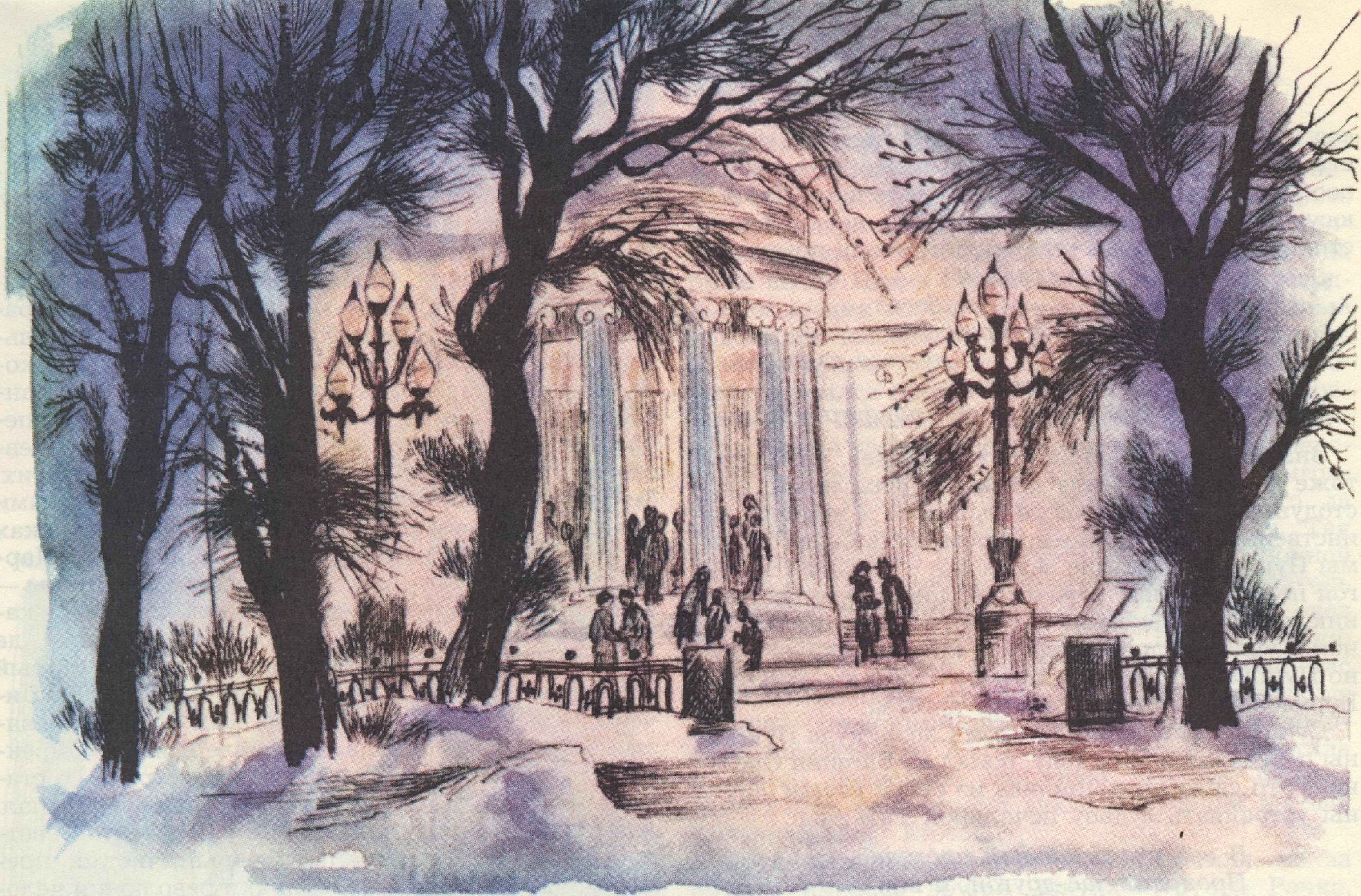
Через Сушкову-Ростопчину перекинулся мостик от Пушкина к Лермонтову...

На Чистых прудах мало мемориальных зданий. По правую сторону (счет ведется от Кировских ворот) в середине прошлого века было всего восемь дворов, принадлежавших разным ведомствам, а также двум полковникам и одному купцу. Большие по тем временам двухэтажные дома стояли в глубине обширных дворов, за домом сад на гектар и больше. Естественно, что эта сторона почти вся перестроена. Но есть тут здания, принадлежащие уже нашей советской истории. Прежде всего дом № 6, где находится Министерство просвещения. Здесь много лет работала Надежда Константиновна Крупская, революционерка, жена и великий преданный друг Владимира Ильича. Здесь работал видный соратник Ленина Анатолий Васильевич Луначарский. Когда же мы пошли в школу, наркомом просвещения был герой гражданской войны, командарм Бубнов, он разделил печальную участь своих боевых соратников: Тухачевского, Уборевича, Корка, Якира и многих других. В ту пору его портрет в военной форме, с орденами Боевого Красного Знамени печатался на обложках школьных тетрадей. Мы бегали к подъезду Наркомпроса смотреть, как он выходит из машины — черного, с серебряным носом «роллс-ройса»,— казавшейся нам чудом автомобильной техники, да так оно и было по тем временам. Давно уже старый рыдван служит на «Мосфильме» кинематографическому делу. Он снимался во всех фильмах, связанных с революцией, в том числе в моем «Директоре». Для меня была трогательна встреча со старым знакомцем, но автомобиль меня не узнал. А я с грустью подумал, что на его потертой светлой коже сидел некогда прекрасный, чистый, преданный до последней кровиночки революции человек, помогший отстоять Советскую власть на фронтах гражданской и серьезно, с революционной ответственностью взявшийся за дело образования.

Дальше, за Телеграфным переулком, в глубине двора высится здание, где размещается издательство «Московский рабочий», а еще недавно тут был целый комбинат, включавший редакции популярных газет: «Вечерняя Москва» и «Московская правда». Высокий дом стоит на плечах старого двухэтажного, построенного в середине прошлого века. После революции в нем долго находилась военная типография.

Другим фасадом дом глядит на некогда знаменитый Абрикосовский сад в Потаповском переулке, сейчас на месте двухсотлетних дубов — серое здание больницы. Этот сад принадлежал московскому богачу, владельцу кондитерских магазинов Абрикосову. На Мясницкой находился один из его роскошных магазинов. А рядом благоухал шоколадом и цедрой магазин Эйнема. Они всегда были рядом, как бензозаправочные соперничающих

фирм «Шелл» и «Эссо». Однажды старый московский чудак, славящийся своей рассеянностью, почетный академик Каблуков пришел с прогулки без своей любимой трости. Стали выяснять, куда он заходил: в магазины Абрикосова и Эйнема. Он кинулся к Абрикосову, там трости не оказалось. Пошел к Эйнему и получил дорогую пропажу. «Неужели немцы честнее русских?» — с горечью вздохнул патриот Каблуков.

Надо еще упомянуть о панораме В. А. Рубо «Бородинская битва», которая первоначально помещалась на Чистых прудах в специально построенном круглом здании.

Другая сторона бульвара, тоже сильно перестроенная, уведет нас в более ранние времена. В доме № 3 до самой смерти жила великая актриса Малого театра Гликерия Николаевна Федотова, прославившаяся в молодости исполнением шекспировских ролей, в старости — персонажей Островского.

На стене дома № 21 висит столь редко встречающаяся в Москве мемориальная доска: здесь жил известный писатель Николай Дмитриевич Телешов, у которого по средам собирались виднейшие писатели, ученые, музыканты, художники. За свою девяностолетнюю жизнь Телешов немало повидал и оставил интересные мемуары. Там говорится, что наиболее верные участники сред носили прозвища — по московским улицам, переулкам, площадям, отражающие их суть. Список стоит привести целиком, настолько он любопытен: писатель Златовратский сперва именовался «Старые Триумфальные ворота», потом — «Патриаршие пруды», цензор Тимковский — «Зацепа», театральный критик Голоушев (Сергей Глаголь) — «Брехов переулок», молчальник Гославский — «Большая Молчановка», Горький — «Хитровка» (ночлежка Хитрова рынка описана в «На дне»), Шаляпин — «Разгуляй», Иван Бунин — «Живодерка» (за худобу и злой язык), его брат Юлий — «Старый газетный переулок», лысый Серафимович — «Кудринка», залысый Чириков — «Лобное место», несокрушимый в своих взглядах Вересаев — «Каменный мост», Куприн — друг цирковых наездников — «Конная площадь», а недавно дебютировавший в литературе Леонид Андреев — «Большой Проектированный переулок», были еще «Каланчевская площадь» — гигант-издатель Миролюбов и «Пречистенка» — кроткий писатель Белоусов.

Вот что писал о Телешовском кружке Иван Алексеевич Бунин:

— «В Москве существовал тогда литературный кружок «Среда», собиравшийся каждую неделю в доме писателя Телешова, богатого и радушного человека. Там мы читали друг другу свои писания, критиковали их, ужинали. Шаляпин был у нас нередким гостем, слушал чтения — хотя терпеть не мог слушать,— иногда садился за рояль и, сам себе аккомпанируя, пел — то народные русские песни, то французские шансонетки, то «Блоху», то «Марсельезу», то «Дубинушку» — и все так, что у иных «дух захватывало».

Раз, приехав на «Среду», он тотчас же сказал:

— Братцы, петь хочу!

Вызвал по телефону Рахманинова и ему сказал то же:

— Петь до смерти хочется! Возьми лихача и немедля приезжай. Будем петь всю ночь.

Было во всем этом, конечно, актерство. И все-таки легко представить себе, что это за вечер был — соединение Шаляпина и Рахманинова. Шаляпин в тот вечер довольно справедливо сказал:

— Это вам не Большой театр. Меня не там надо слушать, а вот на таких вечерах, рядом с Сережей».

Остается сказать о бывшем кинотеатре «Колизей», где сейчас находится театр «Современник». Там шли всегда самые лучшие фильмы, а в фойе играли лучшие тогдашние джазы, особенно часто джаз под управлением Варламова, здравствующего и ныне. О нем писал Илья Ильф в своем дневнике: «Хорош был старик Варламов, который пел в трубу из скоросшивателя». Труба заменяла не существующий тогда микрофон, а «старик» был довольно молод, хотя и с проседью, и пел он замечательно: элегическое танго «Уходит вечер, вдали закат погас» и лихое — «И в беде, и в бою об одном всегда пою: никогда и нигде не унывай».

Одно время в «Колизее» по утрам показывали фильмы, а вечером давал спектакли театр ВЦСПС. Там ставил замечательный режиссер Алексей Дикий. Я помню его блестящий спектакль по пьесе Константина Финна «Вздор». Умелая, с хорошо закрученной интригой пьеса в другом, более солидном театре не давала сбора, а у Дикого надо было выстоять ночь, чтобы купить билеты. Действие начиналось в кабаке, в пьяном угаре качались стены, создавая ощущение хмельного дурмана — одна из многочисленных находок Дикого. Молодой Пестовский играл опустившегося выпивоху, который, спасая обманутую, отчаявшуюся женщину, спасает и самого себя. Никогда потом, играя на большой солидной сцене, Пестовский не создавал такого пронзительного образа. Дикий сделал еще несколько талантливых постановок, стал вырисовываться своеобразный, ни с кем не схожий театр, но последовал разгром, как нередко случалось в то огнепальное время, труппу расформировали, а Дикий разделил судьбу многих одаренных и неординарных людей.

В Лобковском переулке (ныне улица Макаренко) на углу с Мыльниковым (ныне улица имени отца русской авиации Жуковского) находилась моя школа, бывшее училище Фидлера, чья судьба связана с первой русской революцией. В октябрьские дни 1905 года здесь заседал стачечный комитет, куда входили представители от московских учреждений и предприятий. Сытин пишет: «5-го декабря здесь собралась общегородская конференция большевиков, которая вынесла решение — начать с 7 декабря всеобщую стачку. 9 декабря здание училища, в котором происходило собрание дружинников, было окружено полицией и войсками. После жестокого орудийного обстрела дружинники, израсходовав патроны, были вынуждены сдаться. На этом событии закончилась мирная забастовка. Восставшие перешли к вооруженной борьбе». И тут покрыла себя славой другая московская земля, имя которой Красная Пресня.

Когда в сентябре 1928 года мы пришли впервые в школу, то увидели на стенах глубокие выщерблины, обнажения красного кирпича под облицовкой, похожие на кровоточащие раны. И как же гордились мы, узнав, что это следы снарядов, изранивших нашу 321-ю школу — революционную крепость.

Недавно, работая над этим очерком, я почувствовал тоску по Чистым прудам и поехал туда. Там почти ничего не изменилось за последние годы.

Как всегда на меня надвинулись воспоминания, а с ними возник самый сильный образ моей юности. То было в пору, когда республиканская Испания, изнемогая, захлебываясь в крови, отстаивала свободу против фашистских орд. В воскресный день в садах и парках Москвы шло праздничное гулянье молодежи. Быть может, потому, что отовсюду глядело с портретов прекрасное, неистовое лицо Долорес Ибаррури, что многие юноши носили республиканские зеленые пилотки с красным кантом и кисточкой, что на улицах то и дело вспыхивала «Бандара роха», самая популярная песня тех дней, что в разговорах поминутно звучали красивые и горькие слова: «Гвадалахара», «Овьедо», «Уэска», «Астурия», «Мадрид», что небо было озарено алым отблеском праздничных огней, а порой в стороне Москвы-реки ослепительно лопались в выси фейерверки, что вечер этот был душист и жарок и звенела музыка,— нам казалось, будто самый воздух насыщен Испанией, ее звуками и ароматами, ее борьбой, ее гневной непримиримостью.

Мы собрались, чтобы поехать в Парк культуры и отдыха, но вдруг, уже на пути к метро, раздумали и свернули на Чистые пруды. Испания была разлита в воздухе. Испания была в нашем сердце. Мы ощутили странную знаменательность этого вечера, тень судьбы скользнула над нашими головами в бойцовских пилотках. Мы приняли грядущее со всем, что оно возложит на наши плечи.

Поэтому и потянуло нас на Чистые пруды, хоть не было здесь ни трубачей, ни многоцветья огней и фейерверков, нас потянуло сюда, как тянет человека к истоку юности, к началу начал. И само собой получилось, что мы шли строем, по трое в ряд. Нам повстречался наш однокашник, веселый человек Юрка Павлов. Отдавая шутливую дань нашему воинскому строю, строгому молчанию и пилоткам, он крикнул:

— Привет бойцам-антифашистам!..

Мы ответили в голос, без улыбки:

— Но пасаран!..

Не пройдет и пяти лет, и те же слова, сказанные по-русски, многие из нас оплатят своей кровью. А сейчас они рядом, они полны силы и молодости, полны надежд, любви, замыслов, поэзии слов и поэзии чисел, они идут, неотличимые от тех, кому суждено остаться в живых, равные с равными, по людному бульвару к темному, тихому пруду...

Мы стояли у низенькой ограды пруда и смотрели на воду, когда в воздухе воссиял одинокий фейерверк. Его зажег какой-то малыш, крошечный чистопрудный патриот, не захотевший, чтобы его бульвар отставал от ликующих парков столицы. Голубая звездочка взвилась в небо, вспыхнула ослепительно белым, из белого родилось алое и длинными струями потекло вниз. С багрово озаренной воды навстречу мне медленно всплыли красивые мужественные лица моих друзей и запомнились так на всю жизнь.

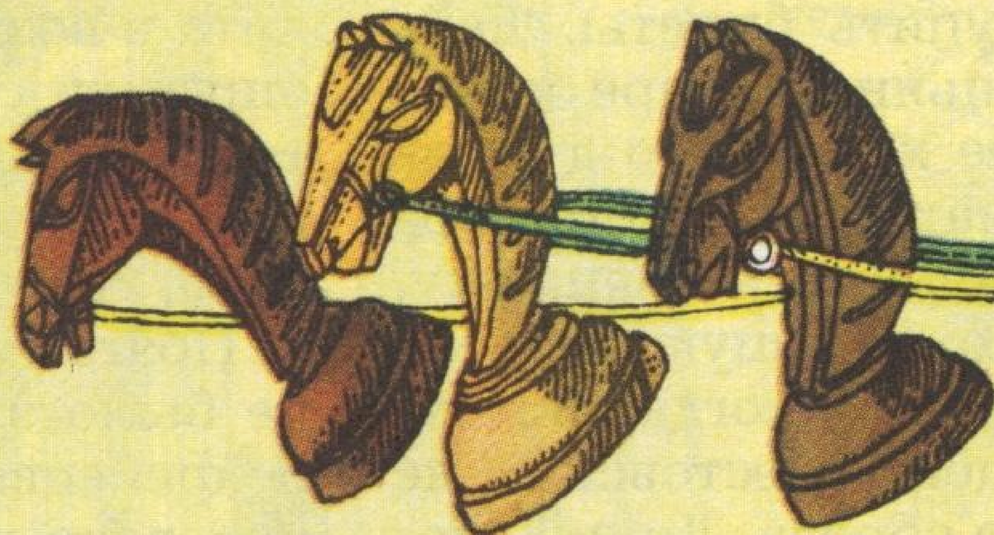
И когда мы, выпускники тысяча девятьсот тридцать восьмого года нашей незабвенной чистопрудной школы, собираемся вместе, а это происходит неизменно каждый год, мы выражаем свой символ веры перифразой стихов Пушкина, обращенных к Лицею:

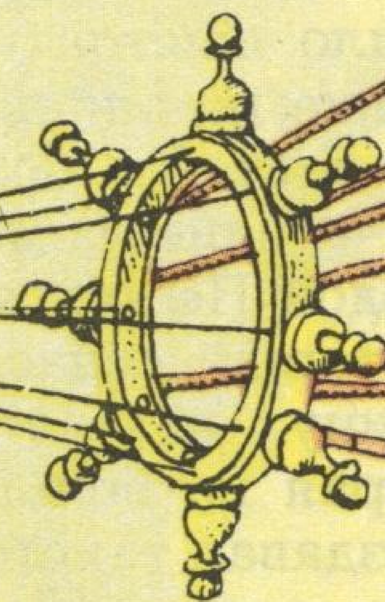
Друзья мои, нам целый мир пустыня,
Отечество нам Чистые пруды.

Дорогие юные и будущие шахматисты! Предлагаем вам продолжить знакомство с записями семиклассника Оси Б. из Новых Васюков.

ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ

«В Новых Васюках,— пишет Ося Б.,— шахматные занятия всегда начинаются в шахматной гостиной. Дедушка Бендер садится за самовар в виде ладьи и начинает рассказывать всякие истории для поднятия боевого шахматного духа. Вот некоторые из них».

Все первые

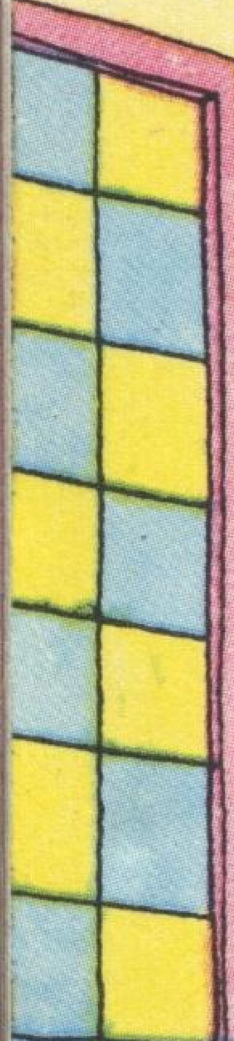
В конце 1940 года трем ведущим гроссмейстерам был задан вопрос: «Кто сильнейший шахматист мира?». Они ответили.

Алехин: «Алехин».

Решевский: «Решевский».

Файн: «У меня создается впечатление, что Файн».

И только на вопрос, кого они считают шахматистом № 2, гроссмейстеры ответили единодушно: «Ботвинника».

Хороший игрок

— Скажите, маэстро, как я играю? — спросил у Капабланки один из участников сеанса одновременной игры.

— Неплохо,— ответил чемпион мира.— Но почему вы не сделали ни одного хода конями?

— А я не знаю, как они ходят...

Побеждает молодость

На международном турнире в Петербурге в 1914 году гроссмейстер Блэкберн выиграл у своего коллеги Гунсберга.

— Молоды вы еще со мной играть,— шутливо сказал после партии 72-летний победитель 60-летнему партнеру.

«Из Гостиной шахматисты разбегаются, кто в Бюро, кто в Мастерскую. Там мы работаем до седьмого пота»,— пишет Ося Б.

МАСТЕРСКАЯ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ

Времена меняются

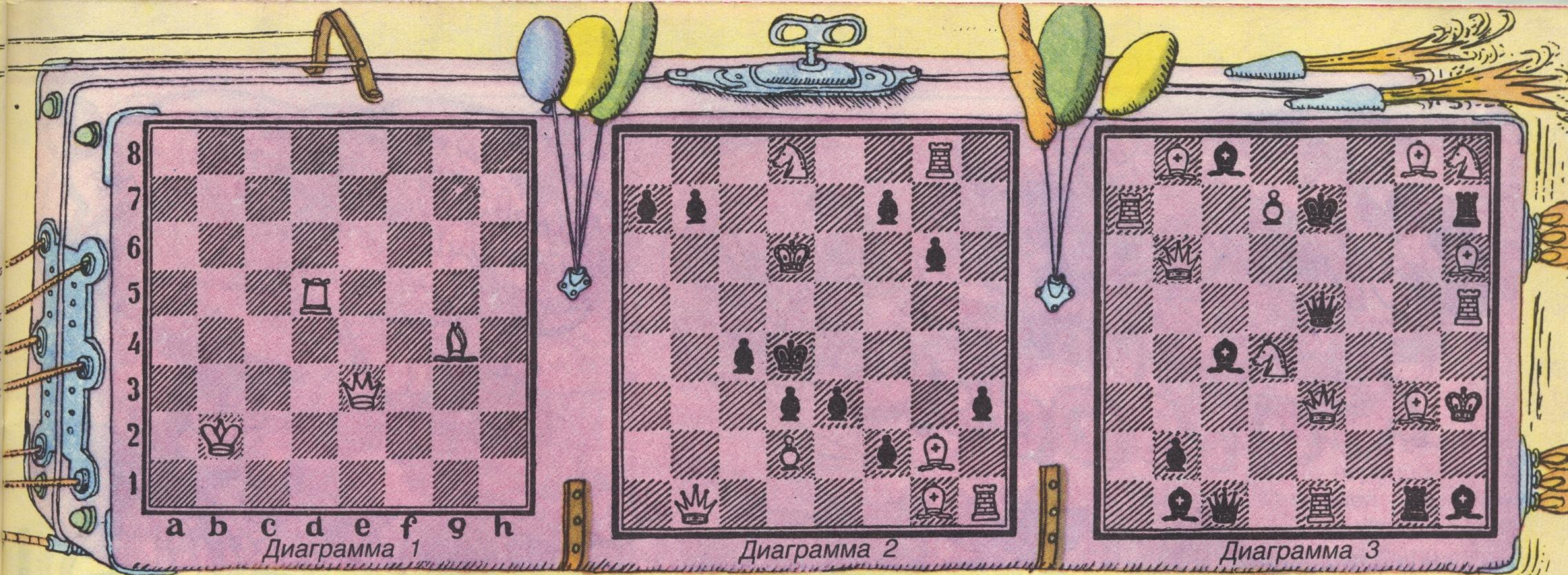
В конце прошлого 1987 года болельщики с любопытством следили за необычным матчем — «женщины против мужчин», проходившим в Бельгии. Два замечательных советских гроссмейстера — М. Чибурданидзе и Н. Гаприндашвили и две ведущие зарубежные шахматистки — венгерка Ж. Полгар и П. Крамлинг из Швеции сыграли матч в два круга с четырьмя «смелыми» мужчинами — двумя гроссмейстерами и двумя международными мастерами.

Еще даже четверть века назад подобный матч вряд ли представлял какой-нибудь интерес — мужчины играли гораздо сильнее. Вспомним историю. С давних пор шахматы считались исключительно мужской игрой. Правда, в арабской легенде упоминается красавица Диларам, соображавшая лучше своего мужа-визиря и подсказавшая ему однажды правильный ход. Но было это очень давно (если вообще было), где-то в IX веке. А в начале нашего столетия участие женщины в шахматном турнире или даже сеансе одновременной игры становилось сенсацией.

Борьбу за шахматную эмансипацию начала в 20-х годах чешская шахматистка, первая чемпионка мира Вера Менчик, которая не только играла в мужских турнирах, но и нередко побеждала гроссмейстеров и мастеров. Хорошо известна история с «клубом Веры Менчик», созданным в 1929 году, куда вошли и, понятно, с большой неохотой капитулировали перед чемпионкой Эйве, Решевский, Рубинштейн, Тартаковер, Султан-Хан, Земиш, Мизес и другие известные шахматисты. Когда однажды неоднократный чемпион Бельгии Колле проиграл Менчик, он очень переживал. Покидая зал, воскликнул: «Неужели женщина меня победила? Мне было бы легче, если бы я проиграл три партии мужчине!»

Времена меняются, меняются и нравы. Термин «женские шахматы», всегда имевший какой-то покровительственный или даже пренебрежительный оттенок, начинает потихоньку исчезать из употребления. Да и переживать мужчины тоже как-то перестали. Сначала Нона Гаприндашвили, затем Майя Чибурданидзе доказали, что они

могут не только на равных сражаться в мужских соревнованиях, но и побеждать в них. Вот и сейчас в бельгийском состязании в восьми встречах с мужчинами Н. Гаприндашвили набрала 5 очков, чемпионка мира отстала на пол-очка. А общекомандный счет оказался ничейный — 16:16.

Чрезвычайно красивым ударом завершилась партия экс-чемпионки мира и американского гроссмейстера.

Н. Гаприндашвили — М. Длуги
Принятый ферзевый гамбит

1. d4 d5 2. c4 dc 3. Kf3 a6 4. e3 e6 5. C:c4 c5 6. Фe2 Kf6 7. dc C:c5 8. 0—0 Фc7 9. e4 Kc6 10. e5 Kd7 11. Cf4 b5 12. Cb3 Ce7 13. Kbd2 Kc5 14. Лac1 K:b3 15. K:b3 Cb7 16. Kfd4 K:d4 17. K:d4 Фd7 18. Лfd1 0—0 19. Kf5 Cd5.

Кажется, что черные отразили все непосредственные угрозы, однако эффектный удар белых немедленно завершает борьбу. 20. Л:d5. Черные сдались, поскольку плохо и 20... Ф:d5 21. K:e7 +, и 20... ed 21. Фg4 — грозит не только 22. Ф:g7x, но и 22. Kh6 +.

БЮРО ШАХМАТНОЙ ПОМОЩИ

Шахматное войско

Главная задача каждого из партнеров — уничтожение неприятельского короля. Следовательно, король — фигура самая главная, но это не значит, что самая сильная.

Знакомство с боевыми свойствами шахматного войска начнем с прямолинейных фигур.

Диаграмма 1

ЛАДЬЯ ходит по горизонтали или вертикали на любое поле, причем она может двигаться во всех четырех направлениях. На диаграмме белая ладья расположена на поле d5. Отсюда она может перейти на любое поле пятой горизонтали или вертикали «d». Если, к примеру, белые решили пойти ладьей на поле a5, то их ход записывается так: Лd5—a5 («—» обозначает знак хода).

СЛОН передвигается по косым линиям — диагоналям — и так же, как и ладья, имеет право и наступать и отступать. Каждый слон может ходить только по «своим» полям. Поэтому этой фигуре доступна лишь половина доски. В начальной позиции каждый из играющих имеет двух слонов — белопольного и чернопольного.

ФЕРЗЬ — самая сильная фигура, он сочетает ходы ладьи и слона и способен перейти на любое поле горизонтали, вертикали или диагоналей, на которых он стоит. На нашей диаграмме ферзь расположен на поле e3. Отсюда он может занять любое поле третьей горизонтали, вертикали «e» (как ладья), диагоналей a7 — g1 и c1 — h6 (как слон).

КОРОЛЬ всегда царствует, но редко управляет. Боевые свойства его скромны — он контролирует лишь соседние поля, правда, в любом направлении. Например, с поля b2, как на диаграмме, король может пойти на любое поле квадрата a1 — a3 — c3 — c1. Король — единственная фигура, которая не может оставаться под ударом.

ПОДУМАЙ И РЕШИ

Ося Б. уточняет: «В № 4 журнала «Пионер» в разделе «Новые Васюки, 64» вы увидели шахматные задачи. Так вот. Они — нормальные, в каждой мат дается в три хода. Сегодня же задачи необычные, но об этом читайте сами».

Диаграмма 2

Белые начинают и дают мат в 1 (один) ход. Постарайтесь решить эту задачу без шахматной доски и фигур.

Диаграмма 3

Белые начинают и дают мат в 1 ход.

Тут есть над чем подумать и посмеяться. Кстати, интересно, сколько времени потребуется вам для их решения. **НАПИШИТЕ ОБ ЭТОМ ОСЕ Б. ИЗ НОВЫХ ВАСЮКОВ. ПИСЬМА АДРЕСОВАТЬ В ЖУРНАЛ «ПИОНЕР».**

Рисунки А. БАЛДИНА.

Следствие ведет Колобок

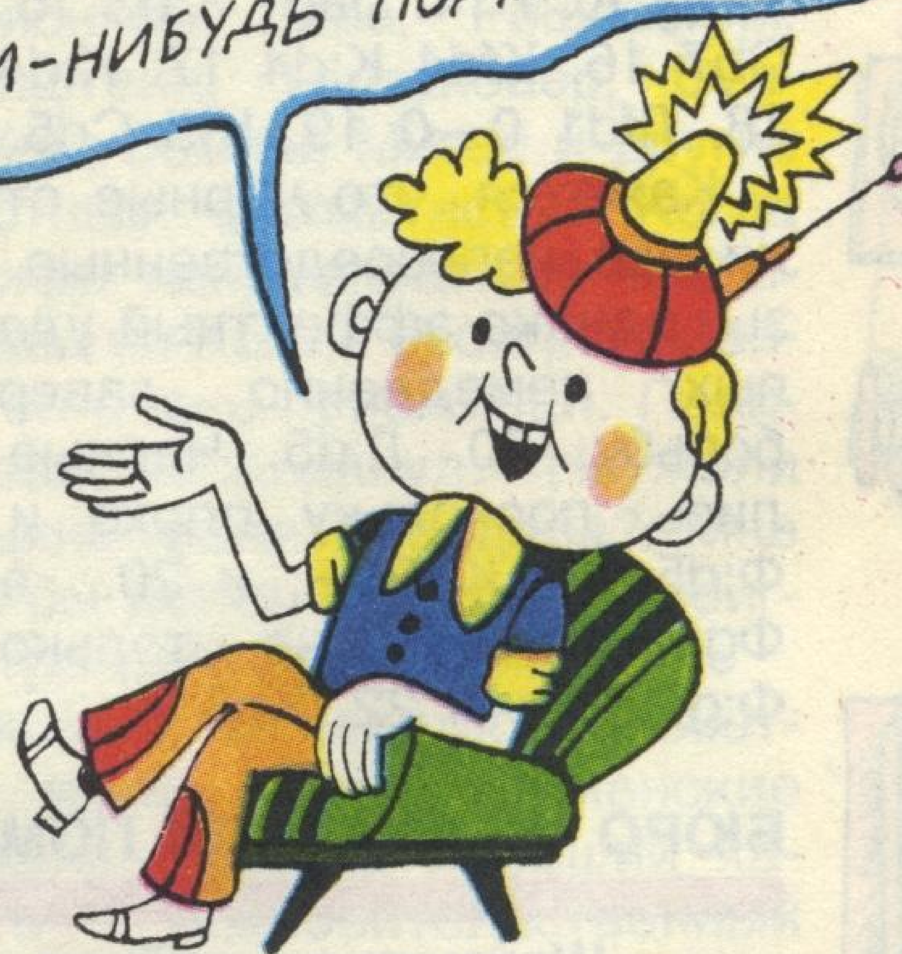

Тогда Булочкин начал последовательно опрашивать жильцов. Самое интересное оказалось, что в каждой последующей квартире жителей предыдущей обзывали лгунами. Обойдя все квартиры, Булочкин выяснил только одно: половина жильцов дома врет. Но какая из них?

Колобка же особенно расстроило, что Булочкин не запомнил, сколько всего квартир в доме.

Вытащить кляп — для специалиста — дело минуты. Благодарный профессор Пуговицын, а это был именно он, поведал им свою леденящую душу историю.

«Около четырех часов в дверь позвонили... Я был польщен, что слава о моей коллекции игр долетела даже до Австралии. Пригласил их войти... А больше я ничего не помню...»

Конечно, еще в начале рассказа профессора Колобок понял, что посетители вовсе не те, за кого они себя выдавали, но сейчас его интересовало другое.

Председатель домкома Теремков жил в самой последней квартире дома. Однако свой первый визит Булочкин нанес именно ему. И не ошибся. Наблюдательный Теремков видел трех подозрительных личностей, грузивших в ЗИЛ-130 какой-то сундук.

На всякий случай Булочкин решил перепроверить показания Теремкова в квартире № 1. И каково же было его удивление, когда открывший дверь пионер Петя Честняков сообщил ему, что подозрительных личностей было не трое, а четверо, грузили они не сундук в ЗИЛ-130, а мешок в «мерседес»-220. А кроме того, все они были абсолютно рыжими.

Цепкий взгляд Колобка выхватил одно, казалось бы, ничем не примечательное окно.

После того, как даже на десятый звонок дверь не открылась, Колобку и Булочкину пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Ребята! Дело Крестикова-Ноликова осложняется. События принимают чрезвычайно опасный и непредсказуемый характер... Колобку и Булочкину необходима ваша помощь! Конечно, иногда ваши ответы приходят с запозданием, но они придают Колобку уверенность, что он на правильном пути. Когда преступление будет полностью раскрыто (в чем Колобок не сомневается), лучшие детективы будут награждены ценными подарками, а лучшие из лучших, кроме того, зачислены в список почетных членов НПДД (Неотложного Пункта Добрых Дел). Не исключено также, что кое-кому поручат вести самостоятельное расследование. Ждем ваших писем!

Рисунки В. ШКАРБАНА.

1. Кто пытался направить следствие по ложному пути — пионер Честняков или домком Теремков? — 6 блинчиков.
2. Каким образом Колобок догадался, что в квартире Пуговицына совершено преступление? — 3 блинчика.
3. Как Колобок понял, что посетители не те, за кого себя выдают? — 2 блинчика.

Содержание

На обложке:
Рисунок А. Борисова.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **О. Г. ПАНКОВ.**
Макет **И. Г. ПАНКОВА.**

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 06.04.88.
Подписано к печати 20.04.88. А 13109. Формат 84×60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 2261.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

— **ПРИГЛАШАЮ** вас всех на выставку,— сказал Домовенок.

— Очень люблю выставки сельскохозяйственных продуктов,— облизнулся Матроскин.

— А мед там будет? — поинтересовался Винни-Пух.

— Может быть, выставка картин? — предположил Колобок.— Мне нравятся старинные натюрморты. На них обычно очень красивые продукты изображены.

Домовенок засмеялся.

— На этой выставке есть почти все, кроме меда, сельскохозяйственных продуктов и натюрмортов. Это выставка тех работ, которые ребята прислали в качестве подарков на мой день рождения!

Одиннадцатилетняя **Аленка Хищнина** из Архангельска сшила симпатичнейшую куклу, весьма напоминающую самого Домовенка. **Таня Савотина** из города Синельниково Днепропетровской области связала брюки, джемпер, берет, шарф и носки — все примерно на домового-подростка. **Наташа Толмачева** из Ростова-на-Дону использовала самый обыкновенный материал — спички, картон, бумагу, краски и клей. А получилась оригинальная аппликация. Восьмиклассник **Коля Круговец** из Брестской области, город Лукинец, вышил разноцветную салфетку-уголок. Да еще объяснил, как надо вышивать! **Лена Кажикина** из Электростали сшила нарядную куклу с бусами. Пятиклассница **Вика Шмальц** из Караганды придумала оригинальный сувенир в виде раскрывающегося сердечка.

Еще Домовенку прислали самодельный альбом для рисования, вязаные башмачки, маленькую юбочку (?!) и пушистого «чудика-мохнатика», брошь из бисера и многое, многое другое. Если упоминать всех, кто прислал подарки, в журнале просто места не хватит.

— А это что за скульптурная группа? — поинтересовался Матроскин.— Какие-то знакомые очертания...

— Конечно, знакомые! — обрадовался Домовенок.— Это

Яна Лядова, Лена Сампоева и Инна Стафейчук из пермского кружка керамики вылепили почти всю нашу компанию. Смотрите: вот Колобок, вот Винни-Пух, вот Матроскин, а вот я. Помогла им руководительница кружка Галина Георгиевна Воронова. Без ложной скромности скажу — моя фигурка самая удачная!

— А по-моему, моя,— сказал Винни-Пух.— Смотрите, какие у меня глазки, носик...

— Но я-то самый круглый! Мой портрет еще никому так не удавался,— восторгался Колобок.

— Не будем спорить,— опомнился деловитый Матроскин.— Мы уже вон сколько времени болтаем, а ребятам еще ни одного полезного совета не дали. Еще раз спасибо всем, кто поздравил Домовенка с днем рождения, и внимательно читайте, **КАК ГОТОВИТЬ**

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

САЛАТ, КОТОРЫЙ ЕЛ АБУ АЛИ ИБН-СИНА

Конечно, мы вам сейчас расскажем не о том самом салате, который съел 10 веков назад знаменитый ученый Авиценна, а просто дадим его рецепт. Основной продукт — обыкновенные одуванчики, известные всем. В салат идут молодые листья. Их тщательно промывают и заливают на 30 минут холодной соленой водой. Потом воду сливают, листья режут на мелкие кусочки, добавляют немного уксуса, посыпают перцем — и салат готов.

Можно смешать листья одуванчика с другими овощами: редиской, огурцами, зеленым луком. Получится вкусно и чрезвычайно витаминно!

О ПОЛЬЗЕ МОРКОВКИ...

рассказывает Белоснежка. И речь она ведет о том, как из двух средних свежих морковок, двух ложек крахмала и одного яичного желтка приготовить маску для лица, чтобы кожа получила свою порцию витаминов и освежилась.

Морковки натрите на терке. Смешайте с двумя столовыми ложками крахмала и яичным желтком. Нанесите смесь на лицо и шею и теперь 20 минут посидите или полежите спокойно. Смойте маску вначале горячей, а потом холодной водой.

— Белоснежка рассказала о морковке, а я хочу рассказать о картошке,— сказал Винни-Пух.

— Что ты можешь нового сказать о картошке? — удивился Колобок.— Я все о ней знаю. Как жарить, как варить...

— Но как с помощью картошки сделать красивую майку, по-моему, знаю только я,— похвастался медвежонок, который на самом деле был большой модник.

...И КАРТОШКИ

Вначале учимся делать красивый лист бумаги — для тренировки. Берем сырую картофелину правильной округлой формы. Разрезаем пополам по наименьшему диаметру. Аккуратно срезая лишнюю мякоть, оставляем контур выбранного рисунка — например, треугольник, ромб или квадрат. (Рисунок может быть любым, но не слишком сложной формы.) Рельеф должен быть достаточно высоким. Вырезать фигуру следует очень аккуратно, а если картофелина хоть немного, но треснула, надо взять другую. (Но будьте аккуратны, жаль портить много картошки.) Потом обмакните в масляную краску. И прикладывайте к бумаге. Следите за тем, чтобы не капать на бумагу и не оставлять на ней отпечатков пальцев в краске. После получения каждого оттиска не забывайте окунать матрицу в миску с краской.

Натренировавшись в обращении с краской и бумагой, переходите на раскрашивание майки. Майку лучше всего брать гладкую. Белую или светлую.

Стол тщательно застелить газетами. Майку плотно натянуть и прикрепить кнопками так, чтобы она была туго и равномерно натянута. Между двумя частями майки лучше всего положить лист картона, чтобы случайно не протекла краска. Рисунок (удобен геометрический) надо придумать заранее и теперь, глядя на него, спокойно делать отпечатки на ткани. Рисунок, кстати, может быть и разноцветным.

Л-1-59

Владимир ПРОТАСОВ

ПАСТУХИ

На рассвете рано-рано,
Лишь проголосит петух,
Раньше всех в деревне встанут
Пастушонок и пастух.
И, командуя парадом,
Пес Полкан, их верный друг,
Заворачивает стадо
В направлении на луг.

* * *

Я долго шел заросшей стежкой
И вдруг гляжу — горит костер.
Стоит шалаш. Лежит топор.
Еще дымит в ведре картошка.
Коровы медленно жуют
Умытые дождями травы.
А пастушонок для забавы
Свечой взвинтил тяжелый кнут.

Павел ЕЛФИМОВ

* * *

Вот заданье для отряда:
— Быть на сборе винограда!
— Есть! — ответил наш отряд,—
Будет собран виноград.
Гроздья, спелые, литые,
Как созвездья золотые,
Мы срывали и — в корзины!
И носили. И грузили.
И самим отведать можно:
Удержаться
Невозможно!

Цена 30 коп. Индекс 70694.